

ООО Издательский дом «ХОРС»

**ОБЩЕСТВО:
политика, экономика, право**

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 10

2016

LLC Publishing House “HORS”

**SOCIETY:
politics, economics, law**

Scientific journal

www.dom-hors.ru

No. 10

2016

ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

2016, № 10
Основан в 2007 г.

Научный журнал «Общество: политика, экономика, право» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (опубликован на официальном сайте ВАК 01.12.2015), в соответствии с требованиями приказа Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863).

Журнал «Общество: политика, экономика, право» входит в трилогию научных журналов:

- «Общество: социология, психология, педагогика»
- «Общество: политика, экономика, право»
- «Общество: философия, история, культура»

Журнал «Общество: политика, экономика, право» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 26.11.2010 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-42798.

Журнал «Общество: политика, экономика, право» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в следующие международные базы данных: UlrichsWeb, EBSCO, Index Copernicus, Citefactor, InfoBase Index.

*Приказ директора ООО Издательский дом «ХОРС»
№ 14 от 28.12.2015 г. с изм., внес. приказом директора
ООО Издательский дом «ХОРС» № 4 от 01.07.2016*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Григорьева Анна Германовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского и гражданско-процессуального права Кубанского социально-экономического института

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

– по политологии:

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, действительный член Академии политической науки,

Василенко Ирина Алексеевна, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

Галкина Елена Вячеславовна, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры общей политологии и социологии Северо-Кавказского федерального университета,

Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, заведующий лабораторией этнокультурных проблем НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета,

Марков Евгений Алфеевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета,

– по экономическим наукам:

Асалиев Асали Магомедалиевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, член-корреспондент Академии естественных наук,

Бухвальд Евгений Моисеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН,

Вукович Галина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной экономики и управления персоналом Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Кубани, академик Российской академии естественных наук,

Митрофанова Инна Васильевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории социальных и экономических исследований Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, профессор кафедры мировой и региональной экономики Волгоградского государственного университета,

Пашкус Наталия Анатольевна, доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и стратегического планирования, профессор кафедры прикладной экономики Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена,

Чарахчян Константин Каренович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, туризма и финансового права Армавирского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета,

Ястребов Олег Александрович, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор Юридического института Российского университета дружбы народов,

– по юридическим наукам:

Альбов Алексей Павлович, доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, декан факультета права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания,

Бородинова Татьяна Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,

Лукожев Хусен Манаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета,

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Кубанского социально-экономического института,

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета,

Сапфинова Аполлинария Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права Кубанского государственного аграрного университета,

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,

Ястребов Олег Александрович, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор Юридического института Российского университета дружбы народов.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шаповалова Янина Анатольевна, кандидат исторических наук

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ РЕДАКЦИИ:

Дюжева Мария Павловна,
Ильина Светлана Сергеевна

РЕДАКТОРЫ:

Хорева Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент,
Тальчук Калерия Сергеевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Неснова Ольга Васильевна

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. (861) 240-98-51, (861) 240-98-52, 8-800-250-42-47
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, г. Краснодар, ул. Буденного, 117/2, оф. 401 (БЦ КНГК-ГРУПП)
тел. (861) 240-98-51, (861) 240-98-52, 8-800-250-42-47
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: POLITICS, ECONOMICS, LAW

2016, No. 10
Founded in 2007

The journal "Society: politics, economics, law" is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of theses for the PhD degree, for the D.Phil. degree should be published (published in official website of Higher Attestation Commission December 01, 2015), in accordance with the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of July 25, 2014 № 793 (registered by the Ministry of Justice August 25, 2014, registration № 33863), as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on June 3, 2015 № 560 (registered by the Ministry of Justice of June 18, 2015, registration number 33863).

Journal "Society: politics, economics, law" is a part of trilogy of scientific journals:

- "Society: sociology, psychology, pedagogics"
- "Society: politics, economics, law"
- "Society: philosophy, history, culture"

Journal "Society: politics, economics, law" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information technologies and Communications (Roskomnadzor) November 15, 2010. Registration certificate ПИ № ФС 77-42798.

Journal "Society: politics, economics, law" is registered in Russian Index of Scientific Citation. Licensed agreement with LLC "NEB" № 62-03/2011R of March 23, 2011 for the inclusion of the information about published articles in the system of the Russian Science Citation Index.

The journal is included into the next international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Index Copernicus, Citefactor, InfoBase Index.

The Order of the Director of Publishing House "HORS", LLC no. 14 dated 28.12.2015 with changes of The Order of the Director of Publishing House "HORS", LLC no. 4 dated 01.07.2016

CHIEF EDITOR:

Grigorieva Anna Germanovna, PhD in History, Assistant Professor, Civil and Civil Procedure Law Department, Kuban Institute for Social and Economic Studies

EDITORIAL BOARD:

– political sciences:

Baranov Andrey Vladimirovich, D.Phil. in Historical Science, D.Phil. in Political Science, Professor of the Political Science and Politic Administration Department, Kuban State University,

Vasilenko Irina Alekseevna, D.Phil. in Political Science, PhD, Professor of the Russian Politics Department, Lomonosov Moscow State University,

Galkina Elena Vyacheslavovna, D.Phil. in Political Science, Professor, Political Sciences and Theology Department, North Caucasian Federal University,

Zhade Zuriet Anzaurovna, D.Phil. in Political Science, Professor, Head of the Theory of State and Law and Political Science Department, Chief of the laboratory for ethnocultural problems, Complex Problems Research Institute, Adygea State University,

Markov Evgeny Alfeevich, D.Phil. in Political Science, Professor, History and Philosophy Department, Cherepovets State University,

– economical sciences:

Asaliev Asaly Magomedalievich, D.Phil. in Economics, Professor of the Labour Economics and HR Management Department, Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences,

Bukhvald Evgeny Moiseevich, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Centre of Federative Relations and Regional Development, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,

Vukovich Galina Grigoryevna, D.Phil. in Economics, Head of Enterprise Economics, Regional and Human Resource Management Department, Kuban State University, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,

Mitrofanova Inna Vasilyevna, D.Phil. in Economics, Professor, Chief Research Associate, Laboratory for Social and Economical Researches, Institute for Social, Economic Studies and Humanities, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Professor of Global and Regional Economy Department, Volgograd State University,

Pashkus Natalia Anatolyevna, D.Phil. in Economics, PhD (Phys.-Math.), Professor, Head of the Marketing and of Strategic Planning Department, Professor of the Applied Economics Department, Herzen Russian State Pedagogical University,

Charakhchyan Konstantin Karenovich, D.Phil. in Economics, Associate Professor, Professor of the Economics, Tourism and Financial Law Department, Armavir Institute of Social Education (branch) of Russian State Social University,

Yastrebov Oleg Aleksandrovich, LL.D, Professor, D.Phil. in Economics, Head of the Administrative and Financial Law Subdepartment, Head of the Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russia,

– legal sciences:

Albov Aleksey Pavlovich, LL.D, PhD, Professor, Head of the Theory and History of State and Law Sub-department, Dean of the Law Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences,

Borodinova Tatyana Gennadyevna, PhD in Law, Assistant Professor, Head of the Criminal Procedure Law Sub-department, North Caucasus Branch of Russian State University of Justice,

Lukozhev Khusen Manaevich, PhD in Law, Associate Professor, Criminal Procedure Department, Kuban State University,

Prokhorova Marina Leonidovna, LL.D, Head of the Criminal Law and Criminal Studies Department, Kuban State University, Head of the Criminal and Criminal and Executive Law Department, Kuban Institute for Social and Economic Studies,

Rudenko Aleksandr Viktorovich, LL.D, Assistant Professor, Head of the Criminal Science and Legal Informatics Department, Kuban State University,

Sapfirova Apollinaria Aleksandrovna, LL.D, Assistant Professor, Head of the State and Legal Disciplines Department, North Caucasus Branch of Russian Academy of Justice, Head of the Land, Labour and Environmental Law, Kuban State Agrarian University,

Uporov Ivan Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Science of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Yastrebov Oleg Aleksandrovich, LL.D, Professor, D.Phil. in Economics, Head of the Administrative and Financial Law Subdepartment, Head of the Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russia

MANAGING EDITOR:

Shapovalova Yanina Anatolievna, PhD in History

EXECUTIVE EDITORS:

Dyuzheva Maria Pavlovna,

Ilina Svetlana Sergeevna

EDITORS:

Khoreva Lyudmila Nikolaevna, PhD in Linguistics, Associate Professor,

Talchuk Kaleria Sergeevna

TRANSLATOR:

Nesnova Olga Vasilyevna

FOUNDER:

LLC Publishing House "HORS"

PUBLISHER'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo ul.

tel. (861) 240-98-51, (861) 240-98-52, 8-800-250-42-47

Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:

350000, Krasnodar, 117/2 Budennogo ul., office 401 (BC KOGC-Group)

tel. (861) 240-98-51, (861) 240-98-52, 8-800-250-42-47

Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ПОЛИТИКА	9	POLITICS
Мартыненко Е.В. Взаимодействие и конфликт внешних акторов войны в Сирии.....	9	Martynenko E.V. Cooperation and conflict of foreign players in the Syrian war
Мартыненко Е.В., Мельникова А.В. Медийные лица внешней политики США и России: Дж. Псаки vs М. Захарова	16	Martynenko E.V., Melnikova A.V. Media personalities of the United States and ...Russia foreign policy: Jen Psaki vs M. Zakharova
Палий И.Г., Крольман М.Л. Аналитический экскурс в теории современных демократий	20	Paliy I.G., Krolman M.L. Analytical excursus in the theory of modern democracies
Синдеев А.А. Общая политика безопасности и обороны ЕС: подход Австрии	25	Sindeev A.A. The Common Security and Defence Policy of the EU: Austria's approach
Жуковский Д.А. «Россиянизм» как ответ «западнизму» в эпоху «столкновения цивилизаций»	29	Zhukovskiy D.A. "Russianism" as an answer to the "Westernism" in the era of the "clash of civilizations"
Кутбидинов К.К. Проблемы военно-политического сотрудничества Кыргызстана и России	34	Kutbidinov K.K. The problems of political and military cooperation between Kyrgyzstan and Russia
Самохина Н.Н., Гугова С.Г. Феномен идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет: проблемы и пути их решения	37	Samokhina N.N., Gutova S.G. The phenomenon of terrorism and extremism ideology on the Internet: challenges and solutions
ЭКОНОМИКА	42	ECONOMICS
Беляков Г.П., Поконов А.А. Уровень технологического развития предприятий лесопромышленного комплекса и методические подходы к его оценке	42	Belyakov G.P., Pokonov A.A. The technological development level of timber enterprises and the methodological approaches to its evaluation
Беломестнова И.В., Кузнецова И.В. Принципы и инструменты активизации воспроизводства человеческого капитала	46	Belomestnova I.V., Kuznetsova I.V. Principles and tools of reinforcement of human capital reproduction
Левченко Т.А., Хаблак В.В. Свободный порт Владивосток как фактор привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока России	49	Levchenko T.A., Khablak V.V. The free port of Vladivostok as a factor of foreign direct investments attraction into the economy of the Russian Far East
Маслихина В.Ю. Динамика пространственного неравенства в условиях усиления агломерационных процессов.....	53	Maslikhina V.Y. The dynamics of spatial inequality in the context of agglomeration processes intensification
Мушруб В.А., Соболев В.Н. Методические замечания к оценке бизнеса методом Гордона	57	Mushrub V.A., Sobolev V.N. Methodological notes to business valuation by means of the Gordon method
Напольских Д.Л. Моделирование процессов кластеризации региональных экономических систем	60	Napolskikh D.L. Modeling of regional economic systems' clustering
ПРАВО	63	LAW
Сапфирова А.А., Масленникова Л.В. Виктимность пострадавшего при несчастных случаях на производстве: условия ответственности, несудебная защита трудовых прав	63	Sapfirova A.A., Maslennikova L.V. Victimhood of a person injured in work-related accidents: terms of responsibility, non-judicial protection of labour rights

Сапфорова А.А., Петрушкина А.В. К вопросу о субъектах, реализующих меры по предупреждению нарушений трудовых прав работников.....	67	Sapfirova A.A., Petrushkina A.V. Concerning organizations engaged in prevention of violations of employees' labour rights
Григорьева А.Г., Сушкова И.А. Доверительное управление наследственным имуществом	71	Grigorieva A.G., Sushkova I.A. Trust management of inherited property
Леус М.В. Проблемы наследования прав, связанных с участием в отдельных организационно-правовых формах юридических лиц	74	Leus M.V. Inheritance of rights related to participation in particular types of business entity
Сильченко Е.В. К вопросу о сущности преступного сообщества (преступной организации), создаваемого в целях осуществления нелегального наркобизнеса	77	Silchenko E.V. Concerning the essence of criminal network (criminal organization) engaged in illegal drug trafficking
Хараев А.А. Некоторые проблемы цели наказания в виде лишения свободы на определенный срок	80	Kharaev A.A. Some problems of the purposes of punishment in the form of imprisonment for a certain period
Семенов Г.С. Динамика преступлений в сфере незаконного оборота оружия и преступлений, совершенных с использованием оружия, на территории государств – участников СНГ с 2006 по 2015 г.	85	Semyonov G.S. The dynamics of illicit arms trafficking crimes and crimes committed with the use of weapons in the territory of the CIS countries during the period of 2006–2015
Гучмазова О.Г. Проблемы признания договора незаключенным в сфере сделок с недвижимостью	88	Guchmazova O.G. The problems of declaring a contract void in the field of real estate transactions
Честнов Н.Е. Правовые основания уголовной ответственности военнослужащих за нарушение правил кораблевождения	91	Chestnov N.E. Legal grounds of servicemen's criminal liability for violation of the rules of marine navigation
Богатырева А.Т. О роли системного подхода в исследовании гражданско-правовых договоров.....	94	Bogatyрева A.T. Concerning the role of the system approach in the study of civil law contracts
Инюшкин А.А. Программы для ЭВМ, базы данных и сайты в сети Интернет в системе права интеллектуальной собственности	99	Inyushkin A.A. Computer software, databases and internet sites in the system of intellectual property law

УДК 327.51

Мартыненко Елена Викторовна

доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории
журналистики филологического факультета
Российского университета дружбы народов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОНФЛИКТ ВНЕШНИХ АКТОРОВ ВОЙНЫ В СИРИИ

Аннотация:

Вооруженное противостояние в Сирии между действующей властью и оппозицией (внутренней и внешней) наряду с активностью боевиков запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» (ИГ), начавшееся в марте 2011 г., практически сразу вышло за рамки внутригосударственного военно-политического конфликта, а затем и за пределы Ближневосточного региона. В сирийский кризис оказались вовлечены другие страны и международные коалиции, в связи с чем этот конфликт приобрел статус самого острого и глобального противостояния современности. Он находится в фокусе внимания региональных держав (Турции, Израиля, Ирана), монархий Персидского залива, соседних с Сирией арабских стран, ведущих стран НАТО и ЕС, Китая и России. Статья посвящена характеристике позиций основных действующих игроков войны в Сирии.

Ключевые слова:

Сирия, сирийский конфликт, Башар Асад, ИГИЛ, терроризм, США, Россия, НАТО.

Martynenko Elena Viktorovna

D.Phil. in Political Science, Professor,
Head of Journalism Theory
and History Department,
Peoples' Friendship University of Russia

COOPERATION AND CONFLICT OF FOREIGN PLAYERS IN THE SYRIAN WAR

Summary:

The armed conflict in Syria between the current government and the opposition (domestic and foreign) along with the activity of the militants of the terrorist organization "Islamic state" (ISIL) banned in Russia, which began in March 2011, almost immediately went beyond military and political conflict within the country, and then – beyond the Middle East region. Other countries and international coalitions were involved into the Syrian crisis, that's why this conflict has acquired the status of a global and acute in our days. It appeared in the focus of the regional powers (Turkey, Israel, Iran), the Gulf monarchies, Syria's neighboring Arab countries, as well as leading countries of NATO and the EU, China and Russia. The article discusses stances of the main current players of the Syrian conflict.

Keywords:

Syria, Syrian conflict, Bashar Assad, ISIS, terrorism, USA, Russia, NATO.

В Сирии в настоящий момент действуют три главные силы: правительственные войска президента Башара Асада, вооруженная оппозиция и «Исламское государство» (запрещенная в России организация). Каждая из сторон стремится сломить две другие. Поскольку конфликт в Сирии затянулся и продолжается до сих пор, ситуация потребовала вмешательства других стран и коалиций. Таким образом, оппозиция пользуется поддержкой США, а правительственные войска – России. Отметим здесь, что этими двумя державами не ограничивается список участников конфликта. Часть территории Сирии находится под контролем «Фронта ан-Нусра» (террористов «Аль-Каиды») и курдов – этнического меньшинства, расположившегося на севере страны [1].

В статье мы определяем, какое значение имеет вмешательство в сирийскую гражданскую войну террористической организации ИГ, международных коалиций и таких ведущих стран, как США и Россия, а также какими отношениями связана Сирия с вышеперечисленными внешними силами.

«Исламское государство»: армия террора

Запрещенная в России террористическая организация «Исламское государство» считается антиправительственной радикальной (внешней) силой, предшественницей которой выступила иракская «Аль-Каида». Тем не менее эта террористическая организация стала центром внимания международного сообщества только в июне 2014 г., после того как захватила город Мосул в Ираке и объявила во всеуслышание о создании всемирного халифата. Именно тогда политики, политологи, журналисты и общественно-политические деятели разных стран впервые задумались: откуда взялась эта жестокая и беспощадная группировка и в чем состоит ее главная цель?

Прежде всего стоит отметить, что ИГ – это международная исламистская суннитская террористическая организация, которая действует фактически с 2013 г. как непризнанное квазигосударство с шариатской формой правления и штаб-квартирой (столицей) в сирийском городе Рака [2]. ИГ расположено преимущественно на территории Сирии, частично сохраняя контроль над северо-восточными районами страны, а также Ирака, частично контролируя так называемую территорию «суннитского треугольника». Помимо аббревиатуры ИГ организацию также сокращенно называют ИГИЛ, а в арабских СМИ – ДАИШ. Она признана террористической в Америке, Канаде, Великобритании, Австралии, Таджикистане, Египте, Турции, Индии, ОАЭ, Индонезии, России (с декабря 2014 г.), следовательно, ее деятельность в этих странах официально запрещена. Но это

несколько не умаляет влияния группировки во всем мире: по данным Министерства обороны России на декабрь 2015 г., ее численность составляла около 60 тыс. чел. [3]. Известно также, что ИГ – самая богатая террористическая группировка в мире. Ежегодный доход ИГ от продажи нефти на черном рынке, где основными ее покупателями являются Турция и Иордания, оружия и произведений искусства составляет до 2 млрд долл. США. Оружие ИГ захватывает в ходе акций террора. Так, группировка получила американскую технику во время операции в Мосуле [4].

Долгое время не существовало четкого и однозначного ответа на вопрос о том, что представляет собой ИГ и чего оно стремится достичь. Поиском подходящих аргументов занимались журналисты, работавшие в горячих точках и готовившие репортажи о событиях, виновниками которых становилось ИГ (по собственному признанию организации).

К примеру, специальный корреспондент онлайн-СМИ Meduza Даниил Туровский, в течение 2015 г. подробно изучавший эту тему в своих репортажах, писал об ИГ как о самой страшной и опасной террористической угрозе в современном мире, за что, к слову, получил премию в номинации «Журналист года 2015» по версии журнала GQ-Россия [5].

Он писал, что ИГ базируется на нескольких идеях ислама, главная из которых – построение на всей планете «халифата», т. е. исламского государства, которым управляет халиф. Граждане такого государства должны жить по нормам шариата, которые отражены в Коране и Сунне (священных текстах мусульман (суннитов), согласно которым регулируются все сферы жизни). Также боевики ИГ действуют согласно идее джихада (которая является основополагающей в исламе), именно поэтому их затем прозвали джихадистами. Представители ИГ понимают джихад радикально. Они опираются на трактовку египетского проповедника 1960-х гг. Саида Кутба, из которой следует, что мир делится на «мир ислама» (халифат) и «мир джахилии» (мир невежд, иноверцев), который необходимо завоевать [6]. При этом все действия ИГ оправдывает строками из Корана, исламское начало помогает террористам привлекать в свои ряды новых сторонников из числа мусульман во всем мире.

По сообщению Д. Туровского, многие ошибочно полагают, что ИГ было придумано американцами – США причастны к появлению этой группировки только косвенно. После вторжения американских войск в Ирак в 2003 г. офицеры иракской армии в 2006 г. объединили свои усилия с десятком исламистских групп и местной «Аль-Каидой» для организации «Исламского государства Ирак» (ИГИ). Из этого следует, что США своей интервенцией создали ситуацию, в которой исламисты сумели соединиться и найти поддержку среди населения и спонсоров в других странах региона.

В 2010 г. власть в новой группировке перешла к Абу Бакр аль-Багдади, уже в 2013 г. организация решила принять участие в гражданской войне в Сирии, для чего сменила название на общеизвестное ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта», в Средние века «Левант» означало «Восток» в широком смысле). В это время позиции аль-Багдади и руководителя «Аль-Каиды» Аймаана аз-Завихири разделились, между ними возникли разногласия в отношении методов джихада, и в итоге ИГИЛ разорвало отношения с «Аль-Каидой», а ее предводительством в Сирии стала группировка «Фронт ан-Нусра». Позже, в июне 2014 г., лидер ИГИЛ объявил о создании халифата на завоеванных территориях – тогда организация получила современное название «Исламское государство» (ИГ) [7].

Внутри «государства» террористы решают, что можно, а что нельзя. Боевики ИГ считают, что имеют право творить бесчинства за отказ и противодействие организации: совершают массовые казни, этнические чистки, разрушают исторические памятники, берут людей в рабство – и это далеко не полный список преступлений членов запрещенной организации.

Американский колумнист изданий Foreign Policy, The Daily Beast и NOW Lebanon, сотрудник Института современной России, главред онлайн-журнала The Interpreter Майкл Вайс и сирийский специалист по Ближнему Востоку, колумнист The Guardian, Foreign Policy, The New York Times Хасан Хасан в течение нескольких лет вели репортажи из Ирака и Сирии. На основе этих материалов они создали феноменальную книгу, первую, в которой подробно разъяснены цели, преследуемые ИГ, – «Исламское государство: армия террора». В ней авторы анализируют историю возникновения ИГ, ее деятельность с того момента, когда лидером стал аль-Багдади. Особенно интересным представляется описание того, как представители ИГ используют для пропаганды и вербовки новых членов популярные сегодня социальные сети (например, Twitter и «ВКонтакте»), добиваются поддержки местных жителей и иностранных покровителей. Террористы регулярно публикуют видеозаписи убийств и казней своих заложников, а также ролики об уничтожении памятников культурного наследия на захваченных территориях, называя это противодействием всем проявлениям многобожия. Для этого они с самого начала создали мощную пропагандистскую структуру с применением ультрасовременных медиа, позволяющих не только публиковать текстовые и аудиоматериалы, но и снимать качественную продукцию, сравнимую с профессиональным кинематографом, с помощью чего они и демонстрируют всю силу и жестокость [8, с. 217–227].

Кроме того, журналисты писали о неоднозначных отношениях между президентом Сирии и джихадистами ИГ. Возрождение террористической группировки в Ираке изначально совпало с захватом ею огромной территории в соседней Сирии. Этот факт Башар Асад старался использовать для того, чтобы представить себя жертвой международного терроризма. Однако ему это не удалось, так как существуют прямые доказательства того, что Сирия оказывала помощь «Аль-Каиде» до тех пор, пока не начался вывод войск США. Накануне своей смерти лидер движения «Пробуждение» в провинции Аль-Анбар по имени Ар-Ришави в интервью с журналистом американской *The New York Times* произнес такие слова: «Это полностью дело рук Сирии. Сирия творит страшные дела» [9, с. 97–113]. Сказанное можно считать правдой: Асад оказывал спонсорскую поддержку джихадизму, чем вызывал разную реакцию среди населения.

Но все же скорое распространение ИГ на территории Сирии было бы невозможным без долговременного сотрудничества официального Дамаска с организациями – предшественниками ИГ («Братья-мусульмане» и «Аль-Каида»). Книга Вайса и Хасана доказывает и этот факт. Многие эксперты не исключают того, что сирийский глава покупает нефть у ИГ наравне с Турцией и Иорданией. Сам Асад, конечно, всегда отрицал свою причастность к делам джихадистов, планированию и координации их деятельности в Ираке, а затем в Сирии, напротив, он поднимал тему предполагаемого военного и антитеррористического сотрудничества с Вашингтоном и не только. Данный вопрос будет освещен далее в работе.

Соединенные Штаты Америки

С уходом с глобальной сцены СССР, который, можно сказать, запятнал свою репутацию в глазах мусульман войной в Афганистане и распространением атеизма, все проблемы мусульманского общества (в широком смысле) стали приписывать глобализации, которая, в свою очередь, была неотъемлемым инструментом воздействия США, воспринимаемым многими в Ближневосточном регионе как некое «воплощение зла» [10, р. 4–46]. Так, антиамериканизм действительно наложил определенный отпечаток на разнообразные течения общественно-политической мысли и деятельность различных политических партий и движений, в том числе тех, которые относятся к исламистским (умеренным и радикальным, как ИГ) на Ближнем Востоке. Антиамериканизм стал ведущим принципом внешней политики большинства стран, в том числе и Сирии.

Однако после 11 сентября 2001 г. Ближний Восток (и Средний) превращаются в основное поле мировой политики. Для Америки «важными призами» в объявленной здесь «войне с терроризмом» стали тотальный контроль над нефтегазовыми месторождениями и путями транспортировки ресурсов и расширенное военное присутствие в стратегически значимых точках региона. Правда, с очередным вмешательством американцев здесь по-прежнему остается несколько традиционных конфликтных зон (арабо-израильское противостояние, курдский вопрос, палестинская проблема и т. д.), в любой момент одна из них может стать новым острым внутривосточным кризисом [11, с. 14].

Интересно, что 26 марта 2011 г. через социальную сеть Facebook распространился призыв к «народному восстанию» от имени некой новообразованной группы «Революция в Сирии 2011 года». Этот призыв на весь мир растиражировали журналисты нескольких международных СМИ, ссылаясь на собственные источники информации в оппозиции. В тот же день министерство информации Сирии лишило аккредитации главу бюро агентства Reuters Халеда Овейса «за передачу непрофессиональных и искаженных сообщений о ситуации в Сирии» [12, с. 198–199]. Но 29 марта сирийский президент заявил об отставке правительства Мухаммеда Наджи аль-Атари, чего и ждала оппозиция. Тогда местные жители (большая часть из них) вышли на улицы, чтобы своим маршем поддержать власть. Асад признал, что правительство не оправдало ожиданий своего народа, но не был готов в скором времени отменять закон о ЧП под давлением бунтующей оппозиции, называемой президентом врагом страны. 30 марта представитель Госдепартамента США Марк Тонер публично выступил с официальным заявлением: «...Президент Сирии Башар Асад должен выполнить все требования народа» [13, с. 199]. В этот же день республиканец Джон Маккейн и независимый сенатор Джо Либерман в обращении к президенту Америки Бараку Обаме говорили, что все попытки Обамы сблизиться с Сирией, а не отстраниться от нее не дали существенных результатов, поэтому «пришло время поддержать народ, выступающий против режима Асада» [14, с. 200]. Вслед за тем сирийское информационное агентство САНА сообщило: на иракской границе по пути в Сирию перехвачен трейлер с грузом, состоявшим из оружия и боеприпасов, а также огромного количества снайперских винтовок. Митинги против действующей власти в стране и вооруженные столкновения продолжались. США по-прежнему осуждали действия Башара Асада по подавлению мирных демонстраций, о вооруженных антиправительственных выступлениях при этом умалчивалось. Однако с 15 апреля многие мировые СМИ начали публиковать отрывки-цитаты из американских дипломатических документов, получивших огласку благодаря сайту WikiLeaks, которые подтверждали факт того, что Госдеп США уже давно, с 2005 г., финансирует и всячески поддерживает сирийскую оппозицию [15, с. 201].

Со временем сопротивление сторон (оппозиция – сирийская власть) только усиливалось. Стал широко известен факт об оказании Америкой помощи силам, противостоящим Башару Асаду. С 2012 г., когда гражданская война в стране шла в полную силу, США уже открыто поставляли повстанцам и вооружение (амуницию, противотанковые орудия и стрелковое оружие), и гуманитарную помощь (медикаменты, предметы первой необходимости и пищу). При этом уточнялось, что американцы содействуют умеренной оппозиции, воюющей против ИГ, других радикальных исламских групп и правительственных войск [16]. Американцы стремились раз и навсегда отстранить Башара Асада от президентских полномочий, поскольку считали, что именно он развязал войну в Сирии, применив силу против мирных манифестаций сирийцев.

Кроме того, было известно, что США проводят специальные обучения для сирийских повстанцев. В мае 2015 г. Пентагон организовал первые тренировки противников действующего в ближневосточной стране режима, но в сентябре того же года военное ведомство вынуждено было признать полный провал программы обучения оппозиции. Изначально предполагалось, что американцы обучат 12 тыс. повстанцев, в результате тренинги были произведены только с 50 людьми. Их отправили в схватку с бойцами подразделения «Аль-Каиды», в ходе которой новобранцы были уничтожены. Считается, что Пентагон не смог осуществить такую обучающую программу, так как американцы хотели, чтобы их студенты воевали против ИГ, а сами претенденты желали использовать навыки в столкновении с войсками президента Сирии. В этом ключе секретная программа ЦРУ, которая работала с 2013 г., оказалась эффективнее и полезнее. Благодаря ей удалось подготовить от 3 до 5 тыс. бойцов [17]. Американское издание *The New York Times*, однако, уточняло, ссылаясь на источники в администрации президента США, что Америка, хотя и не будет больше набирать рекрутов из числа умеренных повстанцев и отправлять их в лагеря Иордании, Катара, ОАЭ и Саудовской Аравии на обучение, организует в Турции небольшой учебный центр, где малые группы сирийцев, особенно лидеров оппозиционных группировок, будут обучаться основным оперативным маневрам [18].

В течение 5 лет с 2011 г., пока продолжалась война в Сирии, американский президент Обама настойчиво говорил о том, что у сирийского конфликта не может быть военного решения. И даже когда впоследствии Россия все-таки вмешалась в эту гражданскую войну, США, чтобы уравновесить силы, не стали вводить свои сухопутные или какие-либо другие войска на сирийскую территорию. Между тем Америка, возглавляя международную коалицию по борьбе с ИГ, проводит операцию против исламистов, но эти действия носят ограниченный характер. Это связано с внутренней политикой США, которой американцы в настоящее время уделяют особое внимание. Республиканцы, которые контролируют конгресс, опасаются, что, если они поддержат полномасштабные военные действия, такое решение серьезно повлияет на нынешнюю президентскую гонку в стране, что противоречит их планам. Именно поэтому от президента-демократа Барака Обамы до сих пор не поступало конкретных предложений по выходу Сирии из кризиса или дальнейшему участию Америки в конфликте.

Международная коалиция по борьбе с ИГ

В гражданской войне в Сирии ведущие страны НАТО, включая Турцию, поддерживают внешнюю сирийскую оппозицию, обвиняя при этом действующую в стране власть в жестоким сопротивлении мирному народному протесту. Поэтому они изначально стремились любым путем свергнуть президента Башара Асада и правящую партию, чтобы реализовать свои внешнеполитические интересы на Ближнем Востоке.

Страны НАТО и Израиль видят в Сирии союзника Ирана и частично России, в связи с чем рассматривают режим Башара Асада в качестве враждебного им и США. Сам Израиль, например, неоднократно отмечал: Сирия содействует международному терроризму, антиизраильским палестинским группировкам и движению «Хизбалла». В связи с этим смена режима в этом государстве полностью совпадает с интересами данных стран [19, с. 418]. Суннитская Турция, в свою очередь, соревнуется с шиитским Ираном за лидерство в регионе. Следовательно, ослабление роли Сирии, которая имеет давние союзнические связи с Ираном еще со времен ирано-иракской войны 1980–1988 гг., на Ближнем Востоке отвечает и турецким интересам.

К слову, между Турцией и Сирией издавна сложились особенные отношения. Так, к примеру, американский Bloomberg высказал точку зрения о том, что Сирия для Турции все равно что Украина для России [20]. Дело в том, что Сирийская Арабская Республика находилась под контролем Османской империи с 1516 г. до момента ее распада. И сегодняшние туркменские повстанцы – это те же этнические турки, которые оказались по другую сторону границы согласно договору, навязанному Турции в 1921 г. Тем не менее бывшие империи считают, что имеют право и даже обязанность вмешиваться в дела давно не принадлежащих им территорий. Вот почему, когда в Сирии начались протесты, турецкий лидер Эрдоган говорил, что сирийские беспорядки – это внутривнутриполитическая проблема и его страны тоже, а когда президент Асад отказался поступать так, как ему было велено, и вовсе был оскорблен [21].

Однако, безусловно, главной деструктивной силой на сирийской территории является террористическая группировка «Исламское государство». Практически сразу после того, как ИГ заявило о создании халифата, его желание расширить границы влияния встретило сопротивление, так что боевики группировки начали прибегать к еще большей жестокости и нарушениям прав человека. Все это вызвало необходимость создания международной коалиции по борьбе с ИГ. В августе 2014 г. ее собрали и возглавили США. Коалиция, куда также входят Франция, Великобритания, Германия, Катар, Саудовская Аравия, Бахрейн и ряд других стран, наносит удары по местам скопления террористов с воздуха, помогает с поставками авиационной техники, при этом не планируя никакой наземной операции, которая, возможно, была бы более эффективна, но гораздо дороже. Стратегия такого союза «заключается и в обучении курдских и иракских сил, чтобы те смогли вернуть захваченные ИГ территории», – об этом говорил министр обороны Франции Жан-Ив Ле Дриан [22]. Тогда же он добавил, что, по данным на 21 января 2016 г., коалицией уничтожено более 22 тыс. боевиков в Сирии и Ираке. Кроме того, среди объектов, по которым наносит удары международная коалиция во главе с Америкой, называют нефтяную инфраструктуру, технику, используемую боевиками, и сами позиции террористов, причем не только представителей ИГ, но и других радикальных исламистских групп. Интересно, что ежедневно эти операции обходятся США примерно в 10 млн долл. [23].

Пожалуй, основная причина, почему такие мощные и влиятельные страны, как США, Великобритания, Франция, Германия и др., так и не могут окончательно одержать победу над ИГ, состоит в нежелании коалиции отправлять в Сирию наземные силы. Ведь авиация, как известно, поражает лишь крупные цели, тогда как многие террористы скрываются в больших городах среди сотен тысяч мирных сирийцев, и наносить авиаудары по таким густонаселенным пунктам невозможно. К тому же важно учесть и тот факт, что сторонники ИГ находятся и в Сирии, и в Ираке, и в большинстве стран по всему миру одновременно, отчего противостоять ИГ еще труднее [24]. Помимо этого, не стоит забывать о том, что страны НАТО не раз уже вмешивались в другие гражданские войны, но все их попытки были неудачными (пример – авиаудары по Ливии в 2011 г., которые не остановили войну), а ситуация в Сирии представляется более запутанной.

Российская Федерация

Между Россией и Сирией исторически сложились дружеские отношения, государства на протяжении многих лет сотрудничают в экономической, культурной, гуманитарной и военно-политической сферах. Начало данным отношениям было положено, когда Сирия встала на так называемый «социалистический путь развития» и получила статус основного российского союзника (одного из немногих) на Ближнем Востоке еще во времена СССР. Данный статус обеспечил Сирии постоянную советскую экономическую и военную помощь, в том числе в борьбе против Израиля [25, с. 194].

Стоит напомнить, что расстояние от Сирии до границы с Россией составляет почти столько же, сколько от Москвы до Санкт-Петербурга, что дает нам право считать: Сирия находится к нам гораздо ближе, чем кажется на первый взгляд [26]. Кроме того, многие семьи в Сирии, как и в России, являются межэтническими (смешанные браки), а рожденные в них дети говорят и по-русски, и по-арабски [27, с. 420]. Сирийская Арабская Республика также выступает рынком сбыта для российских (советских) танков, противотанковых ракетных комплексов, систем ПВО и т. п. Важно сказать о том, что на сирийской территории (во втором по величине после Латакии портовом городе Тартусе) в 1971 г. была построена небольшая база по материально-техническому обеспечению ВМФ России. Эта единственная в своем роде база России, которая находится за пределами бывшего СССР, служит для ремонта и заправки российских военных кораблей в Средиземном море [28]. Кроме того, благодаря данному стратегическому пункту Россия имеет свой выход из порта в Средиземноморье.

С самого начала гражданской войны в Сирии Россия, являясь партнером и единомышленником охваченной протестными настроениями ближневосточной страны, выражала твердую позицию о легитимности президента Башара Асада и, как это ни парадоксально, о недопустимости вооруженного иностранного вмешательства в конфликт. Данную точку зрения усилило трижды наложенное вето России и Китая в Совете Безопасности ООН, что спасло Сирию от бомбардировок НАТО [29, с. 419]. Однако все это не исключает того факта, что российская сторона уже давно и открыто поставляет Башару Асаду вооружение, о чем известно всему международному сообществу. Правительственные войска Сирии многократно принимали от РФ стрелковое оружие, БТР, грузовики и др. Россия также доставляла в Сирийскую Арабскую Республику зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь-С1», противовоздушный комплекс «Бук-М2» и береговой ракетный комплекс «Бастион» в качестве тяжелой артиллерии. При этом общая сумма военных контрактов с Сирией о вышеперечисленных поставках оценивалась в 1,5 млрд долл. в 2012 г. [30].

Кроме прочего, в ближневосточной стране находятся российские инструкторы, обучающие сирийцев использовать военную технику по всем нормам и правилам. Точная информация о их численности отсутствует. Что касается кадровых военных, оказывавших помощь официальному Дамаску непосредственно в столкновениях с оппозицией до сентября 2015 г., конкретные сведения о них также отсутствуют, однако их количество возможно оценить, основываясь на сообщениях западных, особенно англосаксонских, СМИ. Точно известно, что в гражданской войне в Сирии были так или иначе задействованы российские наемники, которые воевали на стороне войск Асада. К примеру, в 2013 г. так называемый «Славянский корпус» проводил на сирийской территории короткую военную операцию. Участники этого корпуса (кубанские казаки, воевавшие за Асада), которые потом вернулись в Россию, получили в итоге тюремные сроки и были арестованы по статье о наемничестве, о чем подробно писала в свое время российская версия журнала GQ [31]. Очевидно, что российские военные находились в Сирии задолго до начала ввода российских войск в сентябре 2015 г. Речь идет прежде всего о тех людях, которые обслуживают тот самый пункт материально-технического обеспечения, о котором говорилось выше. Также все последние месяцы, предвещающие старт военно-воздушной операции России в Сирии, российские военнослужащие вели себя гораздо активнее, со слов источника из Минобороны РФ. Это связано с тем, что они начали ремонтировать аэродром в провинции Латакия, который расположен поблизости от российской материально-технической базы [32]. Россия как минимум вправе защищать свой пункт от всевозможных атак.

С начала августа 2015 г. Россия ускорила поставки вооружений в Сирию, а также перебросила несколько десятков боевых самолетов на аэродром вблизи главного сирийского порта Латакия, систему ПВО, артиллерию и танки. Также увеличилось количество персонала на российской базе в Сирии (до 1 700 специалистов) [33]. 30 сентября прошлого года Совет Федерации, как известно, дал добро на использование российской авиации за рубежом (речь шла, конечно, о Сирии). В Кремле отметили, что основная цель разворачивающейся военно-воздушной операции – борьба с терроризмом в Сирии [34]. Здесь же стоит отметить, что с учетом последних событий в мире сфера влияния России стала постепенно уменьшаться, особенно в последние годы: фактически откололась родственная нам Украина, существуют разногласия с Казахстаном и Белоруссией по некоторым вопросам. В этом ключе потеря Сирии как давнего союзника и партнера России повлечет за собой утрату статуса мирового лидера РФ, чего ни в коем случае нельзя допустить.

Ссылки:

1. Сирия: вопросы, которые стыдно задавать [Электронный ресурс] // Meduza. 2015. 16 сент. URL: <https://meduza.io/feature/2015/09/16/siriya-voprosy-kotorye-stydno-zadavat> (дата обращения: 24.10.2016).
2. Алексеев В. ИГ угрожает Ирану [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/news/analitics/97734/IG_ugrozhaet_Iranu (дата обращения: 24.10.2016).
3. Террористическая организация «Исламское государство»: досье [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. URL: www.tass.ru/info/1264570 (дата обращения: 24.10.2016).
4. Туровский Д. Что такое «Исламское государство»? Вопросы про ИГ, которые стыдно задавать [Электронный ресурс] // Meduza. 2015. 17 нояб. URL: www.meduza.io/feature/2015/11/17/chto-takoe-islamskoe-gosudarstvo (дата обращения: 24.10.2016).
5. Журналист года 2015: Даниил Туровский [Электронный ресурс] // GQ-Россия. URL: www.gq.ru/moty/gq_chelovek_goda_2015_8578/128365_zhurnalist_goda_2015_daniil_turovskiy.php (дата обращения: 24.10.2016).
6. Туровский Д. Указ. соч.
7. Там же.
8. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора : пер. с англ. М., 2016. С. 217–227.
9. Там же. С. 97–113.
10. Fuller G.E. The Future of Political Islam. New York ; Houndmills, 2004. P. 4–46.
11. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. М., 2015. С. 14.
12. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / С. Кургинян, Ю. Бялый, А. Кудинова, И. Кургинян, В. Новиков, В. Овчинский, М. Подкопаева, М. Рыжова. М., 2011. С. 198–199.
13. Там же. С. 199.
14. Там же. С. 200.
15. Там же. С. 201.
16. США и Россия в Сирии. Как русские и американцы участвуют в сирийском конфликте [Электронный ресурс] // Meduza. 2015. 1 окт. URL: www.meduza.io/feature/2015/10/01/ssha-i-rossiya-v-sirii (дата обращения: 24.10.2016).
17. Там же.
18. Shear M.D., Cooper H., Schmitt E. Obama Administration Ends Effort to Train Syrians to Combat ISIS [Электронный ресурс] // The New York Times. 2015. October 9. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/10/world/middleeast/pentagon-program-islamic-state-syria.html> (дата обращения: 24.10.2016).
19. Конфликты и войны XXI века ... С. 418.
20. Champion M. Memo to Putin: Syria Is Turkey's Ukraine [Электронный ресурс] // Bloomberg View. 2015. November 27. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2015-11-27/memo-to-putin-syria-is-turkey-s-ukraine> (дата обращения: 24.10.2016).
21. Ibid.

-
22. Anti-IS coalition has killed 22,000 jihadists since mid-2014: France [Электронный ресурс] // Yahoo! News. 2016. January 21. URL: <https://www.yahoo.com/news/anti-coalition-killed-22-000-jihadists-since-mid-200219765.html?ref=gs> (дата обращения: 24.10.2016).
 23. США и Россия в Сирии ...
 24. Туровский Д. Указ. соч.
 25. Политическое цунами ... С. 194.
 26. Сирия: вопросы, которые стыдно задавать.
 27. Конфликты и войны XXI века ... С. 420.
 28. Сирия: вопросы, которые стыдно задавать.
 29. Конфликты и войны XXI века ... С. 419.
 30. Galpin R. Russian arms shipments bolster Syria's embattled Assad [Электронный ресурс] // BBC News. 2012. January 30. URL: www.bbc.com/news/world-middle-east-16797818 (дата обращения: 24.10.2016).
 31. Мартемьянов М. Казаки по вызову: кубанские наемники в сирийской пустыне [Электронный ресурс] // GQ-Россия. 2014. 28 июля. URL: www.gq.ru/taste/social/80295_kazaki_po_vyzovu_kubanskie_naemniki_v_siriyskoj_pustyne.php (дата обращения: 24.10.2016).
 32. Никольский А. Ремонт по-сирийски. Российские военные помогут отремонтировать в Сирии причал и взлетную полосу [Электронный ресурс] // Ведомости. 2015. № 3917. 15 сент. URL: www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/09/15/608680-rossiiskie-voennye-pomogut-otremontirovat-v-sirii (дата обращения: 24.10.2016).
 33. Барабанов И., Сафронов И., Черненко Е. Разговор по прямому поводу [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2015. № 172. 21 сент. URL: www.kommersant.ru/doc/2814812 (дата обращения: 24.10.2016).
 34. США и Россия в Сирии ...

УДК 32.019.51

Мартыненко Елена Викторовна

доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории
журналистики филологического факультета
Российского университета дружбы народов

Мельникова Анастасия Владимировна

аспирант кафедры теории и истории
журналистики филологического факультета
Российского университета дружбы народов

**МЕДИЙНЫЕ ЛИЦА
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
США И РОССИИ:
ДЖ. ПСАКИ VS М. ЗАХАРОВА**

Martynenko Elena Viktorovna

D.Phil. in Political Science, Professor,
Head of Journalism Theory
and History Department,
Peoples' Friendship University of Russia

Melnikova Anastasia Vladimirovna

PhD student,
Journalism Theory and History Department,
Peoples' Friendship University of Russia

**MEDIA PERSONALITIES OF
THE UNITED STATES AND RUSSIA
FOREIGN POLICY:
JEN PSAKI VS M. ZAKHAROVA**

Аннотация:

В статье анализируется и сравнивается профессиональная деятельность двух официальных представителей внешнеполитических ведомств США и России – Дженнифер Псаки и Марии Захаровой – как медиаперсон, в обязанности которых входит грамотное ведение пропагандистской работы в противоборстве «США – Россия». Поскольку они обе в разное время находились в должности официальных представителей внешнеполитических ведомств своих стран (Госдепа в США и МИД в России), работа над образами Америки (для Дж. Псаки) и России (для М. Захаровой) в мире являлась основным видом их профессиональной деятельности.

Ключевые слова:

Россия, США, внешняя политика, российские и зарубежные СМИ, Дженнифер Псаки, Мария Захарова, МИД РФ, Госдеп США, социальные сети, информационное противостояние.

Summary:

The article analyses and compares professional activities of the two official representatives of the US and Russian foreign ministries – Jennifer Psaki and Maria Zakharova as media personalities responsible for competent conducting of informational and propagandistic work in the US-Russian confrontation. Both of them worked at different times as official representatives of the foreign ministries of their countries (the US State Department and the Russian Ministry of Foreign Affairs), their work on the images of America (Jen Psaki) and Russia (Maria Zakharova) in the world was crucial focus of their professional activity.

Keywords:

Russia, USA, foreign policy, Russian and international mass media, Jen Psaki, Maria Zakharova, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, US State Department, social media, information war.

Американку Дженнифер Псаки, которая была официальным представителем Государственного департамента США с 2013 г. по апрель 2015 г., ныне – действующий помощник президента Барака Обамы по коммуникациям, и россиянку Марию Захарову, возглавляющую Департамент информации и печати Министерства иностранных дел РФ с августа 2015 г., многие журналисты называют антиподами и часто сравнивают между собой как дипломатов и ярких медиаперсон, ставших официальными «голосами» внешнеполитических курсов Америки и России.

Дочь строителя и психотерапевта из Коннектикута, Дженнифер Псаки, окончив государственный исследовательский Колледж Вильгельма и Марии в американском штате Виргиния, известные выпускники которого – экс-президенты США Томас Джефферсон и Джеймс Монро, занялась политической карьерой в 2001 г., приняв участие в предвыборной кампании (перевыборы) кандидатов от Демократической партии в штате Айова Тома Вилсэка и Тома Харкина. Вскоре Дж. Псаки предложили пост заместителя пресс-секретаря, занимающегося продвижением Джона Керри в предвыборной гонке 2004 г. [1].

Стремительный рост карьеры Дж. Псаки начался с момента, когда она стала сопровождать (тогда еще) сенатора Барака Обаму в качестве его пресс-секретаря в многочисленных поездках в ходе президентской кампании 2008 г., завершившейся победой демократов и лидерством Обамы, который в итоге стал президентом США, обойдя республиканца Джона Маккейна. Дж. Псаки последовала за новоизбранным американским президентом в Белый дом, перейдя сначала в должность заместителя пресс-секретаря, а в конце 2009 г. став его директором. Правда, через некоторое время она сменила большую политику на бизнес-фирму, но ненадолго. Уже в 2012 г. Дж. Псаки триумфально вернулась в политику и представляла Барака Обаму в

прессе на следующих президентских выборах, также окончившихся победой Обамы в столкновении с его оппонентом Миттом Ромни. Благодаря своей преданности и трудолюбию она стала официальным представителем Госдепа США (с 2013 г.). Дж. Псаки занимала этот пост до 2015 г., после чего перешла на нынешнее место работы в Белый дом [2]. Именно тот период, когда Дж. Псаки представляла интересы Госдепа США на пресс-конференциях и других мероприятиях, предполагающих встречи с журналистами, особенно «прославил» ее в России и на международной арене. Причем образ Дж. Псаки был чаще всего окрашен негативно, что напрямую связано с ее публичными выступлениями на тему украинских событий и роли России в них.

В свою очередь, Мария Захарова, будучи ненамного старше Дж. Псаки (Дж. Псаки родилась в 1978 г., М. Захарова – в 1975 г.), выросла в семье дипломатов и свои детские годы провела в Пекине. Она получила образование журналиста-востоковеда (ее отец также востоковед) на престижном факультете международной журналистики МГИМО и проходила практику в посольстве России в Пекине [3].

Работа в МИД РФ уже тогда казалась идеально подходящей для нее. В 1998 г. началось восхождение М. Захаровой по карьерной лестнице главного внешнеполитического ведомства России. Сначала она была сотрудником редакции журнала «Дипломатический вестник» при МИД РФ, после чего работала там же в Департаменте информации и печати, где уже в 2003 г. возглавила целый отдел. С 2005 по 2008 г. М. Захарова являлась пресс-секретарем Постоянного представительства РФ при ООН в Нью-Йорке, но потом вернулась на прежнюю руководящую должность в Департамент информации и печати. Круг ее обязанностей был уже довольно широким: помимо проведения брифингов официальных лиц МИД РФ она осуществляла контроль над работой официальных аккаунтов всего внешнеполитического ведомства в социальных сетях и была ответственна за инфообеспечение заграничных визитов министра иностранных дел России Сергея Лаврова. В августе 2015 г. М. Захарова была назначена на свою нынешнюю должность директора Департамента информации и печати МИД РФ [4]. Сегодня она является одним из самых цитируемых российских дипломатов [5]. Свою известность М. Захарова обрела благодаря участию в телевизионных политических ток-шоу на российских государственных телеканалах и комментариям по актуальным политическим темам на своих публичных страницах в соцсетях, в том числе и по сирийскому вопросу.

Само по себе появление М. Захаровой в качестве официального представителя российского МИД было уникальным в первую очередь потому, что с ее вступлением в должность внешнеполитическое ведомство России было впервые представлено женским лицом, чего не скажешь о ее бывшей американской коллеге Дж. Псаки, предшественницей которой на посту официального представителя Госдепа США была Виктория Нуланд (с 2011 г.) [6]. Вскоре новоиспеченного дипломата М. Захарову, обладающую обаянием и при этом не лишённую свойственной ее коллегам жесткости, стали к тому же называть «нашим ответом Псаки» или даже «Псаки по-русски» [7].

СМИ достаточно активно отреагировали на новость об очередном назначении россиянки и начали проводить сравнения между М. Захаровой и Дж. Псаки. Известный российский телеведущий Владимир Соловьев, воспринявший новость с нескрываемым восхищением, сразу поделился этой информацией в своем микроблоге (@VRSoloviev) с другими пользователями: «Не устаю восхищаться Марией Захаровой – наш ответ Госдепу. “Анти-Псаки”...» [8]. Позже в посольстве США в Москве тоже пожелали удачи новому официальному представителю МИД РФ. Пресс-атташе американского посольства в России Уилл Стивенс опубликовал в своем микроблоге (@WBStevens) любопытную фотографию, которая моментально была растиражирована пользователями интернета. На снимке изображены глава российского МИД Сергей Лавров и госсекретарь США Джон Керри с М. Захаровой и Дж. Псаки (последняя, к слову, была в розовой шапке-ушанке) [9]. Все поздравления в свой адрес М. Захарова принимала охотно, но вот частые сопоставления ее персоны с американской коллегой ей не особенно нравились. Она даже публично просила не сравнивать себя с Дженнифер: «Для тех, кто пытается сравнить, вы, конечно же, неправы. Меня зовут Мария, Мария Захарова» [10].

Есть ли на самом деле какие-либо сходства между двумя официальными представителями внешнеполитических ведомств США и России (в их работе и стиле поведения) или же они кардинально отличаются друг от друга?

Как уже было сказано, Дж. Псаки в свое время довольно красочно выступала перед американскими журналистами и акулами пера других стран по поводу политического кризиса на Украине, ее речь зачастую вызывала резонанс в обществе, а также множество критических отзывов. Дело в том, что во время пресс-конференций, когда журналисты мировых массмедиа задавали ей вполне конкретные вопросы в отношении ситуации на Украине, Дж. Псаки нередко уходила от ответа, игнорировала некоторые вопросы, говорила, что не вдавалась в подробности того, о чем ее спрашивают, либо вообще открыто демонстрировала свою некомпетентность и субъективность.

Случалось также, что в ходе публичных выступлений она необоснованно резко высказывалась о России, обвиняя страну в нарушении международных норм, что не соответствовало реальности. К примеру, на одной пресс-конференции Дж. Псаки озвучила свое предположение, что запрещенные международными конвенциями фосфорные бомбы применялись российской стороной под Славянском [11]. В действительности же публикация, само представление этой новости на сайте российского информагентства «РИА Новости» выстроены несколько по-хитрому. О том, что экс-представитель Госдепа США обмолвилась о фосфорных бомбах, использованных Россией на украинской территории, говорится в заголовке данной статьи. А уже далее в материале раскрывается важная деталь для понимания того, что конкретно сказала Дж. Псаки: когда ее попросили прокомментировать сведения о применении фосфорных бомб украинскими вооруженными войсками в окрестностях Славянска, она всего лишь переспросила журналиста: «Кем, русскими?» [12]. Учитывая тот факт, что Дж. Псаки не раз попадала впросак, отвечая на каверзные вопросы представителей прессы по несколько часов подряд, российские СМИ, особенно поддерживающие официальную точку зрения государства, со временем стали умело обращать выступления Дж. Псаки в пользу России.

Газеты, журналы, ТВ и радио России буквально наводнила информация о словах, сказанных по тому или иному поводу Дж. Псаки, которые чаще всего были просто вырваны из контекста. Так, например, можно процитировать заголовки видеосюжетов из информационных выпусков новостей государственного российского «Первого канала», опубликованных также на сайте телеканала и основанных на высказываниях официального представителя американского Госдепа, которые появляются по запросу «Псаки»: «Джен Псаки вновь поспорила с журналистами и попала при этом в неприятную ситуацию», «Джен Псаки снова была поймана на слове», «Очередной пример некомпетентности продемонстрировала Джен Псаки», «Очередная порция путаных заявлений от представителя Госдепа США Джен Псаки», «...Джен Псаки вновь удивила журналистов противоречивыми заявлениями» и т. п. [13]. В это же время глава государственного медиахолдинга «Россия сегодня» и телеведущий Дмитрий Киселев неоднократно посвящал Дж. Псаки оригинальные комментарии в своей воскресной аналитической передаче.

Подобного рода информация муссировалась повсюду практически круглосуточно. Каждая «новость» о Дж. Псаки рождала все новые шутки, анекдоты и мемы (картинки комического содержания в Сети) в интернет-пространстве, в первую очередь в Рунете (родилось и новое сленговое слово «псакинг», характеризующее глупое высказывание). В качестве примера здесь можно привести созданный на этом фоне канал на видеосервисе Youtube под названием PsakiTV («самое компетентное ТВ»), где регулярно публикуются видео, содержащие политические анекдоты, подборки неудачных высказываний политиков и общественных деятелей. И таких примеров в Рунете множество.

Таким образом, изначально волна критики против Дж. Псаки накрыла исключительно российское медиaprостранство. Но вскоре этот ажиотаж привлек внимание мировой прессы. Например, русская служба британского ВВС 7 июня 2014 г. опубликовала на своем сайте материал под заголовком «Дженнифер Псаки: “антигерой России”». В нем журналист Владимир Козловский собрал коллекцию перлов Псаки, процитированных когда-либо ранее российскими медиа, а также написал, что «в России обожают высмеивать американских политиков, особенно радуясь, когда удастся уличить кого-то из них в некомпетентности по любому поводу» [14]. Здесь же автор статьи констатирует, что недоброжелателей у Дж. Псаки и так достаточно, ведь она как пресс-секретарь отдувается за своих боссов. Все потому, что основная ее деятельность заключается в том, чтобы представить внешнюю политику президента и госсекретаря США в наиболее выгодном свете, а успехи Обамы и Керри, как известно, по их рабочим направлениям не всегда очевидны, потому требуют некоторого разъяснения. Этим, собственно, и занималась Дж. Псаки. В настоящее время данную работу в отношении России, и прежде всего главы МИД РФ Сергея Лаврова, выполняет М. Захарова. В этом же материале Козловский перечисляет в обзоре те англосаксонские СМИ, которых также удивляло массовое распространение в российской прессе и Рунете негативного образа официального представителя Госдепа. К примеру, американское онлайн-издание BuzzFeed, писал журналист русской службы ВВС, разместило у себя статью «Российские СМИ неожиданно зациклились на Псаки», которая была посвящена тому, как рыжеволосая американка (Дж. Псаки) греческих и польских кровей запомнилась в Москве не иначе как «девочка для битья» [15].

Сама же Дж. Псаки 11 июня 2014 г. публично заявила, что является «жертвой российской пропаганды», и сравнила себя с «новой демократической Украиной», раскритиковав при этом Россию за такой изощренный способ ведения информационной войны [16]. Она также добавила, что, хоть американские политики и американская пресса неоднократно резко высказывались в адрес России, это не идет ни в какое сравнение с теми нападками на нее, которые позволяет себя российская сторона.

В свою очередь, М. Захарова тоже пользуется большим интересом в Сети, например, когда публикует информацию о деятельности МИД РФ в Facebook. Правда, она, по-видимому, еще не успела нажить себе столько же недоброжелателей, сколько у ее американской коллеги, ведь аналогичную Дж. Псаки должность российский дипломат занимает пока чуть более года. Особенно популярными среди ее подписчиков обычно становятся фотографии из иностранных поездок, которые М. Захарова, как правило, сопровождает собственными комментариями. Однако критику в свой адрес, публикуемую пользователями под ее постами в социальных сетях, М. Захарова не удаляет, позволяя тем самым высказать мнение всем, кто проявляет интерес к внешней политике России [17]. Кроме того, считается, что с приходом М. Захаровой на пост директора Департамента информации и печати российский МИД заговорил на ином языке. Традиционный официоз теперь гармонично сочетается с неформальными высказываниями в разговорном, молодежном стиле на страницах официального лица МИД РФ в соцсетях. Так, М. Захарова стремится изменить созданный ранее образ внешнеполитического ведомства нашей страны, чтобы министерство стало более современным и использовало лучшие наработки иностранных государств [18]. Сама М. Захарова на сегодняшний день все чаще выступает одним из главных ньюсмейкеров в российских и зарубежных СМИ, равно как и Дж. Псаки в свое время.

Несомненно, М. Захарова подвергалась критике со стороны англосаксонских СМИ и тех «российских» медиа, которые финансируются извне. Например, радио «Свобода», поддерживаемое американским конгрессом, не раз критиковало официальное лицо МИД за не всегда уместный публицистический стиль, который, со слов «Свободы», считается агрессивным и приравнивается к советским публикациям о событиях в мире [19].

Очевидно, что при всех имеющихся различиях (географических, временных, жанрово-стилевых) Дж. Псаки и М. Захарова выполняют одни и те же задачи (подразумевается период работы Дж. Псаки в Госдепе США): представляют внешнеполитический курс своих стран в наиболее выгодном свете и ведут «свое» информационное противостояние, каждая со своим главным соперником в противоборстве «США – Россия».

Ссылки:

1. The Greek associate of Barack Obama [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ellines.com/en/erga-ellinon/9333-mia-ellinida-sto-state-department/> (дата обращения: 22.10.2016).
2. Ibid.
3. Биография Марии Захаровой [Электронный ресурс]. URL: <http://mariya-zaharova.ru/biography-marii-zaharovoy> (дата обращения: 22.10.2016).
4. Там же.
5. Забродина Е. У дипломатии – женское лицо [Электронный ресурс] // Российская газета. 2015. № 6747 (176). 11 авг. URL: www.rg.ru/2015/08/11/zaharova.html (дата обращения: 22.10.2016).
6. Виктория Нуланд [Электронный ресурс] : материал их Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D1%83%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 22.10.2016).
7. Псаки по-русски, или Наша Маша [Электронный ресурс] // Gazeta.ru. 2015. 10 авг. URL: www.gazeta.ru/politics/photo/psaki_po-russki.shtml (дата обращения: 22.10.2016).
8. Пост Владимира Соловьева в микроблоге Twitter [Электронный ресурс]. 2014. 30 нояб. URL: www.twitter.com/vrsoloviev/status/539122064981241856 (дата обращения: 22.10.2016).
9. Пост Уилла Стивенса в микроблоге Twitter [Электронный ресурс]. 2015. 10 сент. URL: www.twitter.com/wbstevens/status/630696575946346496 (дата обращения: 22.10.2016).
10. Псаки по-русски ...
11. Псаки предположила, что фосфорные бомбы под Славянском применила РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2014. 13 июня. URL: www.ria.ru/world/20140613/1011857464.html (дата обращения: 22.10.2016).
12. Там же.
13. Поиск по запросу «Псаки» [Электронный ресурс] // Первый канал : офиц. сайт. URL: www.1tv.ru/search?q=псаки (дата обращения: 22.10.2016).
14. Козловский В. Дженнифер Псаки: «антигерой России» [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 2014. 7 июня. URL: www.bbc.com/russian/international/2014/06/140606_psaki_russia_campaign.shtml (дата обращения: 22.10.2016).
15. Там же.
16. Джен Псаки представила себя «жертвой российской пропаганды» [Электронный ресурс] // Russia Today на русском. 2014. 11 июня. URL: <https://russian.rt.com/article/36012> (дата обращения: 22.10.2016).
17. Псаки по-русски ...
18. Матвеева П., Братерский А. Маша – наш ответ Псаки [Электронный ресурс] // Gazeta.ru. 2014. 6 окт. URL: www.gazeta.ru/politics/2014/10/06_a_6250165.shtml (дата обращения: 22.10.2016).
19. Шимов Я. «Вы услышите, что такое российские “Грады”» [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 2015. 10 авг. URL: <http://www.svoboda.org/a/27181134.html> (дата обращения: 22.10.2016).

УДК 1 + 32

Палий Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и культурологии
Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ)

Крольман Марианна Львовна

кандидат философских наук, старший преподаватель
Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ)

**АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС
В ТЕОРИИ
СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ**

Paliy Irina Georgievna

D.Phil. in Philosophy,
Professor, Head of Philosophy
and Cultural Studies Department,
Rostov State University of Economics

Krolman Marianna Lvovna

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer,
Rostov State University of Economics

**ANALYTICAL EXCURSUS
IN THE THEORY OF
MODERN DEMOCRACIES**

Аннотация:

В статье рассматриваются различные концептуальные точки зрения современных западных исследователей на природу и сущность демократической организации общества; доказано несомненное развитие самой теории понимания современной демократии; проведен сравнительный анализ разных концептуальных подходов с целью выделения тех черт демократии, которые могут быть наиболее адекватны для действительного развития общества.

Ключевые слова:

плюралистическая демократия, полиархия, партисипация, общественная демократия, консенсусная демократия, элитистская демократия, партисипативная демократия.

Summary:

The article considers various conceptual approaches of modern Western scholars to the nature and the essence of the democratic organization of a society. The authors prove undoubted development of understanding of the modern democracy theory. The paper compares different conceptual approaches to highlight those features of democracy that can be most suitable for the actual development of the society.

Keywords:

pluralistic democracy, polyarchy, participation, community democracy, consensus democracy, elite democracy, participatory democracy.

Уинстон Черчилль дал краткую, но вместе с тем глубокую оценку современной демократии, заметив, что она есть наихудшая форма политического правления, исключая все остальные. Мысль блестящего в свое время премьера Англии может быть сведена к следующему: демократия – далеко не совершенная политическая форма, но на настоящем этапе человеческой истории лучше ее попросту нет.

Одним из основных критериев действительно развитого общества является наличие в нем свободы, выраженной в степени соблюдения прав каждого отдельного человека. Последнее является «клеточкой» современной демократии. И наоборот: неразвитость демократических институтов, ограниченность участия гражданина в социально-политической жизни общества свидетельствуют о слабом развитии общества, члены которого часто не знают своих прав.

Процесс становления демократического правления занимает в истории человечества достаточно длительный период. В ряде стран этот процесс еще не завершился, в других он пребывает в зачаточном состоянии. Это означает, что на сегодняшний день ни одна политическая система в мире не представляет собой окончательный вариант развитой демократии. Процесс становления демократии продолжает быть, как считает Т.А. Алексеева, многоступенчатым, вариативным и сложным [1].

Кроме того, по мнению немецкого исследователя Б. Гуттенберга, ученые многих стран пока не выработали общепринятых представлений о демократии, «на базе которых можно было бы сформулировать единое определение демократии» [2]. К такому же мнению приходит известный исследователь Р. Даль, который пишет, что «за двадцать пять веков, в течение которых демократия обсуждалась, оспаривалась, поддерживалась, атаковалась, игнорировалась, утверждалась, реализовывалась, разрушалась и затем иногда вновь восстанавливалась, согласия относительно некоторых фундаментальных вопросов, относящихся к сути понятия демократия, судя по всему, так и не возникло» [3]. Заметим лишь по этому поводу, что если проблема понимания демократии столь сложна (что несомненно в силу крайней сложности самого предмета), то, может быть, имеет смысл прекратить настойчивые попытки дать понятию строгое определение в виде однозначной дефиниции.

Между тем социальная философия стремится создать относительно целостную теоретическую модель демократии и соотнести ее с наличными демократическими формами, в особенности с теми, которые имеют место в развитых странах. Следует отметить, что на сегодняшний день сам процесс дальнейшего развития демократии также нуждается в теоретическом прогнозировании. По этой причине уже существующие теории демократии нуждаются не только в сравнительном анализе, но и выявлении критериев их оценок.

В свое время К. Поппер предложил различать демократии по тому, «кто и как» управляет обществом на их основе [4]. По сути дела, ответ на вопрос К. Поппера кроется в выявлении характера взаимоотношений личности, общества и наличной власти данного государства. Одни теории при ответе на вопрос о сущности власти выделяют, как правило, субъект управления, признавая в качестве такового народ в целом или его часть. Дифференцированное выделение предполагает наличие социальных групп, классов, особым образом организованных элементов самого гражданского общества, например политических партий. Но в любом случае основой демократии остается незыблемый суверенитет народа.

Вместе с тем в некоторых теориях демократии в качестве субстанционального основания акцентированно выделяется власть отдельного человека как субъекта власти. К последним теориям относятся прежде всего либеральные теории. В них помимо выявления субъекта правления уделяется внимание механизмам и методам правления, которые отвечают на вопрос «как править», что представляется важным при рассмотрении демократии с точки зрения технологий власти. Очевидно, что либеральные теории в своих выводах отождествлены так называемым теориям коллективистской демократии, в которых субъектом власти полагается сам народ, а точнее функциональным субъектом власти выступают представители народа.

Выше уже говорилось о необходимом анализе критериев современных демократий. Так, к примеру, либеральные концепции под критерием демократии понимают в основном определенные процедуры, служащие ограничению действия самой государственной власти. К этим процедурам относятся действующие механизмы децентрализации власти, наличие альтернативных источников власти и иных механизмов, играющих роль сдержек и противовесов ветвей власти по отношению друг к другу.

В концепциях коллективистских форм демократии критерием служит прежде всего уровень массовости участия граждан, задействованных в реальных процессах управления обществом. Как правило, контроль над деятельностью такого рода институтов власти осуществляет массовая политическая партия.

Теории либеральных форм демократии чаще всего позиционируют себя как теории плюралистической демократии. В такого рода демократиях максимально полно представлен интерес различных групп гражданского общества, с одной стороны, и различные политические силы – с другой. В этом случае субъектами политически активных действий являются прежде всего отдельные группы взрослого населения, где монополизация политических решений той или иной отдельной группой исключается. Концепции плюралистической демократии полагают наличие в политическом процессе определенного равновесия сил. Это означает, что ни одна из групп не может иметь преимущество в политических действиях по удовлетворению своих интересов за счет ущемления интересов других групп. Теорию плюралистической демократии наиболее полно разработал современный философ и политолог Р. Даль. Он считает, что плюралистическая демократия предполагает сосуществование большого числа организованных интересов, которые конкурируют между собой. При этом эти интересы уравниваются взаимным контролем, который усиливается или подкрепляется плюралистической конкуренцией интересов. Последнее устанавливает общественное равновесие сил [5].

Основным понятием, которое разрабатывает Р. Даль в своей теории, является «полиархия». Оно обозначает процесс действительного открытого соперничества политических групп, в результате которого и образуется вся система политического управления обществом.

Главными качественными характеристиками этой системы политического управления являются состязательность политических групп и максимально выраженное участие взрослых граждан в политическом процессе. Что касается уровня партисипации, то индикаторами ее являются выражения самих политических прав и свобод.

В теории «полиархии» Р. Даль выступил основателем своеобразных «максималистских» определений демократии, которые предполагают не только высокий уровень партисипации, но и легитимный и развитый уровни свободы слова, печати, собраний и вполне допустимый плюрализм мнений.

Помимо максималистских определений демократии современные теории предлагают анализировать и «минималистские» формы демократического правления. Последние подвергают анализу политические процессы процедурного характера.

В сфере практической политики, безусловно, широкое распространение получил минималистский подход в определении демократичности той или иной политической системы. Как отмечает один из российских исследователей В.М. Сергеев, собственно честные и свободные выборы

на сегодняшний день являются одним из тех главных сверхупрощенных критериев, которые используются различными международными организациями для оценки степени демократичности того или иного политического режима. Здесь следует подчеркнуть критерий «честные и свободные» выборы. Понятно, что если последние не соблюдаются, то под вопрос ставятся сами основы демократии в ее минимально допустимом выражении.

Минималистский подход в теориях современных демократий позволяет отнести подавляющее большинство государств к демократическим на том простом основании, что сама процедура выборов уже есть в большинстве стран мира. Таким образом, видим, что число демократических государств возрастает. Вместе с тем следует отметить, что «минималистские» демократии не приводят к развитой демократии, т. е. «максималистской». Более того, как показывает практика, иногда выборы приводят даже к обратным результатам, т. е. в некоторых так называемых транзитивных обществах происходят процессы реанимации элементов авторитаризма. Последнее имеет отношение и к современной России.

В теориях демократий отмечается, что, несмотря на наличие в той или иной стране свободных регулярных выборов, этот режим еще не имеет вида развитой демократической системы. По признаку наличия выборов данные демократии получили название «электоральных», или «делегативных». Это означает, что, несмотря на ускоряющийся рост числа демократий в мире, немногие из них можно обозначить как вполне либеральные демократии западного типа.

Так, например, Л. Даймонд считает, что «современные минималистские концепции демократии... обычно признают потребность в некоем наборе гражданских свобод, необходимых, чтобы состязательность и участие имели реальный смысл. Вместе с тем, как правило, они не уделяют большого внимания предполагаемым базовым свободам и не пытаются включить их в число реальных критериев демократии» [6].

Сам факт ограничения политических прав и гражданских свобод в странах «минималистских» демократий является достаточным основанием для того, чтобы эти страны были исключены из системы действительно свободных обществ.

Л. Даймонд, отмечая более развитые «максималистские» демократии, пишет: «Во-первых, помимо регулярной, свободной и честной электоральной конкуренции и всеобщего избирательного права, для либеральной демократии обязательно отсутствие сфер, “зарезервированных” для военных или каких-либо других общественных и политических сил, которые прямо или опосредованно неподконтрольны электорату. Во-вторых, наряду с “вертикальной” ответственностью правителей перед управляемыми, она предполагает “горизонтальную” подотчетность должностных лиц друг другу, что ограничивает свободу рук исполнительных органов и тем самым помогает защитить конституционализм, власть закона и консультационный процесс. В-третьих, она включает в себе огромные резервы для развития политического и гражданского плюрализма, а также индивидуальных и групповых свобод» [7].

Исследователь А. Лейпхарт вводит в политологический оборот особую форму демократии – общественную демократию, которая заставляет внести следующую поправку в сформулированное выше положение: достичь и поддерживать систему стабильных демократических отношений в условиях сложноструктурированных, стратификационных обществ.

При общественной демократии, как считает А. Лейпхарт, «центробежные тенденции, присущие многосоставному обществу, уравниваются установками на взаимодействие и ответственность поведение лидеров различных сегментов общества» [8]. Отличительными чертами общественной демократии оказываются сегментарные различия, которые выражаются в различии между группами населения многосоставного общества, и политическое сотрудничество элит, представляющих его основные группы.

А. Лейпхарт определяет общественную демократию через наличие трех элементов: власть осуществляется посредством взаимодействия политических лидеров всех основных политических общественных движений многосоставного общества; политическое меньшинство всегда имеет гарантию установления своих институтов; выполняется принцип соблюдения пропорциональности политического представительства и осуществляется справедливое распределение постов в системе государственного аппарата.

Ряд авторов тем не менее считает минималистскую концепцию не соответствующей действительно демократической политической форме. Обусловлено это тем, что наличные выборы, которые проходят не без современных технологий, не всегда отвечают развитой демократии. Скорее всего, это транзитивный этап в процессе демократизации общества.

Как справедливо отмечает В.Я. Гельман, в современную эпоху лозунг о свободных и справедливых выборах не всегда соответствует действительности; результаты голосования во многом обусловлены потенциалом так называемого административного ресурса, «партиями власти», и несправедливой конкуренцией участников. Это, как правило, происходит, когда выборы не являются собственно механизмом смены власти. Кроме того, выборы сами по себе не влияют на смену политического курса [9]. В современных условиях по теории минималистской демокра-

тии наличие выборов, победа любого кандидата на выборах не могут свидетельствовать о состоянии развитой демократии. В.Я. Гельман отмечает, что «...выборы признаются хотя и необходимым, но явно недостаточным условием демократизации, ...они вообще могут не иметь отношения к демократии, т. е. к электоральной состоятельности, так как исход этого состязания известен априори» [10]. Таким образом, В.Я. Гельман провозглашает несостоятельность минималистской концепции демократии, по крайней мере в ее «чистом» варианте [11].

Свою критику максималистской концепции В.Я. Гельман строит, опираясь на опыт проведения политических реформ в постсоветских странах. Он утверждает, что использование схемы Р. Даля, в которой состоятельность дополняется другим измерением – массовым политическим участием, трактуемым прежде всего как право избирать и быть избранным, также оказывается недостаточным для осмысления демократии в посттоталитарных условиях. Так, например, один из исследователей демократии Дж. Мюллер признает, что многие авторы имеют идеализированное представление о демократии, в результате чего они исследуют скорее «проблему образа» демократии, нежели ее сущность. Дж. Мюллер полагает, что в некоторых теориях современных демократий оценки демократии тяготеют к неким «туманным идеалам», а не к «реалистическим стандартам». Это несоответствие между теоретическим образом демократии и демократической реальностью становится, по мнению Дж. Мюллера, фактором, порождающим существенные методологические трудности. Помимо теоретических трудностей вышеуказанная понятийная неопределенность феномена демократии обуславливает определенные трудности и в практическом его применении при описании новых транзитивных обществ.

Так как сегодня имеет место неравномерное участие общества в демократических процессах, поскольку интересы различных его слоев не совпадают и имеют разную степень влияния в процессе формирования власти, ряд исследователей критикуют плюралистическую концепцию демократии. Наличие политической всегда преследует иерархически выстроенные интересы, в то время как при плюралистической демократии именно они порождают ряд проблем, связанных с легитимностью. Понятно, что эти проблемы не могут быть сняты всеобщими выборами.

В настоящий момент времени в зарубежной и отечественной литературе поставлен ряд проблем относительно мажоритарной, основанной на принципе большинства, и консенсусной, основанной на договорном решении проблем, демократий. Последняя относится к модели общественной демократии, разработанной А. Лейпхартом, который полагал, что она может базироваться на практике взаимного вето некоторых государств, равно как и на соглашении между представителями большинства и меньшинства общества.

Тем не менее, как считает тот же Р. Даль, правящее большинство может быть всегда поддержано меньшинством в том случае, если принятые политические решения не посягают на базисные интересы меньшинства [12], к которым относятся религия, язык, экономическая безопасность. В противном случае меньшинство никогда не станет оказывать поддержку большинству и будет стремиться отрицать его легитимность.

Сообщественная демократия имеет ряд недостатков. А. Лейпхарт считает, что при наличии большой коалиции, как правило, оппозиция довольно слабая либо отсутствует вовсе. Негативным моментом в данном случае является отсутствие оппозиционного влияния в высшем законодательном органе, т. е. в парламенте. Кроме того, общественная демократия обязательным образом осуществляет сотрудничество с политическими элитами. Стало быть, данная форма демократии содержит в себе элемент элитаризма.

Представители элитарной теории, к примеру Й. Шумпетер, полагают, что даже при господстве демократического большинства действительные решения, как правило, принимаются демократической политической элитой. По мнению Й. Шумпетера, «демократический метод – это тот порядок создания института для достижения политических решений, при котором отдельные социальные силы получают право на принятие решений посредством конкурентной борьбы за голоса народа» [13].

Теория элитарной демократии утверждает, что идеал народовластия никогда не был реализован в полной мере, не исключая и современную эпоху. Все дело в том, что народ, пусть на время, но избирает именно господствующую элиту. В этом случае сущность демократии сводится к открытости формирования элит, с одной стороны, и подконтрольности их деятельности самому обществу – с другой. Последнее возможно только при наличии развитого гражданского общества.

Представители элитистской парадигмы настаивают на том, что без политической элиты в принципе невозможно нормально функционирующее общество. Некоторые из элитистов являются приверженцами именно автономной элитарной власти, так как, по их мнению, только она и может обеспечить профессиональное квалифицированное управление обществом. Однако большинство западных теоретиков пытаются соединить элитизм с демократическими принципами. В результате появляются компромиссные концепции. Одной из них является теория полиархической демократии. Вместе с тем следует помнить о том, что элитизм всегда предполагает

заведомое неравенство людей, тогда как классическая теория демократии, напротив, настаивает на их равенстве, пусть это равенство будет иметь место хотя бы в правовом поле.

Как пишет американский исследователь У. Стэмпис, демократией следует называть такую систему, при которой обеспечивается как политическое равенство, так и гарантия социального и экономического равенства. Явным противоречием в теориях элитизма является несовпадение между политическим субъектом, т. е. элитой, и юридическим принципом демократии, т. е. легитимно признанной волей народа как источника власти.

Исторический процесс генезиса так называемой элитарной демократии берет начало с словесно-структурного деления общества в условиях феодализма. В наше время основой демократических элит являются неразвитые социальные структуры гражданского общества, находящиеся в состоянии транзитивности либо к индустриальной цивилизации, либо к собственно демократическому пути политического развития. Кроме того, в ряде государств современное существование элитарной демократии обусловлено отсутствием должного уровня политической культуры у большинства населения. При этом ясно, что элитизм ни в коем случае нельзя рассматривать как следствие нетождественности одного индивида другому. Демократия, как известно, создает условия сильной социальной мобильности, в силу чего к власти могут приходиться наиболее способные, талантливые и профессиональные люди. При других условиях создаются так называемые закрытые политические системы, в которых властью обладают представители узкого элитарного слоя, производящего своеобразную циркуляцию власти внутри этого слоя. Именно поэтому, как писал еще Платон, аристократия и плутократия нередко приводят к власти не самых достойных.

По мнению отечественных исследователей Г.В. Каменской и А.Р. Родионова, положительной стороной практически всех элитистских теорий является акцентированно выраженный их авторами круг проблем, связанных прежде всего с необходимым уровнем высокого профессионализма в сфере современной политики. Так, например, заметная роль в этом отношении принадлежит основателям современных элитистских теорий Р. Михельсу, Г. Моске и В. Парето. Эти авторы впервые стали настойчиво считать наличие профессиональной подготовки обязательным для политических деятелей. Кроме этого, вышеназванные исследователи отмечали ограниченную политическую активность большинства граждан в процессе голосования, нередкое отсутствие у избирателей непосредственных контактов с депутатами законодательных собраний и, самое главное, практическую независимость деятельности политиков от мнения, воли и контроля граждан.

В противовес как политической теории либеральной демократии, так и элитистской демократии появилась теория «демократии участия», или «партисипативной» (партиципаторной) демократии.

Нам представляется, что эта теория во многом вбирает в себя целый ряд качественных составляющих других теорий и именно поэтому, с одной стороны, претендует на роль своего рода синтетической теории демократии в ее современном понимании. С другой стороны, партисипативная теория в случае ее реализации может быть применима (в ее ранней, становящейся форме) к посттоталитарным режимам в их транзитивном политическом и социальном состоянии. И, наконец, в своей развитой форме партисипативная демократия вполне может выступать перспективой развития не только наличных, но и будущих форм демократии. Для ее реализации необходимы: высокая политическая культура большинства населения, развитое гражданское общество; высокоразвитая правовая и законодательная база общества, которая может регулироваться в соответствии с изменениями международного права; динамичная система экономических отношений, а также усиление роли процессов интеграции в социальных и политических сферах в связи с развитием глобализации.

Ссылки:

1. Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 18.
2. Гуттенберг Б. Теория демократии // Политические исследования. 1991. № 4. С. 43.
3. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 1996. С. 38–39.
4. Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992. С. 50.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 76.
6. Даймонд Л. Развивающаяся демократия: на пути к консолидации. М., 1999. С. 11.
7. Там же. С. 13.
8. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997. С. 277.
9. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Проблемы и суждения. 2001. № 1. С. 16–17.
10. Там же. С. 18.
11. Там же.
12. Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003. С. 123.
13. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 30.

УДК 327

Синдеев Алексей Александрович

доктор исторических наук,
 профессор Российской академии наук,
 главный научный сотрудник
 Института Европы Российской академии наук,
 профессор кафедры зарубежного регионоведения
 и международного сотрудничества
 Российской академии народного хозяйства
 и государственной службы при Президенте РФ

ОБЩАЯ ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ ЕС: ПОДХОД АВСТРИИ

Аннотация:

В статье анализируются инструменты эволюции Общей политики безопасности и обороны Евросоюза, предлагаемые Австрией в условиях формирующегося многополярного мира, рассматриваются перспективы австрийского подхода. Отмечается, что у Австрии имеется комплексный подход в отношении Общей политики безопасности и обороны Евросоюза.

Ключевые слова:

Общая политика безопасности и обороны ЕС, Австрия, нейтралитет, военно-стратегическая концепция, европейская безопасность.

Sindeev Alexei Aleksandrovich

D.Phil. in History, Professor,
 Chief Research Associate,
 Institute of Europe,
 Russian Academy of Sciences,
 Professor, Foreign Regional Studies
 and International Cooperation Department,
 Russian Presidential Academy of
 National Economy and Public Administration

THE COMMON SECURITY AND DEFENCE POLICY OF THE EU: AUSTRIA'S APPROACH

Summary:

The article analyses the tools of development of the Common Security and Defence Policy of the European Union suggested by Austria in the context of shaping multipolar world. The prospects of the Austrian approach are considered. It is noted that Austria has a comprehensive approach to the Common Security Policy and Defence Policy of the European Union.

Keywords:

Common Security and Defence Policy, Austria, neutrality, strategic military conception, European security.

Нейтральный статус Австрии в XXI в. является условным. Австрия – член Евросоюза, готова активно участвовать и влиять на формирование Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО), на развитие согласованных договорных инструментов. «В операциях в рамках ОПБО следует обеспечивать и расширять как функции руководства, так и оперативные действия», – значит в доктрине безопасности этой страны [1].

Австрийский подход достаточно прост: страна в силу своего экономического положения, демографического статуса, угроз и вызовов не может гарантировать национальную безопасность («прочное совместное будущее») без союзников и партнеров. В связи с этим любые инициативы, направленные на специализацию и вписывающие оборону Австрии в эффективно работающие наднациональные и межнациональные структуры, становятся жизненно важными, так как позволяют координировать и использовать с большей отдачей имеющиеся ресурсы. Не случайно «Австрия получает пользу от наличия сильных и эффективных, основанных на солидарности сообществ, а также имеет миссию (*ist gefordert*) способствовать их дееспособности» [2].

Данные установки означают, что речь идет не только о «всесторонней безопасности», включающей в себя внутреннюю, внешнюю, гражданскую и военную составляющие, но и об интегрированной безопасности; последняя предусматривает действие как государственных, так и негосударственных акторов. Кроме того, одно из положений доктрины безопасности звучит следующим образом: «[В]се силы реагирования австрийской армии следует, в принципе, предусматривать для двойного использования: в национальных и международных операциях» [3].

Региональное партнерство, в первую очередь в Юго-Восточной, Восточной Европе и на Ближнем Востоке, по мнению австрийских политиков, требует появления форматов, в которых как минимум имеется возможность добиться согласованных позиций, поскольку «[с]труктуры стабильности и благополучия на периферии континента негативно воздействуют на европейскую безопасность» [4]. Австрия в отличие от той же Германии сознательно проблематизирует феномен периферии, потому что в этом случае у нее появляется дополнительное средство воздействия на страны Евросоюза для углубления ОПБО. Слова министра иностранных дел С. Курца о важности сильной Европы, «которая защищает свои внешние границы» [5], следует понимать в более широком контексте.

Дополнительный фактор, который необходимо учитывать при характеристике австрийского подхода к европейской безопасности, представлен в следующей формулировке: «Политика безопасности должна пониматься как шанс к *активному оформлению* (курсив мой. – А. С.)» [6].

Это означает, что необходимо как можно раньше располагать системным представлением о потенциальных угрозах (кстати, одиннадцать из них приведены в доктрине) и иметь сценарии реагирования на них.

Таким образом, идея сетевой безопасности для Австрии приобретает дополнительный смысл: национальная безопасность возможна в устойчиво работающих региональных и международных структурах. Поэтому стране важно сделать все от нее зависящее, чтобы обеспечить развитие формата ОПБО.

В принятой в 2015 г. «Военно-стратегической концепции» (далее – ВСК) зафиксированы три задачи: не допускать приближения кризисов и конфликтов к австрийским границам, «способствовать наиболее оптимальному предотвращению кризисов в рамках международного сообщества», добиваться стабилизации окружения [7]. Ключевым в последней задаче является указание на «всесторонний характер», что позволяет предположить одновременное использование самых различных средств. При этом речь идет и о максимально возможном управлении кризисными ситуациями, которое вряд ли получится осуществить без соотвествующей экспертизы и оценки, среднесрочного, ориентированного на пяти- и шестилетний срок планирования. Традиционно для этой цели используются согласованные индикаторы. С большой долей уверенности можно утверждать, что в Австрии среди прочего отслеживаются следующие показатели в отношении действия государственных и негосударственных акторов, симметричного и несимметричного проявления рисков: неустойчивые формы государственности, демографический фактор, национальная идентичность, состояние гражданских обществ, настроения элит, деятельность частных наемнических фирм и т. д. Кроме того, к привычным задачам восстановления, стабилизации положения и проведения боевых операций добавляется отражение угроз из киберпространства, для чего был создан соответствующий национальный Центр обороны, а в 2013 г. принята стратегия безопасности в данной сфере. Задачей-минимум в военном плане становится сдерживание, при котором «противник должен испытать потери во времени, силах, средствах и престиже» [8].

Страна продолжает работать над утверждением собственной военно-стратегической и военно-оперативной значимости для союзников и рассматривает себя «как надежный стабилизирующий фактор и фактор безопасности в пространстве Центральной Европы», а также как «центр гравитации». Под последним понимается обладание качествами, «с помощью которых нация, Альянс, военные силы или иные группы приобретают дееспособность, физические силы и волю к борьбе» [9].

Австрийские политики и военные полагают, что одним из средств продвижения к европейской армии является выполнение Лиссабонского договора. Не случайно европейская оборона и коллективная защита, зафиксированные в договоре, учтены в национальном тактическом и стратегическом планировании. Такая позиция предусматривает, с одной стороны, поддержание Австрией в рабочем состоянии согласованных механизмов ОПБО, в том числе касающихся участия страны в реализации утвержденных сценариев и мониторинга, с другой – работу над комплексной стратегией оперативных действий в рамках отдельных европейских регионов. Австрийские военные, к примеру, создают особые сценарии по защите одной или нескольких стран, входящих в Евросоюз, и готовятся к операциям, требующим использования функций стратегического, военно-стратегического, оперативного и тактического руководства вне территории страны.

С учетом того что НАТО «в сфере коллективной военной обороны остается в Европе для государств-участников определяющим фактором», Австрия намерена, насколько допускает ее официальный статус, развивать отношения с Альянсом, в первую очередь в программах, связанных со стандартизацией, обучением и тренировками. По всей видимости, речь идет об осторожном движении по пути формирования европейской опоры в НАТО, что со временем может привести к распространению принципа коллективной обороны и на эту страну. Не стоит забывать и другое: «С целью стандартизации и взаимодействия компетенции австрийской армии, необходимые для выполнения задач, будут разделены на шесть областей, используемых ЕС и НАТО в рамках развития соответствующих вооруженных сил... А кооперацию уже сейчас следует учитывать в качестве основного принципа при осуществлении планирования в вооруженных силах [страны]» [10].

Кстати, Австрия в самое ближайшее время усилит кооперацию с НАТО. Разведывательный и ситуационный центр ЕС создал подразделение *Hybrid Fusion Cell*, целью которого является подготовка специальных аналитических докладов. Дополнительно предусматриваются соглашения со структурами НАТО, отвечающими за так называемые гибридные угрозы, и проведение совместных тренировок «на политическом и техническом уровне». Первые официальные тренировки запланированы на 2017 и 2018 гг. С учетом того что к гибридным угрозам среди прочего относятся пропаганда, дезинформация, атаки из киберпространства, воздействие на информационное пространство, возникает вопрос относительно объекта подобных тренировок. Кроме того, в заявлении председателей Европейского совета, Еврокомиссии и Генсекретаря НАТО,

подписанном 8 июля 2016 г. в Варшаве, говорится о сотрудничестве по обмену информацией и разведсведениями, о выработке единых подходов к организации борьбы с гибридными угрозами.

Подчеркнем, что спектр задач австрийской армии определяется не только оптимизацией ресурсов, но и повышением ее привлекательности для союзников. Вооруженные силы Австрии в настоящее время – это около 55 000 человек, включая гражданский персонал. С 2009 г. военный бюджет подвергался регулярному уменьшению. Принятие ВСК в 2015 г. и решения правительства 2016 г., касающиеся новой структуры, приостановили сокращение финансирования. Первоначально на реформы было выделено 616 млн евро, в 2016 г. к ним добавились 684 млн евро. Были одобрены увеличение численного состава армии и отказ от продажи недвижимого имущества, находящегося на балансе ВС Австрии. Увеличение финансирования, по мнению политиков и военных, должно сопровождаться большей эффективностью. В связи с этим ВСК предусматривает модульную структуру организации армии на основе многофункционального оперативного использования подразделений.

По вопросам участия в ОПБО существует партийно-политический консенсус. Если проанализировать программы ведущих партий, то необходимо констатировать, что наиболее близкими к принятым правительственным решениям являются программные положения Австрийской народной партии (АНП). Во-первых, в программе данной партии не упоминается нейтральный статус страны. Во-вторых, именно эта партия делает ставку на «дальнейшее развитие оборонительного союза с долгосрочной целью создания общей европейской армии». В-третьих, АНП выступает за внешнюю политику как средство политики безопасности [11]. Что касается социал-демократов, то они агитируют за «совместное предотвращение конфликтов и управление кризисами» вне военных блоков и за «демократически организованную оборону (*Landesverteidigung*)» [12]. Парадокс состоит в том, что понятие «*Landesverteidigung*» радикально изменилось: борьба с угрозой в любой точке мира, если данная угроза способна нанести вред безопасности страны, может быть расценена в качестве необходимой оборонительной меры, а предотвращение конфликтов и управление кризисами требуют тесного взаимодействия партнеров. Таким образом, Социал-демократическая партия Австрии (СДПА) на основе собственных программных документов, по сути, мало что сможет предпринять, чтобы приостановить эволюцию нейтрального статуса, хотя СДПА и выступает за его сохранение.

В схожей ситуации, в принципе, находятся и популисты – Австрийская партия свободы (АПС). На первый взгляд в ее программе все однозначно: от нейтралитета страна не откажется; национальное право должно доминировать над европейским правом; европейскую интеграцию необходимо реализовывать в рамках концепции «Европы отечеств». Но если АПС действительно выступает за «общую внешнюю политику и политику безопасности... при сохранении австрийского нейтралитета и четкого отмежевания от неевропейских государств и доминирующих вне Европы военных союзов, за поддержание общих европейских интересов» [13], то возникают как минимум два противоречия: без выхода из Евросоюза эта партия не сможет гарантировать «четкого отмежевания», а общеевропейские интересы не ограничиваются только Европой.

Вряд ли имеет смысл рассматривать украинский и ближневосточный кризисы в качестве главных причин описанных выше изменений. Основная причина состоит в модификации всей структуры существующей безопасности в Европе и мире. В связи с этим необходимо вспомнить, что в 2007 г. социал-демократы обещали отказаться от проекта *Eurofighter*, но не сделали этого.

Остановить эволюцию нейтрального статуса не получится, однако вполне реально ее приостановить. Движущими силами в этом могут стать СДПА и АПС. В доказательство данного тезиса приведем некоторые положения программы СДПА: «Будущая европейская модель безопасности должна... базироваться на очень гибких структурах для того, чтобы большие и малые государства получили возможность использовать разные стратегии безопасности и различные формы кооперации и консультаций... Значимая роль должна отводиться региональным организациям, уполномоченным решать проблемы поддержания мира в регионах; для европейского пространства это ОБСЕ...» [14].

Российские партии социалистической и социал-демократической направленности могут и должны находиться в постоянном диалоге, ориентированном на развитие и утверждение перспективных программных идей и наработок, имеющих целью появление совместных российско-австрийских инициатив в вопросе укрепления ОБСЕ и проектов, связанных с концепцией общего европейского дома и неделимой безопасности. Не следует избегать сложного диалога с представителями АНП, которой можно напомнить о том, что она хочет «последовательно преодолеть раскол Европы» [15]. Не менее важны и новые форматы диалога между представителями российского и австрийского гражданских обществ.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующие выводы и гипотезы:

1. Изменение нейтрального статуса Австрии – естественный процесс. Ее нейтралитет и сейчас является более чем условным.

2. Австрия и малые государства Евросоюза продолжают стремиться к укреплению европейской обороны, хотя основное направление развития ОПБО в среднесрочной перспективе вряд ли изменится; будет происходить втягивание данных государств в орбиту НАТО [16].

3. При анализе эволюции австрийского подхода к ОПБО имеет смысл особое внимание уделить организации регионального партнерства, так как этот проблемный комплекс даст возможность определить среднесрочные конфигурации и формы европейской безопасности, к которым стремится Австрия.

4. Российской Федерации можно сделать ставку на совместные инициативы, направленные как на углубление имеющихся форматов двустороннего и многостороннего взаимодействия, так и на активный диалог гражданских обществ обеих стран.

Ссылки и примечания:

1. Österreichische Sicherheitsstrategie: Sicherheit in einer neuen Dekade – Sicherheit gestalten. Wien, 2013. S. 23.
2. Ibid. S. 7.
3. Ibid. S. 23.
4. Ibid. S. 5.
5. Bayern A. von. Was passiert, wenn der Flüchtlingsdeal platzt? «Wir brauchen keinen Deal mit der Türkei» [Электронный ресурс]. URL: http://www.focus.de/politik/ausland/was-passiert-wenn-der-fluechtlingsdeal-platzt-wir-brauchen-keinen-deal-mit-der-tuerkei_id_5796739.html (дата обращения: 22.08.2016).
6. Österreichische Sicherheitsstrategie ... S. 7.
7. Militärstrategisches Konzept – 2015. Wien, 2015. S. 11. «Военно-стратегическая концепция» детализирует положения «Стратегии оборонной политики» 2014 г. См. подробнее: Teilstrategie Verteidigungspolitik – 2014. Wien, 2014. В начале работы каждого австрийского правительства предусматривается внесение изменений в данный документ (Teilstrategie Verteidigungspolitik ... S. 18).
8. Militärstrategisches Konzept – 2015. S. 17.
9. Ibid. S. 18–19.
10. Ibid. S. 60–61.
11. Grundsatzprogramm 2015 der Österreichischen Volkspartei in der Fassung vom 12. Mai 2015. Wien, 2015. S. 43–44.
12. Das Grundsatzprogramm der SPÖ. Wien, 2013. S. 27.
13. Parteiprogramm der Freiheitlichen Partei Österreichs. Wien, 2011. S. 17.
14. Das Grundsatzprogramm der SPÖ. S. 27.
15. Grundsatzprogramm 2015 ... S. 41.
16. См. подробнее: Синдеев А.А. Общая политика безопасности и обороны ЕС: подход Германии // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 8. С. 9–13.

УДК 32

Жуковский Денис Александровичкандидат политических наук, доцент
Донского государственного технического университета**«РОССИЯНИЗМ» КАК ОТВЕТ
«ЗАПАДНИЗМУ» В ЭПОХУ
«СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»****Аннотация:**

В статье рассматривается дальнейший путь развития российского общества с точки зрения цивилизационного подхода. Показано, что с окончанием постсоветского периода российской истории получает свое развитие «западнизированный» советизм, поскольку построить демократическое общество, подобное существующему в западных странах, в России никогда не представлялось возможным в силу национальной и цивилизационной специфики, существенно отличающейся от западной. Автор вводит понятие «россиянизма» как ориентацию на цивилизационные ценности «русского мира», главной миссией которого является защита слабых и угнетенных от экспансии «западнизма».

Ключевые слова:

цивилизационные противоречия, цивилизационный подход, «западнизм», «западнизация общества», «постсоветизм», «россиянизм».

Zhukovskiy Denis AleksandrovichPhD in Political Science, Assistant Professor,
Don State Technical University**"RUSSIANISM" AS AN ANSWER
TO THE "WESTERNISM" IN THE ERA
OF THE "CLASH OF CIVILIZATIONS"****Summary:**

The article considers the future path of the Russian society development in the framework of the civilization approach. It is shown that with the end of the post-Soviet period of the Russian history, the pro-Western Sovietism is now developing, since it has never been possible to build a democratic society in Russia similar to one in the Western countries, because of national and civilizational specificity, significantly different from the Western one. The author introduces the concept of "Russianism" as orientation on the civilizational values of the "Russian world", the main mission of which is to protect the weak and the oppressed from the expansion of "Westernism".

Keywords:

civilizational conflict, civilizational approach, "Westernism", "Westernization of society", "post-sovietism", "Russianism".

XX век обернулся для российского общества временем тяжелых испытаний. Менее чем за сто лет Россия трижды, а с учетом краткосрочного пребывания у власти Временного правительства – четырежды меняла государственную идеологию и форму государственного устройства. Политические и социально-экономические потрясения не могли не отразиться на мировоззрении и системе ценностей населения страны. Свергнув монархию и отказавшись от господствующей роли православия, государство, в то время когда власть принадлежала коммунистической партии, сделало попытку совершить грандиозный социальный эксперимент, не имевший прецедентов в мировой истории. Спустя семь десятилетий усердно прививавшаяся народу коммунистическая, точнее, марксистско-ленинская идеология была отвергнута. Руководство страны обратило взоры на Запад, стремясь перенести на российскую почву опыт европейской и американской либеральной демократии. Попытки проведения демократических реформ показали, что неконтролируемый капитализм и чрезмерное увлечение либеральными ценностями губительны для благополучного существования российской государственности.

Без глубокого знания специфики российского общества, анализа его структуры на всем протяжении истории современной российской государственности вряд ли возможно понять Россию, тем более определить главный вектор ее дальнейшего развития, «национальную идею», которая смогла бы объединить адептов различных политических идеологий, все многонациональное население страны для конструктивной созидательной деятельности.

Для определения дальнейшего пути развития российского общества наиболее интересным подходом в современной политической науке, находящейся на этапе постмодернизма, является цивилизационный подход, в котором, по словам А.Г. Жуковского, в первую очередь следует видеть ответ неолиберализму и вызванному им процессу «столкновения цивилизаций». Если для одних исследователей постмодернизм представляется обществом плюрализации и мультикультурализма, то другие видят в нем возрождение традиций, уничтожавшихся в эпоху модерна [1].

В исследовании социально-политической жизни современного общества особую роль приобретает теоретическое наследие выдающихся отечественных мыслителей второй половины XX – начала XXI в. Среди них важнейшее место принадлежит видному российскому философу А.А. Зиновьеву. При разработке своих концепций объяснения социальных явлений, в том числе

и политической жизни общества, он руководствовался принципом объективности и беспристрастности, что выгодно отличает его позицию от позиций других авторов, так и не освободившихся от тех или иных политических убеждений и весьма тенденциозных в своих концепциях.

Для объяснения тех политических процессов, которые происходят в современном мире, прежде всего необходимо раскрыть содержание некоторых понятий, введенных в «политический обиход» А.А. Зиновьевым.

Термин «западнизм» был введен А.А. Зиновьевым для описания западной цивилизации и ее отношения к остальному миру. Так, в своем знаменитом труде «На пути к сверхобществу» А.А. Зиновьев пишет: «Западные страны сформировались исторически в “национальные государства” как социальные объединения более высокого уровня социальной организации сравнительно с другими странами, как своего рода “надстройка” над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества в своих интересах. Воздействие этого явления на судьбы человечества было и остается противоречивым. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно явилось причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые, а также причиной гибели многих народов и целых цивилизаций. Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы и масштабы» [2].

Теперь, как отмечает А.А. Зиновьев, западные страны покоряют человечество не по одиночке, а совместно с целью формирования и удержания мировой гегемонии и эксплуатации планеты в собственных целях. Эта стратегия установления мирового порядка как создания реального «глобального общества» была разработана еще в годы холодной войны. В концепции А.А. Зиновьева она получила название «западнизация», сущность которой заключается в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры, образа жизни западных стран, но при этом все это происходит под видом гуманной, освободительной и бескорыстной миссии Запада [3].

Существенная роль в установлении господства западнизма над остальной частью мира отводится идеологии и культуре. Даже в странах, не относящихся к западному миру, культура стремительно западнизируется, точнее, американизируется, подстраиваясь под принятые на Западе стандарты. В современном информационном обществе применение данного термина в отношении культуры фактически означает и западнизацию социума в целом, поскольку населению незападных стран прививается данная система ценностей и поведения. При этом имеют место дискредитация политического строя и культуры данной страны, дестабилизация ее экономики, развитие у населения чувства преклонения перед Западом и, как следствие, собственной неполноценности.

История двух десятилетий, последовавших за распадом коммунистической системы, дает вполне четкое представление о том, какие методы применяет Запад для колонизации планеты. При этом средства, используемые Западом, не соответствуют тем демократическим лозунгам, которыми он демагогично прикрывает свою деятельность. В частности, при подчинении конкретных стран Запад подкупает должностных лиц и представителей интеллектуальной элиты, поддерживает любые оппозиционные движения безотносительно к их идеологии, провоцирует и искусственно усиливает межнациональные и социальные конфликты. То есть создаются невозможные условия жизни для большинства населения данной страны, после чего Запад предстает в его глазах действительно наиболее благополучным во всех отношениях обществом, которое может служить примером для подражания [4].

Западнизация, по мнению А.А. Зиновьева, представляет собой форму колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии, что представляет собой продолжение прежней стратегии колониальной политики Запада. Страна, в которой установилась колониальная демократия, сохраняет видимость суверенитета, с ней устанавливаются отношения, подобные отношениям с равноправным партнером, которые, однако, такими не являются [5].

Особо отчетливо это видно на примере стран Европейского союза, Азии и Африки, попавших под жесткое влияние западнизации. Здесь можно отметить Болгарию, которая не может принять самостоятельное решение по вопросу размещения на своей территории нефтепровода, ряд стран, которые в угоду США и во вред себе продолжают поддерживать антироссийские санкции, Турцию, в которой при малейшем проявлении независимости национальным лидером для его устранения устраивается военный переворот. И этот список может быть продолжен.

Рассматривая генезис западнизма как социальный феномен, А.А. Зиновьев моментом его появления называет начало холодной войны, когда под эгидой США начался процесс интеграции западных государств для более эффективного противостояния нарастающей угрозе коммунистической экспансии. Можно сказать, что западнизм возник как альтернатива реальному коммунизму

и в борьбе с ним, а геополитическим центром западнистской тенденции стали США с их претензией на строительство «нового мирового порядка».

В представлении А.А. Зиновьева Советский Союз первым, на несколько десятилетий раньше, чем Запад, вступил на путь формирования сверхобщества, что оставляло Западу лишь два возможных варианта развития событий: быть поглощенным коммунистическим сверхобществом либо сформировать собственное сверхобщество, которое уравнивает претензии Советского Союза на мировое лидерство или уничтожит его. Последнее с успехом было выполнено – победа была одержана. При этом спустя время можно сделать вывод о том, что Запад оказался «прилежным учеником», взяв от советской системы самое лучшее.

По мнению мыслителя, в пространстве бывшего Советского Союза образовалась новая социально-политическая система, определенная как «постсоветизм». А.А. Зиновьев пришел к выводу, что постсоветское общество формировалось на осколках советизма, путем реанимации дореволюционного феодализма и заимствования западнизма [6].

Результаты такого перехода были очень болезненными. После проведения социально-экономических реформ в постсоветской России резко снизились доходы населения, начался процесс глубокого социального расслоения, появления и институционализации нового слоя бедных, представленных интеллигенцией, сократилось финансирование сфер науки и культуры, произошло сворачивание социальной политики государства. Россия стремительно превращалась в общество «всеобщего риска», поскольку в ее пространстве состояние общественной анемии, резкой социальной дифференциации и поляризации, социальной дезорганизации и дезинтеграции, духовной деградации говорит о консервации кризисных факторов в функционировании российского общества [7].

После крушения советской системы Россия также оказалась вовлеченной в глобальный процесс западнизации.

Поскольку религией Запада является свобода, все изменения в незападном мире с целью догнать Запад начинаются именно с изменения отношения к этой ценности – свободе. Однако, по мнению О.Н. Яницкого, «не везде для этого создается благоприятная почва, следовательно, и результат будет неоднозначным: он будет положительным только там, где свобода стала результатом сознательным и выстраданным, в противном случае формируется пространство разрушения и рисков, в целом свидетельствующее о варианте демодернизации, а не модернизации» [8].

Помимо грабительской политики правящей элиты, отрицательную роль в процессе модернизации постсоветской России сыграло слепое, некритическое подражание Западу, в ходе которого никак не учитывались ментальные, социокультурные, исторические особенности России, что побудило многих из российских исследователей обратиться к проблеме возрождения России на основе культурно-исторических традиций, в том числе в форме империи [9].

Сегодня в России четко фиксируется усиление позиций традиционалистов по отношению к позициям модернистов («западничества») [10], что можно объяснить глубоким разочарованием народа в демократии и ее благах. Так, более 20 лет реформ не принесли этих благ, а, наоборот, усугубили обстановку в сфере духовного и нравственного развития россиян [11], и это воспринимается как одна из основных угроз цивилизационному развитию России. Этим обусловлен рост интереса к евразийской идее, получившей в современных условиях новое звучание и концептуальное оформление.

В последние годы жизни А.А. Зиновьев, анализируя сложившийся после 2000 г. в РФ политический режим, сделал выводы, что, скорее всего, он будет эволюционировать в направлении западнизированного советизма, поскольку построить демократическое общество, подобное существующему в западных странах, в России никогда не представлялось возможным в силу национальной и цивилизационной специфики, существенно отличающейся от западной приоритетом коммунального аспекта в жизни общества над деловым.

Ю.Н. Солодухин подчеркивает правоту А.А. Зиновьева относительно эволюции современного российского общества в сторону западнизированного советизма. Гипотеза А.А. Зиновьева, выдвинутая им после первых трех лет первого президентского срока В.В. Путина, подтвердилась, по мнению Ю.Н. Солодухина, соответствующими изменениями в политической жизни современной России [12].

Во-первых, произошло существенное укрепление позиций государства в экономическом секторе, прежде всего в стратегически важных для страны отраслях экономики, таких как топливно-энергетический, военно-промышленный и финансовый комплексы. Налицо тенденция к дальнейшему огосударствлению важнейших секторов российской экономики.

Во-вторых, как указывает Ю.Н. Солодухин, в последние годы Российское государство взяло курс на восстановление системы социальной защиты населения, поскольку политика предыдущих правительств доказала свою несостоятельность, приведя к фактическому обнищанию миллионов российских граждан.

Важнейшим свидетельством в пользу постепенного восстановления советизма стала политика, направленная на укрепление вертикали власти посредством расширения полномочий органов федеральной исполнительной власти, ее централизации, сосредоточения власти фактически в руках одного лидера.

Наконец, сама система функционирования власти в современной России носит, по замечанию Ю.Н. Солодухина, «советский характер», в том смысле, что, во-первых, глава государства воспринимается не только как менеджер, нанятый обществом для выполнения надлежащих функций, но и как «лидер нации», а во-вторых, происходит резкое усиление позиций силовых структур, в особенности правоохранительных органов и спецслужб, выходцы из которых сегодня формируют основу правящей российской элиты и даже осуществляют руководство важнейшими корпорациями.

Как подчеркивает Ю.Н. Солодухин, подобная «советизация» современной российской политической системы происходит в соответствии с выработанным А.А. Зиновьевым законом социальной регенерации, поскольку возникающие перед страной проблемы требуют применения для их успешного решения коммунистических методов руководства. (А.А. Зиновьев подчеркивал, что подобная картина наблюдается в настоящее время и в странах Запада, где также имеют место постепенное огосударствление всех секторов общественной жизни, рост численности и влияния государственной бюрократии.)

Несмотря на то что политическая система носит отчетливо авторитарный характер, она представляется, по мнению Ю.Н. Солодухина, вполне адекватной современным условиям функционирования российского общества, поскольку переустройство его по образцу западных демократий невозможно и может привести страну лишь к глубокому и всестороннему кризису, что подтверждается практикой 1990-х гг.

Цивилизационный подход в исследованиях западнизма и ориентализма, приведенный в [13], показал, что западнизм ввиду провозглашения своего превосходства над незападными цивилизациями, препятствует формированию межкультурного диалога в современном мире. Запад очень болезненно переживает происходящие в России изменения, видит в них возрождение Советского Союза и пытается сплотить вокруг себя страны на волне усиливающейся русофобии.

Цивилизационный фактор в качестве важнейшего в системе международных политических отношений признается и российской политической элитой. Это нашло отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой отмечается культурно-цивилизационное многообразие современного мира, что в условиях преодоления биполярной конфронтации приобрело огромное значение. В связи с этим перед Россией стоит важная задача: восстановить цивилизационный статус на международной арене. Прежде всего это необходимо самим россиянам, для того чтобы избавиться от комплекса цивилизационной неполноценности, сформировавшегося в результате потери Россией статуса сверхдержавы и последовавшего за этим событием искажения и где-то даже извращения истории. Все чаще ученые возвращаются к идее восстановления цивилизационных ценностей, присущих «русскому миру» в широком его понимании [14].

Так, А.С. Панарин как великий гуманист видел основной миссией России восстановление социальной справедливости в мире путем защиты униженных, реабилитации слабого и возвращения ему человеческого достоинства, т. е. Россия в его прогнозах должна выполнить свою духовную миссию перед лицом человечества. «Сплачивать слабых против сильных» [15] – вот национальная идея России, по мнению А.С. Панарина. Однако для того чтобы Россия смогла выполнить эту миссию, она должна вернуть себе статус сверхдержавы, поскольку слабое государство не сможет достойно противостоять сильным игрокам на мировой исторической арене, представителям либеральной идеологии.

Если Россия напомнит о себе как о «защитнице слабых и угнетенных», то в скором времени в союзниках у нее будет две трети человечества: весь арабский мир, Индия, Латинская Америка, Африка – это именно то, что было совсем недавно. Ведь страны третьего мира стали союзниками СССР не в результате Ялтинских соглашений, давших ему контроль над Восточной Европой. Азия, Африка и Латинская Америка поддерживали Советский Союз как державу, солидарную с угнетенными народами. Без помощи СССР они бы не освободились от колониальной зависимости. Неслучайно сегодня идет процесс реколонизации: исчез СССР как сверхдержава, защитник слабых.

Профессор И.Н. Панарин утверждает, что результатом глобального экономического кризиса, вызвавшего неизбежное ослабление позиций США в современном мире, может стать интеграция существующих на постсоветском пространстве государств вокруг России, которая и станет центром нового геополитического сообщества, подобного Европейскому союзу. Таким образом, в мире сложатся три геополитических центра: Европейский союз и США, Евразийский союз на постсоветском пространстве, Китай в Азиатско-Тихоокеанском регионе [16]. Как видим, с такими геополитическими прогнозами преждевременно говорить об окончательном триумфе «западнизма».

Таким образом, общество постсоветизма с его отрицанием советских и болезненным принятием западных ценностей, центробежными силами разрушения российской государственности незаметно преобразовалось в общество «русского мира» с тяготением к нему сначала близких соседей, а затем, возможно, и более отдаленных стран. Это видно на примере республик Абхазии и Южной Осетии, а также непризнанных Донецкой и Луганской народных республик.

Если рассматривать американизм как ориентацию общества на американские ценности в культуре и политике, то можно сделать предположение, что наступает период «россиянизма» как период сплочения совершенно различных по идеологии и социальному укладу стран вокруг России в противовес экспансии Запада с его заявкой на мировое господство.

Ссылки:

1. Жуковский А.Г. Постмодернизм в политологии: методологические возможности в исследовании политических процессов // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 4.
2. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2008. С. 547.
3. Там же. С. 548.
4. Зиновьев А.А. Великий эволюционный перелом // Зиновьев А.А. Запад: феномен западнизма. М., 2008. С. 505.
5. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. С. 549.
6. Постсоветизм: лекция Александра Зиновьева [Электронный ресурс]. URL: <http://vybory.org/articles/480.html> (дата обращения: 26.10.2016).
7. Жуковский Д.А. Противоречия и перспективы исследования постсоветской России в контексте цивилизационного подхода // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 8.
8. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.
9. Империя Россия / под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. М. ; Ростов н/Д., 2005. С. 5.
10. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М., 2011.
11. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) : аналит. докл. М., 2011.
12. Солодухин Ю.Н. Россия: постсоветизм // Зиновьевские чтения : материалы I Междунар. науч. конф. / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. М., 2007. С. 74.
13. Жуковский Д.А. «Западнизм» и «ориентализм» в цивилизационных исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19.
14. Жуковский Д.А. Становление цивилизационной парадигмы в современной российской политической науке в условиях кризиса транзитологии // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 8.
15. «Русские – нация особая, нестяжательная» (Последние мысли о Родине и о народе) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=5731&hideText=0&itemPage=1> (дата обращения: 26.10.2016).
16. Профессор Игорь Панарин: «Государем постсоветского пространства станет Владимир Путин» [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/347020> (дата обращения: 26.10.2016).

УДК 32

Кутбидинов Курманбек Камчыбековичаспирант
Дипломатической академии МИД РФ**ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КЫРГЫЗСТАНА И РОССИИ****Kutbidinov Kurmanbek Kamchybekovich**

PhD student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

THE PROBLEMS OF POLITICAL AND MILITARY COOPERATION BETWEEN KYRGYZSTAN AND RUSSIA**Аннотация:**

В статье рассматривается процесс установления двусторонних кыргызско-российских отношений после распада СССР в военно-политической сфере, выявлены проблемные стороны данных отношений. Ключевым моментом сотрудничества признано совместное противодействие государстве новым вызовам и угрозам, таким как международный терроризм и международный наркотрафик. Определены основные направления военно-политического сотрудничества между означенными государствами, доказана его важность для обеспечения безопасной обстановки в Центрально-Азиатском регионе.

Ключевые слова:

Кыргызстан, Россия, Центрально-Азиатский регион, национальная безопасность, военно-политическое сотрудничество, международный терроризм, международный наркотрафик.

Summary:

The article discusses the process of establishment of bilateral Kyrgyz-Russian relations after the collapse of the USSR, in particular, cooperation in the military and political sphere. The challenges of these relations are described. The key point of cooperation is the states' efforts to counteract the new challenges and threats: international terrorism and international drug trafficking. The author defines the basic areas of the political and military cooperation between the countries, proves its importance for securing the risk-free environment in the Central Asian region.

Keywords:

Kyrgyzstan, Russia, Central Asian region, national security, military and political cooperation, international terrorism, international drug trafficking.

После распада СССР Кыргызстан, как и почти все республики бывшего Союза, стал субъектом международного права, включился в динамичный процесс перестройки ялтинско-потсдамской системы международных отношений, начал активно выстраивать двусторонние связи с учетом своих внешнеполитических интересов. За годы независимости Кыргызстан установил дипломатические связи с более чем 140 странами и международными глобальными (ООН, ЮНЕСКО), европейскими региональными (ОБСЕ) организациями, а также организациями, имеющими азиатский или евразийский вектор сотрудничества (ОДКБ, ЕАЭС, ШОС).

Сегодня ключевым моментом внешней политики Бишкека в вопросах выстраивания системы национальной безопасности являются отношения с РФ. Для данных отношений характерен комплексный подход к взаимодействию, так как в деле снижения популярности радикального исламизма и сепаратизма одинаково значимо как социально-экономическое, так и военно-политическое сотрудничество. РФ рассматривает Кыргызстан в качестве одного из важнейших элементов для поддержания стабильности и сдерживания наркотрафика в Центрально-Азиатском регионе [1].

Юридическую основу взаимодействия между Кыргызстаном и РФ составляет внушительный пакет документов, который на современном этапе представлен 120 договорами и соглашениями правительственного, межправительственного, межведомственного, межрегионального уровней, регламентирующими различные сферы взаимодействия государств. Кыргызско-российское сотрудничество в военной сфере генетически обосновано общностью интересов, начало юридическому оформлению данного сотрудничества положено Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 10.06.1992 г. Дальнейшие договоры уточняли и развивали определенное направление сотрудничества. Например, в Договоре о сотрудничестве в военной области от 05.07.1993 г. установлены принципы совместной охраны границ, определены объемы военных поставок, а также круг военных технологий, которые могут передаваться между государствами. Соглашения «О военно-техническом сотрудничестве» от 25.08.1999 г. и «О сотрудничестве в области безопасности» от 05.12.2002 г. обозначили важность совместных усилий по противодействию существующим угрозам [2].

В начале 1990-х гг. России приняла активное участие в реформировании вооруженных и силовых структур Кыргызстана. Хотя кыргызско-российское военно-политическое взаимодействие носило товарищескую форму, на практике его роль была невысокой. Значимым моментом явилось двустороннее участие в реформе военных структур, но из-за частых смен руководства в структурах

безопасности Кыргызстана достичь реальных результатов за короткое время не удалось. После событий 1999 г., когда боевики Исламского движения Узбекистана прорвались в Баткен, сложилась тревожная ситуация, которая могла привести к дестабилизации обстановки в регионе в целом.

Наращение тревожных процессов, активизация исламистских террористов в ряде субъектов РФ, Центрально-Азиатском регионе, а также смена власти в России после 2000 г. привели к тому, что кыргызско-российские отношения в военно-технической сфере изменились к лучшему. Взаимодействие между оборонными и силовыми ведомствами РФ и Кыргызстана приобрело регулярный характер, особенно в вопросах борьбы с терроризмом.

По инициативе российской стороны именно в Бишкеке в августе 2001 г. было создано региональное отделение Антитеррористического центра СНГ. В операционной и управленческой сфере был организован штаб для руководства Коллективными силами быстрого развертывания (КСБР) Центрально-Азиатского региона. Важным событием для развития кыргызско-российского сотрудничества в военно-политической сфере стало открытие на территории Кыргызстана авиабазы в г. Кант. В сентябре 2003 г. министрами обороны государств был подписан Договор о статусе и условиях пребывания авиабазы в Кыргызской Республике, который определил количество контингента, а также формат выплаты арендной платы.

Основными направлениями кыргызско-российского сотрудничества в военной области, согласно пакету принятых договоров и документов, являются:

- подготовка кадров для Вооруженных сил Кыргызской Республики;
- оказание Вооруженным силам Кыргызстана военно-технической помощи;
- предоставление Кыргызстаном своей территории для размещения военных объектов;
- взаимодействие в области противовоздушной обороны и совместная деятельность в сфере борьбы с международным терроризмом и экстремизмом;
- развитие производственной и научно-технической кооперации оборонных отраслей промышленности [3].

Несомненно, наиболее полные по объему и качественные по содержанию контакты РФ и Кыргызстана происходят в рамках ОДКБ по линиям выстроенных внутри данной организации отношений. С момента распада СССР именно ОДКБ проявила себя как наиболее эффективная военно-политическая группировка постсоветского пространства.

Начиная с 2004 г. Кыргызстан принимает ежегодное участие в военных учениях ОДКБ, что способствует повышению обороноспособности страны и позволяет отвечать вызовам, стоящим перед республикой в сфере безопасности.

Кыргызстан принимает активное участие в развитии коллективных структур безопасности. Например, в 2009 г. один армейский батальон был выделен в качестве составного элемента Коллективных сил оперативного реагирования. ОДКБ обеспечивает постоянную модернизацию оперативной и боевой структур, подразделений государств-членов. Особенно важны отработка совместных действий, проведение учений, а также выработка общего видения операций по поддержанию мира.

Необходимо признать, что республика крайне заинтересована в развитии и углублении сотрудничества с РФ в военной сфере. Это вызвано потенциальными задачами, которые стоят перед немногочисленной армией Кыргызстана, уровень вооружения которой может быть оценен как средний. Ряд проблем, стоящих перед обороноспособностью Кыргызстана, не могут быть решены без поддержки РФ.

Близость к Афганистану и опасность террористической угрозы – главные проблемы, от решения которых зависит стабильность не только Кыргызстана, но и всего региона Центральной Азии. В ходе встречи с генерал-майором А. Кудайбердиевым в рамках международного военно-технического форума «Армия-2015» министр обороны РФ С. Шойгу подчеркнул, что взаимодействие с Кыргызстаном в области военного и оборонного сотрудничества рассматривается в качестве приоритетного направления. Министр обороны РФ отметил: «Наше сотрудничество является немаловажным фактором сохранения стабильности в Центрально-Азиатском регионе. Оказываем поддержку Кыргызской Республике в сфере обеспечения безопасности. Вооруженные силы наших стран должны быть готовы к любому варианту развития ситуации, в том числе негативному. Для этого считаем необходимым повышать боевые возможности объединенной российской военной базы и вооруженных сил Кыргызской Республики» [4].

Логичным развитием сотрудничества стало размещение новой военной базы в г. Оше, которое намечено на 2017 г. Примечательно, что новая база будет оснащена современными мощными высокоточными огневыми комплексами и обеспечит стабильную ситуацию в Ферганской долине. Безопасная обстановка в данном регионе гарантирует развитие демократических институтов внутри государств, а также сдерживание радикального исламизма в современных границах

его распространения. С точки зрения обеспечения мониторинга принципиальным является решение об укреплении беспилотными самолетами российской авиабазы «Кант».

По официальным данным на территории Кыргызстана находятся пять российских военных объектов. До последнего времени Россия платила за пребывание своего военного контингента 4,5 млн долл. США [5]. В счет оплаты Москва поставляла Бишкеку оружие, технику, а также обеспечивала подготовку офицеров армии Кыргызстана на российских военных базах. В 2010 г., взывавшая средства для пополнения бюджета, Кыргызстан заявил о необходимости поднять плату за российское военное присутствие в четыре раза.

Премьер-министр Кыргызстана Алмаз Атамбаев во время своего визита в Москву в декабре 2010 г. заявил об отмене Кыргызстаном решения о повышении арендной платы. Так, по словам А. Атамбаева, вопрос был снят, так как нельзя торговаться в вопросах безопасности своей страны. Для правительства Кыргызстана вопрос о сдерживании наркотрафика является наиболее значимым, так как Центральная Азия является одним из главных регионов распространения наркотических средств.

По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, в год оборот мировых криминальных рынков составляет не менее 186 млрд долл. США. Он распределяется следующим образом: 88 млрд долл. США – незаконный оборот кокаина, 65 млрд долл. США – незаконный оборот опиатов, 32 млрд долл. США – торговля людьми, около 1 млрд долл. США – незаконный оборот огнестрельного оружия.

Таким образом, проблема наркоторговли является наиболее острой. Масштаб данной проблемы подтверждается тем фактом, что прибыль от торговли наркотиками превышает 1,5 % мирового ВВП [6].

Становление маршрутов нелегальной транспортировки наркотических веществ через страны Центральной Азии обусловлено рядом международных факторов. Международные криминальные группировки после распада СССР, когда была разрушена единая система пограничной охраны и, соответственно, ослабла охрана внешних государственных границ новых государств, воспользовались создавшейся ситуацией. Внутренние (между странами СНГ) границы оставались фактически неконтролируемыми до формирования национальных таможенных структур (1993–1994 гг.). Эта ситуация в значительной степени спровоцировала утверждение нового маршрута незаконного перемещения наркотических веществ из Афганистана через территории центральноазиатских государств.

Можно констатировать, что работа в рамках ОДКБ и ШОС становится действенным механизмом координации антинаркотических сил и эффективным элементом многоуровневой системы международного сотрудничества в Центральной Азии и на всем пространстве СНГ.

Учитывая заинтересованность России и Кыргызстана в укреплении военно-политического сотрудничества, можно прогнозировать, что в дальнейшем кыргызско-российское взаимодействие в данной сфере будет развиваться. Однако для качественного и полноценного сотрудничества необходимо:

- усилить прямое и тесное взаимодействие вооруженных сил и силовых структур двух стран;
- пересмотреть юридическую базу сотрудничества, регулирующую двусторонние отношения в сфере безопасности;
- расширить присутствие военной силы России в рамках ОДКБ для предотвращения негативного развития ситуации в Центральной Азии.

Ссылки:

1. Хадимуллин Р. ЦГИ «Берлек-Единство»: Россия и Кыргызстан в сфере военного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://berlek-nkp.com/analytics/4618-cgi-berlek-edinstvo-rossiya-i-kyrgyzstan-v-sfere-voennogo-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 23.10.2016).
2. Парамонов В., Столповский О. Двустороннее сотрудничество России и Кыргызстана в военной сфере [Электронный ресурс]. URL: <http://www.easttime.ru/analytics/1/4/533.html> (дата обращения: 23.10.2016).
3. Бородин Е.А. Двусторонние отношения России и Кыргызстана. М., 2012. С. 160–161.
4. Российская армия должна быть готова к отражению угроз в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusarmyexpo.ru/for_press/news/newsexpo/28873.html (дата обращения: 12.10.2016).
5. Шумилов М.М. Роль Киргизии в реализации американских стратегических интересов в Центральной Азии на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/1056/65/> (дата обращения: 23.10.2016).
6. ООН возлагает немалые надежды на ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-cis.info/news.php?id=420> (дата обращения: 12.10.2016).

УДК 1:316

Самохина Наталья Николаевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
и туризма
Нижевартовского государственного университета

Гутова Светлана Георгиевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
и туризма
Нижевартовского государственного университета

ФЕНОМЕН ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ [1]

Аннотация:

Статья посвящена анализу проблем, связанных с распространением феномена экстремизма и терроризма в сети Интернет. В работе рассматриваются наиболее острые вопросы, связанные с природой экстремистской и террористической деятельности, ролью и местом СМИ и Интернета в сфере распространения экстремистской и террористической идеологии. Проводится анализ существующих проблем в данной области, предложены рекомендации для организации наиболее эффективной работы по противодействию идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет.

Ключевые слова:

терроризм, экстремизм, идеология, контроль, противодействие, сеть Интернет.

Samokhina Natalia Nikolayevna

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Social Sciences, Humanities
and Tourism Department,
Nizhnevartovsk State University

Gutova Svetlana Georgievna

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Social Sciences, Humanities
and Tourism Department,
Nizhnevartovsk State University

THE PHENOMENON OF TERRORISM AND EXTREMISM IDEOLOGY ON THE INTERNET: CHALLENGES AND SOLUTIONS [1]

Summary:

The article reviews problems related to the spread of extremism and terrorism in the Internet. The authors discuss the most critical problems associated with the character of extremism and terrorism activities, the role of Internet and mass media in propagation of terrorism and extremism ideology. The paper analyses current problems in this area and makes suggestions for organization of the most effective work to prevent terrorism and extremism ideology spreading on the Internet.

Keywords:

terrorism, extremism, ideology, control, counteraction, Internet.

В условиях глобализации и информатизации человечество сталкивается с рядом проблем, которые имеют совершенно разный характер и различные формы проявлений. Однако на данный момент существуют проблемы, которые имеют всеобщий характер, одной из них представляется распространение в мировом масштабе идеологии терроризма и экстремизма. Невидимая война, как часто называют сегодня терроризм, все больше настораживает и пугает людей, и это активно используют представители данной идеологии. Основной задачей террористов является распространение и нагнетание страха среди населения всего мира, что позволяет силам, стоящим за террористическими организациями, достигать своих геополитических, экономических и иных целей. В таком случае становится понятно, почему правительства многих стран, затрагивая тему экстремизма и терроризма, действуют крайне осторожно, опасаясь неадекватной реакции со стороны граждан своего или иного государства.

Стремление сеять страх и панику среди как можно большего количества людей, а также овладевать неокрепшими умами молодежи заставляет террористов искать новые глобальные коммуникационные пространства и способы воздействия. Неудивительно, что в последнее время одним из наиболее часто используемых способов распространения идеологии экстремизма и терроризма становится сеть Интернет. Можно с уверенностью говорить, что изучение проблемы проявления данных феноменов в ресурсах Всемирной сети, а также поиск путей и способов противодействия им крайне актуальны на настоящий момент.

Одним из ключевых вопросов является выстраивание информационной политики как на уровне отдельных государств, так и на международном уровне. Руководству различных стран и государственных объединений необходимо принять достаточно сложное решение о том, каким конкретно образом преподнести гражданам информацию о деятельности террористов. С одной стороны, нельзя настойчиво проводить политику запугивания населения, вызывая тем самым у людей постоянное чувство тревоги и неуверенности, с другой стороны, отсутствие информации

по данной проблематике или слишком осторожное обращение с такой информацией может привести к проблеме актуализации борьбы с терроризмом. Действительно, может получиться так, что большинство людей не будут понимать, зачем истреблять угрозу, которая лишь косвенно воздействует на общество и не распространяется на все человечество. Конечно, такое положение дел обуславливает необходимость пересмотра характера информационной политики в сети Интернет в отношении сведений о деятельности террористических организаций, а также способов информационно-психологического противодействия экстремизму и терроризму [2].

В настоящее время специальные органы различных стран осуществляют достаточно плотный контроль над ресурсами Интернета. Свобода слова в данном случае не может функционировать в полной мере, поскольку это может привести к нежелательным последствиям в виде паники, о которой говорилось ранее.

Надо отметить и тот факт, что существуют различные подходы к трактовке понятий терроризма и экстремизма. Современные исследователи, политики, журналисты активно обсуждают и уточняют содержание данных понятий, необходимость их точных определений, особенно в связи с формированием единой государственной политики, направленной на борьбу с терроризмом. В этом ключе необходимо помнить, что понятие «экстремизм» шире, чем «терроризм», так как экстремизм включает в себя, помимо терроризма, также иные противоправные действия, сопряженные с насилием либо угрозой его применения: воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека и нарушение прав, свобод и законных интересов человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной либо языковой принадлежности или отношения к религии; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ; а также публичное оправдание терроризма [3, с. 17].

Современный мир переживает сложный период, который характеризуется постоянно присутствующей угрозой со стороны террористических группировок. Факты ущемления человеческих прав со стороны боевиков имеют место в разных точках планеты. К сожалению, никто не может считать себя полностью защищенным, так как предотвратить подобные действия довольно сложно. Распространенным считается мнение, что терроризм – это третья мировая война, только скрытая, невидимая. Невозможно абсолютно точно знать, где, когда и откуда ждать удара и какой он будет силы [4]. Однако если ранее террористы являлись лишь потенциальной угрозой для человечества, то сейчас они могут претендовать на своего рода лидерство в сфере массового психологического террора, так как техническое оснащение боевиков находится на достаточно высоком уровне.

Актуальной проблемой для всего современного человечества является разработка государственных мер по борьбе с международным терроризмом. К сожалению, тенденция разрастания международного терроризма и экстремизма с каждым годом только усиливается. Постепенно эта проблема проникает в общество, и любой человек на планете уже не может быть до конца уверенным в том, что рядом с ним нет потенциальной угрозы [5].

Естественно, искоренение терроризма необходимо производить совместными усилиями в соответствии со всеми современными нормами права и закона. Однако практика объединения государств в так называемые коалиции, которые называют себя антитеррористическими группировками, не привела к ожидаемым положительным результатам. В современной истории существует достаточно примеров, когда ООН не была проинформирована о действиях того или иного государства, а также не происходило согласование совместных действий в силу полного игнорирования международного права. В то же время государства, сотрудничающие в международной сфере, официально признают, что вся военная деятельность должна контролироваться со стороны ООН. Как показывает опыт, данное соглашение не является эффективным способом противодействия терроризму в современном обществе. Однако понятно, что необходимость такого взаимодействия все равно существует [6].

Можно долго рассуждать о том, что терроризм должен быть искоренен и добиться этого возможно путем полного уничтожения всех возникающих угроз. Однако не стоит забывать, что есть и чисто формальное отношение к данному вопросу, поскольку некоторые государства ведут двойную игру, создавая своими действиями условия для распространения идеологии терроризма.

Попробуем разобраться, будет ли эффективной политика ужесточения мер по уничтожению терроризма посредством применения силы. С одной стороны, это поможет постепенно способствовать уничтожению террористических угроз. С другой стороны, наблюдается совершенно иная картина: при проведении антитеррористических операций очень часто страдают невинные люди, которые впоследствии становятся потенциальными жертвами вербовщиков. Как правило, вербовщики выбирают семьи, которые пострадали от действий государств, ведущих активную

политику по уничтожению терроризма силовыми методами. В таком случае наблюдается так называемый принцип «рассеивания». Например, происходит теракт, власти отвечают на это силовым ударом, страдают другие люди, терроризм еще более разрастается, и так происходит до бесконечности, пока какая-либо система из этих двух составляющих не разломится.

На сегодняшний день достаточно трудно однозначно ответить на вопрос о возможности искоренения международного терроризма, так как террористы имеют возможность свободно перемещаться по улицам городов и беспрепятственно создавать свои базы.

Как бы странно это ни звучало, но события, которые происходили в «кровавую пятницу» в Париже и не так давно в Брюсселе, заставили высшее руководство множества стран кардинально пересмотреть свою политику, направленную на защиту населения от терроризма. Ситуация, в которой страны Европейского союза переполнены мигрантами, заставляет задуматься о неприятных последствиях в будущем. Очевидно, что ужесточение некоторых частных мер, например контроля за миграционными потоками, не исправит ситуацию с уже живущими в ЕС мигрантами.

Анализ ситуации в Париже показал, что довольно сложно среди мигрантов, давно проживающих в ЕС, вычислить потенциального террориста. В связи с этим сегодня пересматриваются многие вопросы, связанные с психологическим портретом преступника-террориста. Средства массовой информации и руководства различных стран не должны оставаться в стороне от этого процесса: ситуация обязывает вести активную борьбу с терроризмом. Необходимо наладить систему взаимодействия ресурсов Интернета с правительством и проводить агитацию против идей терроризма.

Из всего сказанного выше следует, что проблема терроризма занимает достаточно прочную позицию в сознании современного человека. Информационные потоки, которые преподносятся населению средствами массовой информации и через ресурсы сети Интернет, должны контролироваться таким образом, чтобы, с одной стороны, не было возможности вызвать чрезмерные страх и тревогу у жителей планеты, а с другой – не было сформировано безразличное отношение к терроризму. Можно согласиться с тем, что Интернет является не только необъятным источником информации, средством для обеспечения коммуникаций, реализации интеграционных идей, но и мощнейшим инструментом информационного влияния и управления – информационного воздействия для достижения требуемой реакции, поведения с целью манипулирования личностью, социальными группами и обществом в целом [7, с. 25].

Большинство случаев нерационального использования информационных потоков связано со слишком открытыми и жестокими сюжетами в программе телеканалов, поскольку достаточно часто мы можем наблюдать насильственные действия со стороны террористов, которые совершались над невинными людьми. Естественно, кадры подобного рода вызывают не только массовый страх перед террористами в подсознании людей, но и опасения, связанные с небезопасностью жизни в существующих условиях. В результате у основной массы населения формируется крайне негативное отношение к действиям правительств различных стран или мировых объединений, которые не способны обеспечить должную безопасность. Это ведет к нежелательным последствиям в виде подрыва авторитета властных структур, что, несомненно, является благоприятной почвой для еще большего распространения терроризма.

Террористические действия можно охарактеризовать как необычайное и нетипичное событие, так как происходят они гораздо реже, чем, например, дорожно-транспортные происшествия. Психологическое состояние человека устроено таким образом, что ему крайне важно получать новую неординарную информацию. Именно поэтому террористические действия являются благоприятной почвой для длительного обсуждения в ресурсах сети Интернет и еще большего привлечения конечного потребителя в виде зрителей. Если задать вопрос большинству современных людей в цивилизованном мире: «К каким источникам информации Вы обращаетесь чаще всего для получения достоверных сведений о событиях террористического характера», то, скорее всего, будет получен ответ «СМИ и Интернет».

Сегодня основанием для введения ограничений или прекращения доступа к тому или иному интернет-ресурсу является внесение данного ресурса в Федеральный список экстремистских материалов. Кроме того, ресурс может быть закрыт, если он является официальным сайтом организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» [8]. В таком случае всем интернет-провайдерам, а также организациям, предоставляющим интернет-хостинг, Министерство юстиции направляет соответствующие информационные письма. Если сервер, на котором находится ресурс, размещен на территории РФ, то сайт удаляется физически либо провайдеры блокируют запросы к данному ресурсу.

Однако стоит отметить, что процедура принятия решения о признании материалов или сайтов экстремистскими через суды не способствует оперативности принятия решения, а следовательно, не является эффективной мерой. До момента принятия решения данные материалы могут быть растиражированы на десятки и сотни других сайтов [9].

Наблюдается серьезная активизация деятельности специальных государственных служб, направленной на ликвидацию экстремистского и террористического контента на страницах ресурсов Сети. Подобная динамика показывает возможность благоприятного роста показателей противодействия данному феномену. Разумеется, необходимо понимать, что вместе с ростом эффективности данной работы террористические организации также будут активно искать новые возможные пути обхода государственных служб для агитации и привлечения новых лиц и всячески стремиться совершенствовать свои методы пропаганды.

Можно констатировать наличие следующих проблем в данном направлении:

- отсутствие международного нормативно-правового акта (договора, пакта, конвенции), регламентирующего взаимодействие государств в сфере противодействия экстремизму и терроризму в информационно-коммуникационном пространстве;

- несовершенство нормативно-правовой базы в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет;

- отсутствие единого органа, как на федеральном, так и на региональном уровне, на который полностью возложена функция мониторинга информационно-коммуникационного пространства (подобные подразделения есть в большинстве силовых ведомств, но механизмы их взаимодействия и координации не отлажены);

- наличие проблемных вопросов в сфере применения технических средств.

Первоочередными мерами решения вышеизложенных проблем должны стать:

- инициирование в рамках ООН разработки и принятия международного правового акта по взаимодействию в сфере противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве;

- оперативная доработка законопроекта и принятие Государственной думой федерального закона, прописывающего права, обязанности и ответственность пользователей сети Интернет на территории России;

- создание единого федерального органа (подразделения в структуре одного из силовых ведомств), его территориальных отделений, наделенных полномочиями и оснащенных новейшими техническими средствами для мониторинга и анализа информации сети Интернет, в частности, на предмет наличия признаков экстремизма [10].

Таким образом, на современном этапе развития общества недостаточно уже просто констатировать наличие и актуальность такой проблемы, как распространение терроризма и экстремизма в мировом масштабе. Особенно важным является осознание всех аспектов данной проблемы, которая представляется следствием других процессов глобализации. Именно современные средства массовой коммуникации, и особенно глобальная сеть Интернет, наиболее уязвимы и потому выступают привлекательной областью информационного воздействия на огромные массы, бесконтрольно поглощающие любые потоки информации [11].

Ресурсы сети Интернет имеют целью максимальное включение населения в процесс потребления информации, что делает эффективным воздействие, в том числе и сторонников экстремистской идеологии, на самые широкие слои населения. Особенно сложная ситуация складывается в отношении молодежи, поскольку она является самым активным пользователем Сети. Усилия приверженцев экстремистской идеологии направлены в первую очередь именно на молодых людей, которые склонны к риску и более критичны в отношении уже сложившихся условий жизни. Их недовольство той традиционной нормой, которую устанавливает для них старшее поколение, является благоприятной почвой для активной пропаганды со стороны террористов, предлагающих им взамен «интересную» и наполненную смыслом жизнь. Экстремистские организации предоставляют самый быстрый и простой путь обретения собственного «я», осмысленности существования, точное определение полюсов «добра» и «зла», упорядочение социального окружения [12, с. 26]. Отсутствие цели, идеи и достойного образца в молодежной среде может привести к потере ориентации, психологическому вакууму, который достаточно успешно заполняется уже подготовленными специалистами в области информационной войны. Борьба за умы и души молодых людей – это главная задача современной экстремистской идеологии.

Следовательно, важнейшими задачами государств становятся защита молодежи от влияния подобных идеологий, формирование такого информационного пространства, в котором выживаемость и эффективность экстремистских идей будут сведены к минимуму. Для этого необходимо знать и понимать ценности, интересы и потребности современной молодежи, быть на шаг впереди в области информационных технологий, формирующих общественное мнение. Выявление причин, толкающих молодежь на путь экстремизма, позволит предотвратить многие действия со стороны опасных вербовщиков, пока еще чувствующих себя вполне уверенно в сети Интернет.

Правительства многих развитых стран на протяжении уже нескольких лет строят свою политическую деятельность таким образом, чтобы контролировать ресурсы Интернета на предмет

наличия проявлений экстремизма и терроризма, поскольку управление подсознанием человечества – это достаточно сложный процесс с крайне тонкими гранями. Представители соответствующих государственных структур хорошо осознают, что при помощи Всемирной сети можно направить мышление народа в то русло, которое им необходимо. Однако сделать это можно только с помощью тотального контроля информационных потоков со стороны правительства. Такие меры тоже не могут полностью удовлетворить современного человека, усвоившего некоторые азы демократии, понимающего свои права и знающего, что такое свобода слова. Следовательно, тотальный контроль может привести к еще большему недовольству и противостоянию официальной идеологии. В этом случае государство должно выработать особую позицию по данному вопросу, которая, с одной стороны, перекроет все возможные пути для продвижения экстремистской идеологии, а с другой, оставит поле для свободного выбора, основанного на сформировавшихся, традиционных общечеловеческих ценностях.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ офи_м 16-2909503 «Информационно-психологическое противодействие идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет».
2. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.
3. Аккаева Х.А. Новые тенденции законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60) : в 3 ч. Ч. II. С. 16–18.
4. Платэ Н.А., Коваленко Г.Я., Шиян Ю.К. «Нет терроризму!» – говорят ученые России и США // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 2. С. 161.
5. Ениколопов С.Н. Указ. соч.
6. Платэ Н.А., Коваленко Г.Я., Шиян Ю.К. Указ. соч.
7. Денисова А.Б. Информационные и телекоммуникационные технологии как фактор социализации молодого поколения // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2016. № 1 (11). С. 20–34.
8. Пикин В.В. Современные аспекты международного терроризма // Право и политика. 2003. № 6. С. 21.
9. Платэ Н.А., Коваленко Г.Я., Шиян Ю.К. Указ. соч.
10. Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // Власть. 2010. № 9. С. 56–59.
11. Лукина Н.П., Самохина Н.Н. От информационного общества к обществам знания: теория и практика перехода // Гуманитарная информатика : сб. ст. / под ред. Г.В. Можяевой. Томск, 2013. Вып. 7. С. 9–28.
12. Денисова А.Б. Указ. соч. С. 26.

УДК 330.3

Беляков Геннадий Павлович

доктор экономических наук,
профессор кафедры организации
и управления наукоемкими производствами
Сибирского государственного аэрокосмического
университета имени академика М.Ф. Решетнева

Поконов Александр Андреевич

аспирант Сибирского государственного
аэрокосмического университета
имени академика М.Ф. Решетнева

**УРОВЕНЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ
ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА И МЕТОДИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ К ЕГО ОЦЕНКЕ**

Аннотация:

В статье рассмотрены основные методические подходы к оценке уровня технологического развития промышленных предприятий. Предложена авторская классификация данных подходов. Выявлены и проанализированы недостатки существующих методических подходов к оценке уровня технологического развития промышленных предприятий. Представлены рекомендации для формирования методического подхода к оценке уровня технологического развития предприятий лесопромышленного комплекса в регионе.

Ключевые слова:

технологическое развитие, методический подход, лесопромышленный комплекс (ЛПК), стратегическое управление.

Belyakov Gennagiy Pavlovich

D.Phil. in Economics, Professor,
Department for Organization and Management of
High Technology Production,
Siberian State Aerospace University

Pokonov Aleksander Andreyevich

PhD student,
Siberian State Aerospace University

**THE TECHNOLOGICAL
DEVELOPMENT LEVEL OF
TIMBER ENTERPRISES
AND THE METHODOLOGICAL
APPROACHES TO ITS EVALUATION**

Summary:

The article deals with the basic methodological approaches to assessment of the technological development level of industrial enterprises. An original classification of these approaches is presented. The authors analyse the shortcomings of existing methodologies of assessment of the technological development of industrial enterprises. The paper suggests guidelines for development of the methodological approach to evaluation of the technological development level of timber enterprises in the region.

Keywords:

technological development, methodological approach, timber industry, strategic management.

Введение

Единственным путем преодоления технологического отставания отечественного лесопромышленного комплекса (ЛПК) от мировых лидеров является его интенсивная структурно-технологическая модернизация, попытки проведения которой предпринимаются Правительством Российской Федерации с начала 2000-х гг. (введение в действие обновленного Лесного кодекса РФ, увеличение экспортных пошлин на вывоз необработанного сырья и др.). Вместе с тем приложенные Правительством РФ усилия оказались неэффективными и не позволили в значительной мере усовершенствовать технологический облик отечественного ЛПК. Модернизация отечественного ЛПК на современном этапе экономического развития подразумевает формирование новых научных подходов к стратегическому управлению технологическим развитием (ТР) предприятий ЛПК в рамках как всего государства, так и отдельных регионов.

Одной из ключевых функций стратегического управления ТР предприятий ЛПК является определение уровня их ТР, что имеет определяющее значение для стратегического планирования данного организационно-экономического процесса. Одной из причин неэффективности стратегического управления ТР отечественных предприятий ЛПК выступает отсутствие системных и комплексных подходов к проведению оценки уровня их ТР, что зачастую приводит к необъективности полученных в результате оценки результатов. Так, в отечественной практике нередки случаи, когда статистические показатели уровня ТР предприятия ЛПК являются высокими, однако конкурентоспособность его продукции на внутреннем и мировом рынках остается неудовлетворительной.

Сложившаяся ситуация ставит перед российскими учеными задачу формирования новых методических подходов к оценке уровня ТР предприятий ЛПК, которые позволят максимально эффективно осуществлять функции стратегического управления данным организационно-экономическим процессом. Для успешного решения данной задачи требуются проведение системного

анализа уже существующих методических подходов к оценке уровня ТР предприятий ЛПК, а также выявление их существенных недостатков.

Методические подходы к определению уровня технологического развития промышленных предприятий

В отечественной научной литературе технологическое развитие предприятия чаще всего отождествляется с его технологическим перевооружением. Данная терминологическая несогласованность порождает различия в понимании термина «уровень технологического развития предприятия» и, как следствие, влечет за собой многообразие методических подходов к его оценке.

Большинство существующих методик оценки уровня ТР промышленных предприятий различаются в первую очередь предметом исследования. В зависимости от него в отечественной научной литературе можно выделить методы:

- 1) оценки уровня технического развития (технического уровня) предприятий [1];
- 2) определения научно-технического уровня производства [2];
- 3) комплексного анализа хозяйственной деятельности предприятия [3];
- 4) оценки уровня инновационного развития предприятия [4];
- 5) оценки инновационного потенциала предприятия [5];
- 6) оценки технологического уровня производства [6] и др.

Фактически все вышеперечисленные методики призваны определить уровень ТР промышленных предприятий, однако в значительной мере отличаются своими целями и задачами.

Вышеуказанные методы можно классифицировать по признаку комплексности рассмотрения процесса ТР предприятия. Так, некоторые подходы сводятся к оценке только технического уровня производства, тогда как другие измеряют показатели других аспектов деятельности производственного предприятия. Эти подходы по своей сути являются фрагментарными и не могут обеспечить эффективности стратегического управления ТР предприятия. В связи с этим, на наш взгляд, наибольшую практическую ценность для целей стратегического управления представляют комплексные подходы к определению уровня ТР предприятия, которые включают в себя расчет и технико-технологический анализ показателей трех групп: 1) научно-технического уровня производства; 2) уровня организации производства и труда; 3) системы управления предприятием. Именно в рамках таких подходов становится возможной наиболее объективная оценка технологического уровня выпускаемой предприятием продукции и происходящих на нем процессов.

Рассмотренные методические подходы к оценке уровня ТР предприятий можно разделить по признаку комплексности на две группы:

- 1) функциональные (определяющие технологический уровень определенной функции предприятия);
- 2) комплексные (определяющие технологический уровень всех технологий и продукции предприятия).

При оценке уровня ТР промышленных предприятий могут использоваться следующие методы: метод эталонных коэффициентов, развернутых эталонных характеристик вида работ по уровню прогрессивности, упрощенных характеристик, интервьюирование, метод номинальной группы, метод Дельфи, бенчмаркинг, метод мозгового штурма и др.

Недостатки существующих методических подходов к оценке уровня технологического развития предприятий лесопромышленного комплекса

Следует отметить, что методические подходы к оценке уровня технологического развития предприятий ЛПК практически не представлены в отечественной научной литературе.

Вместе с тем для обеспечения эффективности стратегического управления технологическим развитием предприятий ЛПК региона необходима разработка методического подхода к оценке уровня их технологического развития. При этом при формировании методического подхода к оценке уровня ТР предприятий ЛПК в регионе необходимо учитывать недостатки уже существующих методических подходов. По результатам проведенного исследования, авторами были выявлены следующие недостатки уже существующих методических подходов к оценке уровня технологического развития промышленных предприятий:

1. В большинстве рассмотренных методических подходов отсутствует система показателей, посредством использования которых возможно сравнение объекта анализа с предприятиями, применяющими принципиально иные технологии и производящими другого рода продукцию. Так, в рамках существующих методических подходов практически невозможно провести сравнение технологического уровня предприятия, производящего древесно-стружечные плиты, и предприятия, производящего сульфатную целлюлозу. Вместе с тем на современном этапе экономического развития разработка методики проведения такого рода анализа необходима для обеспечения эффективности стратегического управления предприятиями ЛПК в рамках региона и/или государства.

На современном этапе экономического развития одним из ключей к интенсивному экономическому развитию ЛПК региона является концентрация в его рамках производств наиболее высокомаржинальной лесопродукции.

Проведя анализ структуры экспорта различных лесных держав, авторы пришли к выводу, что отечественный ЛПК уступает своим зарубежным конкурентам по экономическим результатам своей деятельности в первую очередь из-за того, что поставляет на мировой рынок продукцию с низким уровнем добавленной стоимости – необработанную древесину, пиломатериалы и др. Так, в структуре экспорта лесопродукции мировых лидеров данного сегмента (Швеция, Финляндия и др.) преобладает высокомаржинальная лесопродукция, в то время как в рамках отечественного ЛПК такая продукция практически не производится. Именно поэтому Российская Федерация в крупных объемах импортирует высокомаржинальную лесопродукцию (различных видов целлюлозу, термочувствительную бумагу, упаковочные материалы для пищевых продуктов и др.).

Таким образом, при определении уровня ТР предприятия необходимо учитывать технологическую сложность производимой продукции. При этом под технологической сложностью продукции понимается характеристика продукции, отражающая объем научно-технических ресурсов, вложенных в ее разработку и производство.

2. Существующие методические подходы к оценке уровня ТР предприятий не учитывают нелинейный (революционный) характер данного организационно-экономического процесса. В рамках некоторых указанных выше методических подходов к оценке уровня ТР предприятий последний определяется на основании сравнения используемых предприятием технологий и оборудования с лучшими из существующих в мире аналогами. Такой подход к оценке уровня ТР предприятия представляется наиболее прогрессивным, однако не отражает действительного уровня ТР предприятия в контексте его стратегической конкурентоспособности.

Под стратегической конкурентоспособностью предприятия авторами понимается его способность конкурировать в будущем на существующих и только зарождающихся рынках. На современном этапе экономического развития внедрение в промышленность передовых технологий в кратчайшие сроки изменяет структуру различных отраслей и соответствующих рынков, делая тем самым продукцию признанных лидеров в области старой технологии невостребованной и неконкурентоспособной. Передовые технологии сегодняшнего дня в большинстве случаев перестают быть таковыми уже через 3–5 лет и не гарантируют применяющему их предприятию сохранение конкурентоспособности даже в краткосрочной перспективе. В мире все отчетливее проявляется тенденция к постоянному сокращению цикла появления новых технологий и продуктов и, как следствие, новых отраслей и рынков. Решающим фактором технологического лидерства предприятия в таких условиях становится постоянное создание передовых (сложных для копирования) инновационных технологий.

Применительно к ЛПК можно прогнозировать массовую переориентацию мирового рынка лесопродукции на производство инновационной продукции в ближайшие 10–15 лет. Таким образом, при оценке уровня ТР отечественных предприятий ЛПК необходимо оценивать их перспективную способность «отвечать на запросы завтрашнего дня». Такой подход позволит избежать воспроизводства технологической отсталости отечественного ЛПК.

Выявленные особенности ТР предприятий ЛПК позволяют сделать вывод о необходимости внедрения в методики оценки уровня ТР предприятий системы показателей, отображающих наличие заделов еще только зарождающихся технологий, вслед за внедрением которых появятся новая продукция и рынки.

Прогнозируя внедрение аддитивных технологий в производство продукции ЛПК, изменение принципов извлечения энергии из древесных ресурсов, а также появление инновационной лесопродукции, при оценке существующего уровня ТР предприятия следует учитывать технологическую способность отечественных предприятий к производству в перспективе инновационной лесопродукции, а не только традиционной.

Применение такого подхода может кардинальным образом изменить оценку уровня ТР отечественного ЛПК и, как следствие, государственную политику в данной области. Существующая стратегия технологического развития отечественного ЛПК путем внедрения уже существующих и опробованных мировыми лидерами технологий приводит к постоянному воспроизводству технологического отставания отечественного ЛПК. Действительно, даже если отечественный ЛПК в срок до 2025 г. достигнет технологического уровня сегодняшних мировых лидеров, его продукция все равно останется неконкурентоспособной в связи с принципиальным изменением к тому сроку структуры рынка лесопродукции.

3. Часто встречающееся в научной литературе отождествление понятий «технологическое развитие» и «техническое перевооружение» предприятия приводит к тому, что во многих методических подходах существуют системы не связанных между собой показателей научно-технического уровня производства, уровня организации производства и труда, управления предприятием и др.

При определении уровня ТР большинство экономистов рассчитывают комплексный показатель уровня ТР предприятия, интегрируя показатели ТР отдельных функций предприятия в соответствии с собственным убеждением, отдавая предпочтение определенным критериям ТР. В связи с этим результаты оценки уровня ТР одного и того же предприятия могут значительно отличаться друг от друга в зависимости от используемых при расчете методик.

Таким образом, большинство существующих методик оценки уровня ТР предприятий учитывают приоритетность показателей определенного функционального аспекта над другими показателями. Вместе с тем такой подход не принимает во внимание синергетическую сущность функционирования предприятия, так как оценка уровня ТР предприятия происходит путем оценки не всей совокупности технологий и процессов, проистекающих на предприятии и направленных на создание им добавленной стоимости, а только его функциональных аспектов. Такие подходы к оценке уровня ТР могут являться причиной ошибок менеджмента компании при принятии стратегических решений.

На наш взгляд, одними из ключевых показателей ТР предприятия являются показатели сбалансированности всех протекающих на нем технологий. Такой взгляд на оценку уровня ТР предприятия был сформирован в конце XX в. учеными США и Японии. Так, М. Портер утверждает, что технологическое развитие предприятия характеризуется уровнем технологичности всей цепи создания стоимости [7]. Аналогичные подходы к деятельности предприятия лежат в основе широко распространенных управленческих концепций 6 Sigma и Kanban, в рамках которых деятельность предприятия рассматривается как поток создания стоимости [8].

Таким образом, по мнению авторов, оценка уровня технологического развития предприятий ЛПК должна содержать систему показателей, характеризующих технологический уровень всех процессов по созданию добавленной стоимости, протекающих на предприятии, их совместимость и соответствие друг другу по количественным и качественным характеристикам. Необходимость применения сбалансированных показателей в стратегическом управлении предприятием указывают в своих работах известные экономисты Р. Каплан и Д. Нортон [9].

Заключение

В результате проведенного исследования авторами были выявлены значительные недостатки существующих методических подходов к оценке уровня технологического развития промышленных предприятий. Результаты проведенного исследования позволяют учитывать их при формировании методического подхода к оценке уровня технологического развития предприятий ЛПК в регионе.

Ссылки:

1. Штепа М.В. Оценка технического развития предприятий в условиях конкуренции [Электронный ресурс] // Российское предпринимательство. 2013. № 5 (227). С. 33–40. URL: <http://bgscience.ru/lib/8019/> (дата обращения: 14.10.2016).
2. Демидова Е.А. Оценка научно-технического уровня производства металлургического предприятия // Вопросы экономики и права. 2012. № 10. С. 75–78 ; Тертышник М.И. Оценка производственного потенциала предприятия и научно-технического уровня производства // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 1. С. 98–102.
3. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учеб. пособие. 7-е изд., испр. Минск, 2002. 704 с. (Экономическое образование) ; Шеремет А.Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2007. 416 с.
4. Мингалева Ж.А., Платынюк И.И. Оценка уровня инновационного развития предприятия [Электронный ресурс] // Креативная экономика. 2011. № 4 (52). С. 52–58. URL: <http://bgscience.ru/lib/4404> (дата обращения: 29.10.2016).
5. Шляхто И.В. Оценка инновационного потенциала промышленного предприятия // Вестник Брянского государственного технического университета. 2006. № 1 (9). С. 109–115.
6. Ветчинкина Е.В. Исследование технологического уровня производства в целях формирования стратегии инновационно-технологического развития хозяйствующих субъектов [Электронный ресурс]. URL: ukros.ru/wp-content/uploads/2014/08/Ветчинкина.doc/ (дата обращения: 14.10.2016).
7. Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость : пер. с англ. 3-е изд. М., 2008. 715 с.
8. Лайкер Дж., Майер Д. Практика дао Toyota: Руководство по внедрению принципов менеджмента Toyota : пер. с англ. М., 2006. 588 с. ; Хэрри М., Шредер Р. 6 Sigma. М., 2003. 464 с.
9. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию : пер. с англ. М., 2003, 304 с.

УДК 330.142

Беломестнова Ирина Васильевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента
филиала Кубанского государственного
университета в г. Тихорецке

Кузнецова Ирина Васильевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента
филиала Кубанского государственного
университета в г. Тихорецке

**ПРИНЦИПЫ И ИНСТРУМЕНТЫ
АКТИВИЗАЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

Аннотация:

В статье рассматриваются принципы активизации воспроизводства человеческого капитала как составная часть региональной экономической политики. Охарактеризованы инструменты, активизирующие воспроизводство человеческого капитала, а также определены барьеры, препятствующие данному процессу.

Ключевые слова:

принципы и инструменты воспроизводства человеческого капитала, активизация воспроизводства человеческого капитала, барьеры, институциональные ловушки, региональные экономические системы.

Belomestnova Irina Vasilyevna

PhD in Economics, Assistant Professor,
Economics and Management Department,
Tikhoretsk branch of
Kuban State University

Kuznetsova Irina Vasilyevna

PhD in Economics, Assistant Professor,
Economics and Management Department,
Tikhoretsk branch of
Kuban State University

**PRINCIPLES AND TOOLS OF
REINFORCEMENT OF
HUMAN CAPITAL REPRODUCTION**

Summary:

The article deals with the principles of enhancing the human capital reproduction as an integral part of the regional economic policy. The authors describe the tools reinforcing human capital reproduction and consider challenges faced during this process.

Keywords:

principles and tools of human capital reproduction, reinforcing of human capital reproduction, barriers, institutional trap, regional economic system.

В практику экономической политики на макроуровне входят приоритетные национальные социальные проекты, такие как «Здоровье», «Образование», что позволяет активизировать развитие социальной сферы в том числе и на мезоуровне. К их реализации привлечены несколько миллионов человек, а ресурсы национальных проектов сопоставимы с ресурсами крупных региональных бюджетов. В ситуации преодоления последствий финансового кризиса такие проекты были продолжены, причем с более четким выделением регионального компонента и стремлением организовать контроль целевого использования выделенных средств [1].

Основным показателем, характеризующим успешность проводимой социальной политики, является так называемая социальная эффективность – соотношение времени, финансовых средств и иных ресурсов, затраченных на проведение социальных мероприятий с достигнутыми результатами. Только путем измерения эффективности распределения ресурсов, а не их общего количества, финансирования либо инвестиций, можно оценить уровень обеспечения социальной сферы [2].

Результатами соотношения проектов с направлениями активизации воспроизводства человеческого капитала на мезоуровне являются:

- территориальное образование капитальных комбинаций внутренней среды инновационного типа;
- формирование формы догоняющего развития и прорыва к новому экономическому укладу региональных экономических систем;
- создание финансовой возможности саморазвития местности и поднятие институционального статуса района равно как встроенного субъекта.

Обобщение полученных результатов анализа воспроизводства человеческого капитала дает возможность охарактеризовать следующие важные принципы активизации данного процесса [3]:

1. Разделение процесса воспроизводства человеческого капитала и выделение в качестве приоритета региональной экономической политики, что формирует основной системный компонент в структуре политики региона.

Раскрывая содержание данного принципа, отметим, что структура региональной экономической политики нуждается в целом ряде дополнений, обусловленных усложнением процесса

территориального развития и ростом конкуренции. В частности, существует острая потребность в формировании системного компонента данной политики исходя из того, что любая многоуровневая система перераспределения обременена чрезмерными трансакционными издержками, что обуславливает существенное снижение эффективности региональной социально-экономической политики, а также ее неадекватность потребностям кризис-менеджмента территории.

2. Согласованность составляющих территориальной структуры воспроизводства человеческого капитала, описывающая преодоление имеющейся асимметрии предоставленного процесса, сконцентрированного во внутренней среде нескольких интегрированных компаний. Помимо этого, несоразмерная концентрация ресурсов воспроизводства человеческого капитала во внутренней среде одной или нескольких монопольных организаций делает территориальную структуру воспроизводства человеческого капитала малоэффективной, поскольку не обеспечиваются потребности воспроизводства человеческого капитала в домохозяйствах, сфере малого и среднего бизнеса.

Чем выше уровень развития человеческого фактора региональной экономической системы и чем больше развернуты, то есть широко представлены, его потребности, тем выше требования людей к экономическому потенциалу территории. Данное обстоятельство обуславливает растущую ответственность органов власти и управления территорией, а также ее экономических субъектов за продуктивное ведение общественного хозяйственного процесса в системе региона.

3. Мотивированная направленность финансово-инвестиционного обеспечения процесса воспроизводства человеческого капитала, значащий отказ от применения «затратных» и рассчитанных на извлечение кратковременного виртуального эффекта социальных проектов.

В современной научной литературе последовательно утверждается позиция, сторонники которой полагают, что территориальный компонент в структуре затратных национальных проектов федерального уровня необходимо заменить специальными целевыми (таргетированными) территориальными проектами, формируемыми в соответствии с приоритетами развития региональных экономических систем.

4. Координация взглядов всех типов воспроизводства человеческого капитала, что предполагает поиск общественного согласия на каждом этапе развития данного процесса, а также применение специальных институциональных инструментов, обеспечивающих согласование интересов.

Разрешение противоречий между экономическими интересами различных субъектов не может регулярно происходить на основе внеэкономического принуждения со стороны государства или вертикально интегрированных корпораций, так как нельзя игнорировать объективное экономическое обособление остальных участников рынка, их интересы, определяемые их позицией в общественном разделении труда [4].

5. Приоритет институциональных инструментов активизации воспроизводства человеческого капитала, что обусловлено природой раскрытых барьеров на пути развития данного процесса.

Следствием изучения принципов является формирование институциональных инструментов активизации воспроизводства человеческого капитала. Прежде всего отметим, что они направлены на проведение назревших хозяйственных и институциональных изменений. При этом опыт рыночных преобразований в России свидетельствует о том, что к последним необходимо подходить взвешенно, учитывая огромную инерцию действующих институтов и их влияние на воспроизводство. Истинной целью институциональных изменений является повышение эффективности воспроизводственного процесса, которое обеспечивается на основе оптимизации величин и комбинаторного сочетания трансформационных и трансакционных издержек данного процесса. Если указанные издержки возрастают, то изменения неэффективны.

Выделим в данном отношении такой «побочный» результат непродуманных институциональных изменений, как институциональные ловушки. Существует феномен, связанный с возникновением в транзитивной экономике относительно устойчивых, но неэффективных институтов, позволяющих хозяйствующим субъектам на первых порах извлечь временную выгоду за счет снижения трансакционных издержек, но затем обуславливающих разрастание избыточных, в том числе бюрократических, издержек воспроизводственного процесса.

Институциональные ловушки обрисовывают ситуацию формирования и применения ложных, бюрократических «институциональных инструментов», навязываемых рынку. Когда государство в своих действиях доходит до игнорирования рыночного механизма ценообразования и стоящих за ним принципов организации самого рынка, то у участников рынка появляется необходимость альтернативного саморегулирования отношений в противовес несправедливой государственной субординации. Так возникают известные «серые» схемы рыночной деятельности в обход институциональных норм, устанавливаемых государством (налогообложения, лицензирования, регулирования цен и т. п.). Такими институциональными инструментами, нацеленными на решение финансовых противоречий, являются:

– территориальная некоммерческая организация формирования и поддержки развития владельцев человеческого капитала в сфере малого и среднего бизнеса, призванная не только защищать или представлять совместные интересы своих участников, но и выступать партнером в региональных проектах развития человеческого капитала [5];

– государственное частное партнерство по развитию специальной инфраструктуры территориального воспроизводства человеческого капитала. Форма партнерства в данном случае обеспечивает соразмерное распределение задач и ресурсов организаций и лиц, заинтересованных в развитии такой инфраструктуры.

Таким образом, территориальная некоммерческая организация формирования и поддержки развития владельцев человеческого капитала в сфере малого и среднего бизнеса и государственное частное партнерство по развитию специальной инфраструктуры территориального воспроизводства человеческого капитала – это те действенные механизмы – институциональные инструменты, которые позволяют активизировать воспроизводство человеческого капитала в процессе модернизации экономической системы современного региона.

Ссылки:

1. Беломестнова И.В. Воспроизводство человеческого капитала в региональных экономических системах современной России: структура, факторы и инструменты активизации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2012. С. 21–22.
2. Кузнецова И.В. Критерии бедности и эффективность социальной политики [Электронный ресурс] // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2016. Т. 15. С. 1746–1750. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96268.htm> (дата обращения: 24.10.2016).
3. Беломестнова И.В. Указ. соч.
4. Цуцаев А.А. Интеграционный подход к интересам субъектов экономических отношений : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Владикавказ, 2006. С. 21–22.
5. Беломестнова И.В. Указ. соч.

УДК 330.322

Левченко Татьяна Александровна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры международного бизнеса и финансов
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса

Хаблак Владимир Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и управления
на предприятии Школы экономики и менеджмента
Дальневосточного федерального университета

СВОБОДНЫЙ ПОРТ ВЛАДИВОСТОК КАК ФАКТОР ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Аннотация:

В статье на основе анализа основных тенденций процесса привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока России сделан вывод о значимости свободного порта Владивосток, предоставляющего комплекс преференций инвесторам. Выделены основные характеристики и результаты его деятельности. Предложены пути совершенствования работы свободного порта Владивосток в целях увеличения притока прямых иностранных инвестиций.

Ключевые слова:

прямые иностранные инвестиции, инвестиционный процесс, свободный порт Владивосток, резидент, преференции, льготы, территории опережающего развития, Дальний Восток.

Levchenko Tatiana Aleksandrovna

PhD in Economics, Assistant Professor,
International Business and Finance Department,
Vladivostok State University of
Economics and Service

Khablak Vladimir Vladimirovich

PhD in Economics, Assistant Professor,
Economics and Company Management Department,
School of Economics and Management,
Far Eastern Federal University

THE FREE PORT OF VLADIVOSTOK AS A FACTOR OF FOREIGN DIRECT INVESTMENTS ATTRACTION INTO THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FAR EAST

Summary:

Based on the analysis of the main trends of foreign direct investments attraction into the economy of the Russian Far East it is concluded how important the Free Port of Vladivostok is, providing a set of preferences to investors. The article considers the main features and results of its operations. The authors suggest the main ways of improving the work of the Free Port of Vladivostok in order to increase the inflow of the foreign direct investment.

Keywords:

foreign direct investment, investment process, free port of Vladivostok, resident, preferences, privileges, priority development area, Far East.

Иностранные инвестиции являются важным источником развития экономики любого современного государства. Они становятся дополнительным импульсом для активизации экономического роста как на национальном, так и на региональном уровне. Осознавая это, органы государственного управления разрабатывают и реализуют специальную политику, направленную на стимулирование иностранных инвестиций, особенно это касается приоритетных для развития национальной экономики отраслей и регионов.

Деятельность иностранных инвесторов в любой стране неразрывно связана с общей ситуацией на мировом рынке инвестиций. Данные ЮНКТАД свидетельствуют о том, что в 2015 г. общий объем мировых инвестиций увеличился на 36 % – до 1,7 трлн долл. США [1] (это самый высокий уровень с 2007 г.). При этом наметилась тенденция значительного увеличения инвестиций, приходящихся на долю развитых стран, тогда как страны с переходной экономикой, к которым относится и РФ, напротив, демонстрировали чрезвычайно низкие показатели.

Определяющее значение для развития национальной экономики имеют прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Данные Банка России свидетельствуют о значительных негативных тенденциях в данной сфере в РФ (табл. 1).

Очевидно, в последние годы наблюдается падение объема прямых иностранных инвестиций в российскую экономику, которое особенно заметно в торговле, финансовой деятельности, строительстве и обрабатывающей промышленности. Причинами такого положения выступают значительное ухудшение политических условий, низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, спад в большинстве отраслей промышленного производства, усиление административных барьеров для ведения бизнеса. Однако разбивка по федеральным округам (ФО) позволяет выявить не только отрицательные моменты, но и регионы, сохраняющие положительное сальдо ПИИ (табл. 2).

Таблица 1 – Сальдо ПИИ в РФ по видам экономической деятельности в 2013–2015 гг., млн долл. США (по данным платежного баланса) [2]

Вид экономической деятельности	2013	2014	2015	Абсолютное изменение	
				2014 к 2013	2015 к 2014
Всего	69 219	22 031	6 478	-47 188	-15 553
в том числе:					
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	619	-30	270	-649	+300
Добыча полезных ископаемых	7 101	4 545	10 923	-2 556	+6 378
Обрабатывающие производства	16 494	1 173	6 839	-15 321	+5 666
Производство и распределение электроэнергии, газа, пара и кондиционирование воздуха	1 768	1 682	-1 940	-86	-3 622
Строительство	2 895	2 718	-1 051	-177	-3 769
Оптовая и розничная торговля	20 542	3 240	3 996	-17 302	+756
Транспорт и хранение	349	-743	-1 689	-1 092	-946
Информация и связь	-1 292	-2 361	-6 514	-1 069	-4 153
Финансовая деятельность, страхование	14 456	7 842	-2 889	-6 614	-10 731
Недвижимость	1 728	-830	339	-2 558	+1 169
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	348	156	-84	-192	-240
Предоставление прочих услуг	3 053	3 870	-2 345	+817	-6 215
Иные виды деятельности	1 158	769	623	-389	-146

Таблица 2 – Сальдо ПИИ в РФ по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты, в 2013–2015 гг., млн долл. США

Субъект	2013	2014	2015	Абсолютное изменение	
				2014 к 2013	2015 к 2014
Российская Федерация	69 219	22 031	6 478	-47 188	-15 553
Центральный ФО	43 083	11 713	-5 865	-3 170	-17 578
Северо-Западный ФО	7 950	-1 866	-1 624	-9 816	+242
Южный ФО	335	46	373	-289	+327
Северо-Кавказский ФО	19	142	353	-123	+211
Приволжский ФО	1 709	-281	-878	-1 990	-597
Уральский ФО	10 914	7 494	8 652	-3 417	+1 158
Сибирский ФО	2 310	-909	-889	-3 219	+20
Дальневосточный ФО	1 392	5 055	6 513	+3 663	+1 458
Крымский ФО	-	-29	1	-	+30
Не распределено по ФО	1 506	665	-158	-841	-823

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наибольшее падение чистых объемов ПИИ наблюдается в Центральном ФО, а единственным федеральным округом, демонстрирующим рост ПИИ на протяжении последних двух лет, является Дальневосточный. На Дальнем Востоке наиболее благополучное положение по обеспечению притока ПИИ наблюдается в Сахалинской области (что связано с крупными нефтегазовыми проектами). Существенное положительное сальдо в 2015 г. продемонстрировали также такие дальневосточные регионы, как Республика Саха (Якутия), Приморский край и Амурская область.

Крупнейшими инвесторами в дальневосточную экономику являются Китай, Япония и Республика Корея. В сферу их интересов входят сельское хозяйство, рыболовство и рыбопереработка, деревообработка, логистика, транспорт, химическое и фармацевтическое производство.

Причины интереса зарубежных инвесторов к Дальнему Востоку заключаются в следующем:

- высокий экономический и инвестиционный потенциал региона;
- наличие государственной стратегии по развитию Дальнего Востока;
- возможности использования преференций территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и свободного порта Владивосток (СПВ).

Однако их активность сдерживается такими факторами, как:

- неразвитость коммуникаций и логистики;
- недостаточная квалификация рабочей силы;
- неопределенность в поставках сырья и материалов.

Инвестиционная успешность Дальнего Востока на фоне других федеральных округов во многом объясняется активным продвижением в регионе институтов развития и инструментов поддержки инвесторов [3]. В их числе указанные выше территории опережающего социально-экономического развития и свободный порт Владивосток.

Учреждение ТОСЭР основано на Федеральном законе от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [4]. Причем для дальневосточных территорий в нем предусмотрено создание институтов развития, целями деятельности которых являются привлечение резидентов, прямых инвестиций, финансирование и поддержка приоритетных проектов. По сути, СПВ вписывается в идею ТОСЭР, делая акцент на особую значимость крупнейшей городской агломерации Дальнего Востока – городе Владивостоке.

Создание и развитие ТОСЭР и СПВ происходит также в соответствии с государственной программой «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», новая редакция которой была утверждена постановлением Правительства РФ от 09.08.2016 г. № 757. В Программе при решении задач комплексного социально-экономического развития Дальнего Востока в качестве приоритетных выделены следующие направления: создание и развитие территорий опережающего социально-экономического развития, конкурентоспособных по условиям ведения бизнеса с ключевыми центрами в Азиатско-Тихоокеанском регионе; развитие свободного порта Владивосток; поддержка инвестиционных проектов, практическая реализация которых значима для развития Дальнего Востока [5].

СПВ был создан на территории 15 муниципальных образований Приморского края. В него вошли все наиболее значимые порты юга Дальнего Востока, аэропорт «Кневичи», международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2». 24 июня 2016 г. режим свободного порта был расширен за пределы Приморского края: порты Ванино (Хабаровский край), Корсаков (Сахалинская область), Петропавловск-Камчатский (Камчатский край), Певек (Чукотский АО). В результате создания свободного порта Владивосток прогнозируется существенный рост валового регионального продукта Приморского края – более чем в 2 раза к 2025 г. (до 1,4 трлн р.) и более чем в 3,4 раза к 2034 г. (до 2,1 трлн р.). При этом прирост валового регионального продукта Дальневосточного ФО к 2025 г. должен составить почти 2 трлн р. Прирост регионального продукта будет сопровождаться увеличением числа рабочих мест в различных отраслях экономики, которое составит около 470 тыс. чел. к 2034 г. [6], что поможет достигнуть целевых индикаторов, обозначенных в государственной программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

Для резидентов свободного порта Владивосток действует система преференций, основными элементами которой являются [7]:

- налоговые преференции (по налогу на прибыль, НДС, налогу на имущество организаций, земельному налогу);
- преференции по платежам в ПФР, ФСС, ФФОМС;
- административные преференции (предоставление земельных участков без торгов, упрощенный визовый порядок въезда, разрешение на иностранную рабочую силу без квот, круглосуточный режим работы пунктов пропуска, «единое окно» при пересечении грузами государственной границы РФ, «зеленый коридор» для субъектов внешнеэкономической деятельности, электронное декларирование грузов).

По состоянию на сентябрь 2016 г. резиденты СПВ представляют в основном следующие сферы деятельности: транспортные услуги – 11, рыболовство, рыбоводство и рыбопереработка – 7, строительство – 7, хранение и обработка грузов – 6, сельское хозяйство – 4. Всего на 06.09.2016 г. в СПВ зарегистрировано 93 резидента, из них 5 компаний с участием иностранного капитала; заключено 122 соглашения на общую сумму 178 млрд р.

Однако очевидно, что потенциал СПВ для иностранных инвесторов использован не в полной мере. Это связано, в частности, с тем, что в государственной программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» вопросы развития СПВ затронуты лишь вскользь, без должной конкретики. Закон «О свободном порте Владивосток» [8] не формулирует четко принципы его работы. С учетом наиболее успешного опыта свободных портов Азии, таких как Сингапур, Гонконг, Макао, ОЭЗ Цинхай (КНР), Лабуан (Малайзия), Инчхон, Пусан-Джинхе (Республика Корея), к их числу можно отнести следующие:

1. Свободный порт – это зона свободной торговли.
2. Свободный порт – это крупный логистический хаб на уровне мировой транспортной системы.
3. Свободный порт должен иметь уникальную финансовую политику с акцентом на региональные особенности.
4. Работа свободного порта должна способствовать улучшению уровня жизни населения на его территории.

Кроме того, для успешного развития СПВ (а сегодня число реально работающих резидентов не превышает и десяти) необходимо обеспечить:

- всестороннюю информационную и консалтинговую поддержку иностранных инвесторов на всех этапах реализации проектов;
- минимизацию угроз коррупции и излишней бюрократизации инвестиционного процесса;
- гармонизацию закона «О свободном порте Владивосток» с законодательствами стран АТР, проявляющих наибольший интерес к работе СПВ;
- четкое определение условий рассмотрения споров между резидентами СПВ;
- подготовку учреждениями образования региона квалифицированных кадров по направлениям подготовки, востребованным СПВ;
- плавный и равномерный рост дальневосточной экономики в целях создания устойчивой базы для привлечения долгосрочных, а не спекулятивных иностранных инвестиций.

Таким образом, свободный порт Владивосток может стать важным фактором привлечения иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока РФ при условии обеспечения его конкурентоспособности на инвестиционном рынке Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ссылки и примечания:

1. World Investment Report 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (дата обращения: 27.09.2016).
2. Таблицы 1 и 2 составлены на основе: Прямые инвестиции в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]. URL: http://cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=dops_01#CheckedItem (дата обращения: 25.09.2016).
3. Ворожбит О.Ю., Корнейко О.В. Перспективы развития рыбохозяйственной деятельности Приморья в условиях свободного порта Владивостока. М., 2015. 180 с. ; Конвисарова Е.В., Литвин А.А. Предпосылки создания режима свободного порта во Владивостоке // Фундаментальные исследования. 2015. № 9-2. С. 352–355.
4. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2014 г. № 473-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 26.
5. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 9 авг. 2016 г. № 757. URL: <http://government.ru/docs/24166> (дата обращения: 23.10.2016).
6. Свободный порт Владивосток [Электронный ресурс] // Восточный экономический форум. URL: <http://forumvostok.ru/mesto/o-svobodnom-porte/> (дата обращения: 27.09.2016).
7. Свободный порт Владивосток [Электронный ресурс] // Корпорация развития Дальнего Востока. URL: <http://www.erdc.ru/vladivostok> (дата обращения: 25.09.2016).
8. О свободном порте Владивосток : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ // Российская газета. 2015. № 6724. 15 июля.

УДК 332.1

Маслихина Вероника Юрьевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления и права
Поволжского государственного
технологического университета

ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ [1]

Аннотация:

В работе прослеживается динамика межрегионального неравенства в России в целом и в разрезе федеральных округов в период 1994–2014 гг. на фоне усиления агломерационных процессов. Оценено влияние факторов, характеризующих процессы урбанизации и концентрации в регионах России, на межрегиональные диспропорции. Сделан вывод о том, что продолжающаяся территориальная концентрация экономической активности будет приводить к росту пространственного неравенства.

Ключевые слова:

агломерационные процессы, агломерационный эффект, пространственное неравенство, межрегиональное неравенство.

Maslikhina Veronika Yurievna

PhD in Economics,
Assistant Professor,
Management and Law Department,
Volga State University of Technology

THE DYNAMICS OF SPATIAL INEQUALITY IN THE CONTEXT OF AGGLOMERATION PROCESSES INTENSIFICATION [1]

Summary:

The article deals with the inter-regional inequality dynamics in Russia and its federal districts during the period of 1994–2014 amid increasing agglomeration processes. The author assesses the impact of the factors that characterize the processes of urbanization and concentration in the Russian regions on inter-regional disparities. It is concluded that the proceeding territorial concentration of economic activity will strengthen the spatial inequality.

Keywords:

agglomeration processes, agglomeration effect, spatial inequality, inter-regional inequality.

Российское региональное пространство в последние 25 лет подвержено процессу дивергенции регионов [2]. Различия в социально-экономическом развитии регионов прослеживаются в темпах их роста, уровне и качестве жизни населения, показателях занятости и безработицы, индексе человеческого развития, величине прироста/убыли населения. Диспропорции в региональном развитии объясняются положениями теорий пространственного развития, к основным из которых относятся модель «изолированного государства» И. фон Тюнена, теория штандорта промышленности А. Вебера, теория центральных мест В. Кристаллера и А. Лёша, диффузия нововведений Т. Хегерстранда, теория полюсов роста и центров развития Ф. Перру, в дальнейшем развитая Ж. Будвилем, теория об осях развития П. Потье, концепция «центр – периферия» Д. Фридмана, теория промышленных кластеров М. Портера, теория новой экономической географии П. Кругмана, теория «3D» (density, distance, division) экономистов Всемирного банка. В теориях, объясняющих неравномерность территориального развития, агломерационный эффект выделяется как ключевой фактор пространственного развития. Впервые этот фактор среди других факторов размещения отметил А. Вебер.

Агломерационный эффект – это экономическая выгода от концентрации деловой активности в локализованных местах. Агломерационные эффекты, с одной стороны, могут обнаруживаться в экономии (наличии положительных экстерналий по Маршаллу), что приводит к сокращению издержек производства за счет эффекта масштаба, повышения производительности труда вследствие диффузии технологий и инноваций; с другой стороны, могут быть связаны с дополнительными затратами, вызванными высокой стоимостью земли или объектов недвижимости, жизни, экологическими проблемами, перенаселением, перегруженностью транспортной системы и ростом транспортных издержек, повышением арендной платы, коммунальных услуг. В этом случае запускаются центробежные процессы, которые приводят к рассеянию экономической активности.

Выделяют три типа проявления агломерационных эффектов. Территориальная концентрация экономической активности по отраслевому признаку вызывает эффект кластеризации, или MAR-экстерналии (Marshall-Arrow-Romer (MAR) externalities) [3]. Концентрация населения и экономической активности в городах расширяет возможности развития фирм и вызывает эффект урбанизации, или Джейкобс-экстерналии (Jacobs' externalities) [4]. При внутрикластерной конкуренции проявляются экстерналии Портера (Porter's externalities) [5].

Эмпирические исследования российских ученых показали влияние агломерационных процессов на пространственное развитие. Е.А. Коломак доказала, что значимыми факторами концентрации экономической активности в регионе являются плотность населения, размер и доступность

рынков, степень диверсификации экономики [6]. С.Н. Растворцева и Д.С. Терновский выявили рост степени концентрации экономической активности, оцененной с помощью индекса Херфиндала – Хиршмана, рассчитанного по объему промышленного производства, объему инвестиций в основной капитал и среднегодовой численности занятых в экономике в регионах России в 1990–2013 гг. Кроме того, они исследовали некоторые факторы MAR-эффекта: рост относительной заработной платы, расстояние до крупных городов, прямые зарубежные инвестиции, плотность автодорог, степень развития сферы услуг в регионе [7]. С.Н. Растворцева и И.В. Манаева рассматривали проявление Джейкобс-эффекта в российских городах с использованием показателя плотности населения в период 2004–2014 гг. [8]. А.Н. Буфетова, изучая проявления агломерационного эффекта в российских городах, анализировала такие факторы, как численность населения, административный статус, ввод нового жилья, количество предприятий и организаций на 1 000 чел. населения, среднемесячная начисленная заработная плата, качество человеческого капитала [9]. Е.Г. Анимица исследовал агломерационный эффект в крупнейших городах России [10]. Б.М. Гринчель и А.А. Антонова отслеживали динамику агломерационных процессов в российских регионах [11].

Цель данного исследования заключается в выявлении факторов, характеризующих агломерационные процессы, и оценке их воздействия на межрегиональное неравенство.

Информационную основу исследования составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации за 1994–2014 гг. Неравенство по России определялось на основе статистической информации по 83 субъектам (за исключением Республики Крым и города Севастополь) и 8 федеральным округам. Оценка межрегионального неравенства проводилась с помощью первого индекса Тейла, взятого по среднедушевому валовому региональному продукту. Влияние агломерационных процессов на пространственное неравенство определялось на основе корреляционного анализа.

Уровень межрегионального неравенства сильно варьируется по территории России [12]. При сравнительной оценке межрегионального неравенства внутри федеральных округов, измеренного с помощью индекса Тейла по среднедушевому ВРП, были определены три группы округов со сходными уровнем и динамикой неравенства (рис. 1). В первую группу вошли Уральский и Центральный федеральные округа с самым высоким уровнем неравенства, превышающим общероссийский. Кривые неравенства этих двух округов имеют одинаковую форму, после 2005 г. в них наблюдается незначительная конвергенция. В данном случае пространственное неравенство формируется за счет наиболее развитых Тюменской области и Москвы. Во вторую группу входит Дальневосточный федеральный округ – единственный макрорегион, который показывает усиливающуюся дивергенцию на всем исследуемом интервале. Третью группу образуют остальные пять округов с достаточно стабильным невысоким уровнем неравенства. Большая часть регионального пространства России имеет уровень межрегионального неравенства, сопоставимый с развитыми странами.

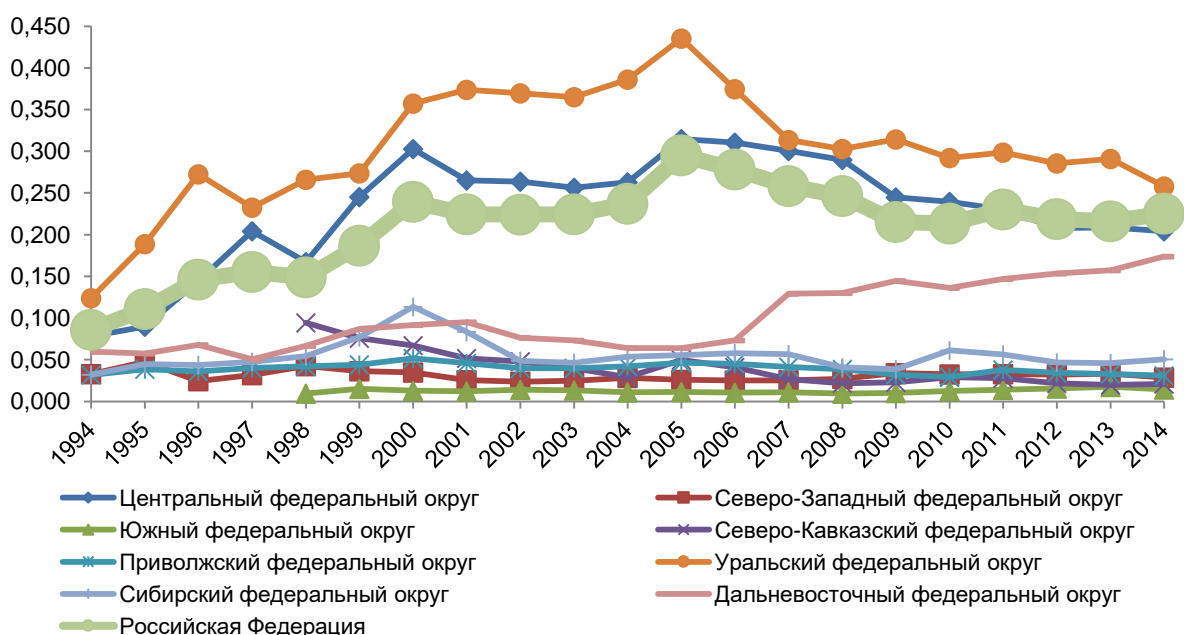

Рисунок 1 – Межрегиональное неравенство в РФ и федеральных округах за период 1994–2014 гг.

Дж. Уильямсон, изучая пространственное неравенство, выявил, что в начале развития межрегиональный диспаритет увеличивается по мере экономического роста, затем, при достижении определенного уровня национального дохода, начинает снижаться [13]. Анализируя график межрегионального неравенства России, можно прийти к выводу, что Россия находится в левой части перевернутой U-образной кривой межрегионального неравенства Уильямсона. Пока в России межрегиональное неравенство и индекс ВВП имеют однонаправленную динамику: неравенство увеличивается при быстром экономическом росте и сокращается при его снижении. Зависимость между первым индексом Тейла, характеризующим межрегиональное неравенство, и индексом ВВП высокая, коэффициент корреляции между ними равен 0,79 [14, с. 502].

С учетом результатов теоретических и эмпирических исследований при изучении агломерационных процессов отдельно были выделены факторы, характеризующие эффект урбанизации (Джейкобс-экстерналии) и эффект кластеризации (MAR-экстерналии и экстерналии Портера). Анализ проводился по данным 2014 г. по России в целом. Статистические данные брались по Тюменской области в целом с учетом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа, по Архангельской области – с учетом Ненецкого автономного округа. В качестве оценки неравенства по каждому региону использовалась составляющая индекса Тейла, отражающая вклад каждого региона в общее неравенство.

$$I_T = \sum_{i=1}^N \frac{y_i}{y} \ln \left(\frac{y_i/y}{p_i/p} \right) = \sum_{i=1}^N R_i,$$

$$R_i = \frac{y_i}{y} \ln \left(\frac{y_i/y}{p_i/p} \right),$$

где I_T – первый индекс Тейла; R_i – составляющая индекса Тейла по i -му региону; N – количество регионов; y_i – ВВП i -го региона; y – ВВП страны; p_i – численность населения i -го региона; p – численность населения страны.

Факторы эффекта урбанизации количественно представлены четырьмя показателями: доля городского населения в численности населения региона; плотность населения региона; рост (убыль) населения региона в период 2000–2014 гг.; наличие в регионе крупных городов с численностью населения свыше 500 тыс. чел. (дамми-переменная равна 1, если в регионе имеется крупный город, и 0, если такого города нет). Факторы эффекта кластеризации представлены восемью показателями, отражающими отраслевую специализацию региона, концентрацию торговли, капитала и инфраструктуры: объем добычи полезных ископаемых на душу населения; объем обрабатывающих производств на душу населения; объем продукции сельского хозяйства на душу населения; оборот розничной торговли на душу населения; объем экспорта на душу населения; объем импорта на душу населения; объем инвестиций в основной капитал на душу населения; интегральный показатель экономической инфраструктуры. Интегральный показатель экономической инфраструктуры был разработан и рассчитан Л.В. Дорофеевой [15], учитывает 20 показателей развития транспорта, связи и коммуникаций, торговли и инноваций в регионах.

Результаты корреляционного анализа по исследованию влияния рассматриваемых факторов на пространственное неравенство представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Влияние факторов агломерационного процесса на пространственное неравенство

Показатели	Коэффициент корреляции между показателем и оценкой неравенства
<i>Факторы Джейкобс-экстерналий</i>	
Доля городского населения в численности населения региона, %	0,30
Плотность населения региона, чел./км ²	0,71
Рост (убыль) населения региона в период 2000–2014 гг., тыс. чел.	0,81
Наличие в регионе крупных городов с численностью населения свыше 500 тыс. чел.	0,15 *
<i>Факторы MAR-экстерналий и экстерналий Портера</i>	
Объем добычи полезных ископаемых на душу населения, р.	0,29
Объем обрабатывающих производств на душу населения, р.	0,27
Объем продукции сельского хозяйства на душу населения, р.	-0,22
Оборот розничной торговли на душу населения, р.	0,58
Объем экспорта на душу населения, долл. США	0,51
Объем импорта на душу населения, долл. США	0,40
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, р.	0,41
Интегральный показатель экономической инфраструктуры (транспортной, связи и коммуникаций, торговли, инноваций)	0,51

* Коэффициент корреляции статистически незначим при 5 %-м уровне значимости.

Наибольшее влияние на межрегиональное неравенство оказывает эффект урбанизации, эффект кластеризации выражен умеренно. Среди факторов Джейкобс-экстерналий особенно значимы плотность и прирост населения региона. Высокие плотность и прирост населения способствуют углублению пространственного неравенства (коэффициенты корреляции между исследуемыми показателями – 0,81 и 0,71 соответственно). В России происходит переток трудоспособного населения из слаборазвитых регионов и периферийных территорий в крупные города, притяжение которых растет. Привлекательны для трудовых мигрантов Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Тюменская область, Краснодарский край. В республиках Северного Кавказа население растет в связи с высокой рождаемостью. На данном этапе эффект концентрации населения на локализованных территориях усиливает межрегиональный разрыв.

Положительная умеренная корреляция выявлена между показателями концентрации торговли, экономической инфраструктуры, инвестиций и межрегиональным диспаритетом. Кроме того, на пространственное неравенство влияет специализация экономики региона: специализация на добыче полезных ископаемых или обрабатывающих производствах способствует росту неравенства, а развитое сельское хозяйство, наоборот, его сдерживает (коэффициент корреляции между объемом сельскохозяйственного производства на душу населения и оценкой межрегионального неравенства является отрицательным). Так как, согласно выводам Е.А. Коломак [16], для России характерны интенсивные процессы пространственной концентрации экономической активности, то можно ожидать усиление пространственного неравенства.

В региональной политике России основные акценты сделаны на формировании полюсов роста, которые распространяют инвестиционную и инновационную активность в зоне своего влияния, и создании инфраструктуры. Данные направления региональной политики нашли свое отражение в ряде правительственных документов. Например, ускоренное развитие агломераций планируется в ближайшем будущем согласно «Основным направлениям деятельности Правительства РФ на период до 2018 года».

Проведенный анализ позволяет сказать, что в России будут продолжаться агломерационные процессы. Основные факторы, характеризующие агломерационные процессы, показали положительную корреляцию с уровнем пространственного диспаритета, поэтому территориальная концентрация экономической активности будет усиливать межрегиональные диспропорции. Однако межрегиональное неравенство и экономический рост в России имеют однонаправленную динамику. Это означает, что продолжающийся экономический спад может несколько скорректировать уровень пространственного неравенства в сторону уменьшения.

Ссылки и примечания:

1. Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-02-50130 «Пространственное межрегиональное социально-экономическое неравенство в России».
2. Маслихина В.Ю. Пространственная неоднородность экономического развития региональных систем в России // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 1 (17). С. 5–16.
3. Growth in Cities / E.L. Glaeser, H.D. Kallal, J.A. Scheinkman, A. Shleifer // The Journal of Political Economy. 1992. Vol. 100, no. 6. Centennial Issue. P. 1126–1152.
4. Jacobs J. The Economy of Cities. New York, 1969.
5. Porter M. The competitive advantage of nations. New York, 1990.
6. Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.
7. Растворцева С.Н., Терновский Д.С. Факторы концентрации экономической активности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 153–170.
8. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Агломерационные процессы в городах России // Управление городом: теория и практика. 2015. № 3. С. 40–46.
9. Буфетова А.Н. Социально-экономическое развитие городов России: основные тенденции и факторы // Мир экономики и управления. 2015. Т. 15, № 4. С. 124–138.
10. Анимица Е.Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // Ars Administrandi. 2013. № 1. С. 82–96.
11. Гринчель Б.М., Антонова А.А. Измерение динамики агломерационных процессов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 5 (23). С. 79–90.
12. Маслихина В.Ю. Межрегиональное неравенство в Центральном федеральном округе // Инновационные технологии управления и права. 2016. № 2 (15). С. 9–16.
13. Williamson J.G. Regional inequality and the process of national development: A description of patterns // Economic Development and Cultural Change. 1965. No. 13. P. 3–45.
14. Маслихина В.Ю. Пространственное неравенство регионов Юга России: анализ тенденций и факторов // Экология. Экономика. Информатика : сб. ст. : в 2 т. Т. 1: Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем. Вып. 1. Ростов н/Д., 2016. С. 499–509.
15. Дорофеева Л.В. Инфраструктурный потенциал как фактор конкурентоспособности регионов России : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2016. 196 с.
16. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.

УДК 338.3.01

Мушруб Владимир Александрович

кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры экономико-математических методов
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова

Соболев Виталий Николаевич

кандидат физико-математических наук,
младший научный сотрудник
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ОЦЕНКЕ БИЗНЕСА МЕТОДОМ ГОРДОНА

Аннотация:

Для определения рыночной или другого вида стоимости применяют специальные приемы и способы расчета, которые получили название методов оценки. Статья посвящена некоторым методологическим и методическим аспектам оценки стоимости компании методом дисконтирования денежного потока. Описываются различные подходы к определению ставки дисконтирования. Получены новые расчетные формулы стоимости компании.

Ключевые слова:

методы оценки, дисконтирование денежного потока, метод Гордона, стоимость компании, продленная стоимость компании, постпрогнозный период.

Mushrub Vladimir Aleksandrovich

PhD in Physical and Mathematical Sciences,
Assistant Professor, Mathematical Methods
in Economics Department,
Plekhanov Russian University of Economics

Sobolev Vitaliy Nikolayevich

PhD in Physical and Mathematical Sciences,
Junior Research Associate,
Lomonosov Moscow State University

METHODOLOGICAL NOTES TO BUSINESS VALUATION BY MEANS OF THE GORDON METHOD

Summary:

There are many special techniques and methods of calculation, which are used to determine the sale value of a company or other values of a company. These methods are called valuation methods. The article deals with some techniques and methodological aspects of valuing companies by means of the discounted cash flow valuation method. The authors describe different approaches to determining the discount rate. The new formulas for calculating the company value are presented in the article.

Keywords:

valuation methods, discounted cash flow, method of Gordon, company's value, extended company value, post-forecast period.

Стоимость бизнеса является многофакторной величиной, для которой невозможно в рамках одного подхода создать абсолютно точную математическую модель. В пределах доходного подхода рассмотрим метод дисконтирования денежных потоков (ДДП). Основой метода ДДП является величина свободного денежного потока предприятия. Цена собственного капитала фирмы в модели оценки капитальных активов (capital asset pricing model – CAPM) выражается соотношением [1]:

$$r = r_f + \beta (r_I - r_f) + r_{\text{стр.}} + r_{\text{масш.}} + r_{\text{инд.}}$$

Для различных целей предназначены разные модели оценки стоимости бизнеса. Модель оценки полной стоимости капитала (entity model) представляет собой метод вычисления современной стоимости потока реальных денег [2]. Элементы потока прогнозируются и моделируются [3], а в качестве ставки дисконтирования берется средневзвешенная цена капитала (weighted average cost of capital – WACC).

Серьезной проблемой при использовании метода ДДП является правильный выбор и обоснование ставки дисконта. Одним из возможных подходов к определению ставки дисконтирования служит метод аналогий (сравнений с аналогичными предприятиями). При купле-продаже бизнеса ставка дисконтирования равна наименьшей доходности альтернативных инвестиций в аналогичные проекты с тем же уровнем инвестиционного риска, которые может сделать инвестор с учетом его капитала. Почему наименьшей? В определенной отрасли бизнес будут продавать прежде всего менее эффективные собственники, норма внутренней доходности которых минимальна. А риски оцениваемого предприятия можно учесть в виде аддитивной поправки $r = r_{\text{min}} + r_{\text{риск}}$, увеличивающей ставку сравнения.

Выбрав ставку сравнения r , можно методом математического дисконтирования вычислить современную стоимость будущего потока, производимого бизнесом за прогнозный период:

$$V_{\text{прогн.}} = \sum_{t=0}^n \frac{CF_t}{(1+r)^t},$$

где CF_t – денежный поток в t -й период.

Для расчета продленной стоимости, то есть денежного потока оцениваемой компании в постпрогнозный период, часто используется модель Гордона. Эта модель основана на предположении, что поток реальных денег фирмы растет с постоянным темпом в постпрогнозный период [4; 5, с. 170, 471]. Термин «продленная стоимость» используется в монографии [6]. В проектном анализе возникают оптимизационные задачи, которые могут быть формализованы в виде задачи линейного программирования [7].

Согласно модели Гордона, продленная (остаточная) стоимость компании рассчитывается за постпрогнозный период по формуле:

$$V_{\text{ост.}} = \sum_{\tau=1}^{\infty} \frac{(1+g)^{\tau} \cdot CF_n}{(1+r)^{\tau}} = \frac{(1+g)CF_n}{1+r} \cdot \frac{1}{1 - \frac{1+g}{1+r}} = \frac{CF_n(1+g)}{r-g},$$

где $V_{\text{ост.}}$ – стоимость компании в начале постпрогнозного периода; g – темпы роста денежного потока; r – ставка дисконтирования; CF_n – денежный поток за последний отрезок прогнозного периода.

Современная на дату оценки (а не на конец прогнозного периода) величина продленной стоимости также получается дисконтированием:

$$PV_{\text{ост.}} = \frac{V_{\text{ост.}}}{(1+r)^n} \text{ или } PV_{\text{ост.}} = \frac{CF_n(1+g)}{(1+r)^n(r-g)},$$

где n – длительность периода времени от настоящего момента до конца прогнозного периода.

Одной из проблем применения метода Гордона является выбор вида дохода, который будет фигурировать как денежный поток последнего прогнозного периода. Величина этого денежного потока зависит от инвестиций и дивестиций, временного уменьшения или увеличения оборотного капитала, которые не будут повторяться в дальнейшем. Так, например, переход предприятия на торговлю со скидками по сроку оплаты может привести к уменьшению дебиторской задолженности и не повторяющемуся в дальнейшем увеличению притока от операционной деятельности компании [8]. Поэтому вместо величины $CF_n(1+g)$ в монографии [9] используют нормализованный уровень чистой прибыли за вычетом налогов в первый постпрогнозный период.

В общей сложности оцениваемая рыночная стоимость задается равенством:

$$V = \sum_{t=0}^n \frac{CF_t}{(1+r)^t} + \frac{CF_n(1+g)}{(1+r)^n(r-g)}. \quad (1)$$

Преобразуем данное выражение:

$$\begin{aligned} V &= \sum_{t=0}^n \frac{CF_t}{(1+r)^t} + \sum_{\tau=1}^{\infty} \frac{(1+g)^{\tau} \cdot CF_n}{(1+r)^{n+\tau}} = \sum_{t=0}^{n-1} \frac{CF_t}{(1+r)^t} + \\ &+ \sum_{\tau=0}^{\infty} \frac{(1+g)^{\tau} \cdot CF_n}{(1+r)^{n+\tau}} = \sum_{t=0}^{n-1} \frac{CF_t}{(1+r)^t} + \frac{CF_n}{(1+r)^n} \cdot \frac{1}{1 - \frac{1+g}{1+r}} = \\ &= \sum_{t=0}^{n-1} \frac{CF_t}{(1+r)^t} + \frac{CF_n}{(1+r)^{n-1} \cdot (r-g)}. \\ V &= \sum_{t=0}^{n-1} \frac{CF_t}{(1+r)^t} + \frac{CF_n}{(1+r)^{n-1} \cdot (1+\rho)}, \text{ где } \rho = r - g - 1. \end{aligned} \quad (2)$$

Последняя формула формализует модель Гордона как необычную модель дисконтированного денежного потока. Необычность заключается в отрицательной ставке дисконтирования последнего периода, которая отлична от ставки дисконтирования r всех предыдущих периодов и вычисляется по формуле $\rho = r - (g + 1)$.

Пусть $ROICI$ – ожидаемая рентабельность чистых новых инвестиций, $NOPLAT_n$ – нормализованный уровень чистой операционной прибыли за вычетом скорректированных налогов в последний прогнозный период и

$$\tilde{\rho} = \frac{r \cdot ROICI}{ROICI - g} - \left(\frac{g \cdot ROICI}{ROICI - g} + 1 \right).$$

Подставляя выражение $CF_n = NOPLAT_n \left(1 - \frac{g}{ROICI} \right)$, получаем иной вид модели (2):

$$V = \sum_{t=0}^{n-1} \frac{CF_t}{(1+r)^t} + \frac{NOPLAT_n}{(1+r)^{n-1} \cdot (1+\tilde{\rho})}. \quad (3)$$

Эта же формула может быть использована и при других ограничениях на предполагаемое состояние предприятия в постпрогнозный период. При этом расчет ставки дисконтирования ρ последнего периода изменится и, очевидно, будет определяться новыми исходными условиями модели. Следовательно, модель (2) является обобщением модели дисконтирования свободного денежного потока с оценкой продленной стоимости компании по модели Гордона. Из проведенного анализа ясно, что обобщение модели Гордона (2) полностью определяется выбором величины ρ . В связи с этим представляет интерес подбор конкретного вид ставки ρ для различных ситуаций, встречающихся на практике.

Ссылки:

1. Оценка бизнеса / под ред. А.Г. Грязновой, М.А. Федотовой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 736 с.
2. Аббясова Д.Р., Халиков М.А. Факторы стоимости и управление стоимостью инновационно ориентированной компании // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 405.
3. Лихачев Г.Г., Сухорукова И.В. Компьютерное моделирование и математическое обеспечение экономико-социальных задач // Экономический анализ: теория и практика. 2003. № 5. С. 60–62.
4. Ковалев В.В. Методы оценки инвестиционных проектов. М., 2004.
5. Филиппов Л.А. Оценка бизнеса. М., 2006. 720 с.
6. Коупленд Т., Коллер Т., Муррин Дж. Стоимость компаний. Оценка и управление. 3-е изд. М., 2008. 554 с.
7. Киселев А.В., Мушруб В.А. Некоторые аспекты теории линейного программирования// Международная торговля и торговая политика. 2013. № 9–10 (79). С. 159–175.
8. Мушруб В.А., Выборнов А.Н., Выборнова И.И. Критическая ставка кредита и девальвация рубля // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8-9. С. 231–235.
9. Коупленд Т., Коллер Т., Муррин Дж. Указ. соч.

УДК 330.15

Напольских Дмитрий Леонидович

кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления и права
Поволжского государственного
технологического университета

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ КЛАСТЕРИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ [1]

Аннотация:

В статье рассмотрены теоретические основания моделирования процессов кластеризации региональных экономических систем. Выделены три эшелона региональных промышленных кластеров, определяющих процессы развития мультикластерных образований на субфедеральном уровне. Приводятся основные экономические показатели, позволяющие проанализировать процессы кластеризации региональных экономических систем.

Ключевые слова:

кластеры, инновационный мультикластер, экономическое развитие региона, экономико-математическое моделирование, региональные экономические системы, модели кластерного развития, идентификация кластеров, коэффициент концентрации экономической активности.

Napolskikh Dmitry Leonidovich

PhD in Economics,
Assistant Professor,
Management and Law Department,
Volga State University of Technology

MODELING OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS' CLUSTERING [1]

Summary:

The article deals with the theoretical foundation of modeling the processes of regional economic systems' clustering. The author distinguishes three levels of regional industrial clusters determining the processes of multi-cluster entities development at the subnational level. The basic economic indicators helping to analyse the processes of clustering of regional economic systems are suggested.

Keywords:

clusters, innovative multi-clusters, regional economic development, mathematical economics modeling, regional economic system, cluster development model, identification of clusters, economic activity concentration index.

Введение. Современные задачи социально-экономического развития Российской Федерации актуализируют новые аспекты государственной политики по регулированию процессов формирования и развития кластерных образований [2]. Среди новых институциональных форм модернизации региональных экономических систем ключевую роль играет формирование инновационных мультикластеров – сложных производственных систем, объединяющих смежные виды экономической деятельности. Научно-техническое ядро инновационных кластеров в современных экономических условиях выполняет роль фактора ускорения трансформации индустриальных производственных систем предыдущих технологических укладов в зоны постиндустриальной экономики.

Автором проведена дифференциация приоритетов развития многоукладных экономических систем регионов России, которая позволяет выявить векторы трансформации современной несистемной организации региональных промышленных кластеров в мультикластерные образования как основной сегмент развития постиндустриальной экономики. Поэтапная интеграция в мультикластер трех эшелонов промышленных кластеров формирует новую закономерность развития производственных отношений на региональном уровне. В качестве трех основных эшелонов региональных промышленных кластеров, формирующих процессы развития мультикластерных образований на субфедеральном уровне, выделяются:

- 1) инновационные кластеры, развивающие прорывные технологии следующего технологического уклада и формирующие «ядро» инновационного мультикластера;
- 2) кластеры инновационных технологий и средств производства, иницирующие мультипликативные эффекты;
- 3) кластеры высокотехнологичной продукции, массово тиражирующие инновационные технологии.

Разработка и обоснование комплексной экономико-математической модели кластеризации экономики региона предусматривают выявление объективных предпосылок формирования инновационных мультикластеров на субфедеральном уровне. Важной практической задачей является формирование комплекса экономических показателей, применимых в работе органов государственной власти и местного самоуправления с целью идентификации региональных промышленных кластеров и их дифференциации от территориально-производственных комплексов. В связи с этим **целью** работы является систематизация и уточнение комплекса экономических показателей, формирующих методический инструментарий моделирования процессов кластери-

зации региональных экономических систем. Достижение цели исследования потребовало постановки следующих **задач** исследования: сформировать комплекс показателей, позволяющих сделать выводы об отраслевой специализации экономической системы региона; оценить возможности применения выделенных показателей для задач моделирования процессов кластеризации региональных экономических систем; адаптировать показатели концентрации экономической активности для задач дифференциации кластерных образований в экономике региона.

Интерпретация результатов исследования. В качестве критериев специализации экономической системы региона на определенных видах экономической деятельности предлагается использование следующих показателей:

1. Коэффициент локализации производства (K_L) для определенного вида экономической деятельности на территории региона, представляющий собой отношение удельного веса вида экономической деятельности в структуре экономики региона к удельному весу вида экономической деятельности в рамках национальной экономической системы. Коэффициент локализации (K_L) рассчитывается по формуле:

$$K_L = \frac{S_R \div Q_R}{S_N \div Q_N},$$

где S_R – валовое производство в рамках вида экономической деятельности в регионе;
 Q_R – объем валового производства в регионе;
 S_N – валовое производство в рамках вида деятельности в стране;
 Q_N – объем валового производства в стране.

Дополнительно данный показатель, помимо валовой продукции, может рассчитываться по объему товарной продукции, стоимости основных производственных фондов и среднесписочной численности производственного персонала [3].

2. Коэффициент душевого производства (per capita) (K_H) для определенного вида экономической деятельности, представляющий собой отношение удельного веса объемов производства на территории региона в рамках страны в целом к удельному весу населения региона в населении страны. Коэффициент душевого производства (K_H) рассчитывается по формуле:

$$K_H = \frac{S_R \div S_N}{P_R \div P_N},$$

где S_R – валовое производство в рамках вида экономической деятельности в регионе;
 P_R – численность населения в регионе;
 S_N – валовое производство в рамках вида деятельности в стране;
 P_N – численность населения в стране.

Необходимо отметить, что данный коэффициент в рамках решения задачи построения модели кластеризации экономики региона не дублирует показатель производства того или иного вида продукции на душу населения в регионе, а дополняет коэффициент локализации за счет сопоставления «значимости» региона в рамках определенного вида экономической деятельности с его местом в социально-экономической структуре страны в целом. Данное сопоставление основывается на численности населения в регионе как его важнейшей экономической характеристике. Вместе с тем при расчетах может применяться как общая численность населения в регионе, так и численность только экономически активного населения [4].

3. Коэффициент вывоза продукции (K_{ex}) для определенного вида экономической деятельности, представляющий собой отношение объема вывозимой из региона продукции к общему объему ее выпуска в регионе. Коэффициент вывоза продукции (K_{ex}) рассчитывается по формуле:

$$K_{ex} = \frac{S_{ex}}{S_R},$$

где S_{ex} – вывоз произведенной на территории региона продукции;
 S_R – валовое производство продукции в рамках вида экономической деятельности в регионе.
 Следует подчеркнуть, что рассматриваемый коэффициент вывоза продукции не тождественен распространенному в российской экономической литературе коэффициенту межрайонной товарности, так как учитывается совокупный вывоз продукции, в том числе и за рубеж, а не только в соседние регионы.

Существенным методологическим недостатком приведенных выше коэффициентов является невозможность их использования для идентификации региональных промышленных кластеров и их дифференциации от территориально-производственных комплексов, квазикластеров и т. д. [5]. Несмотря на применимость рассмотренных коэффициентов для определения экономического потенциала отдельных отраслевых сегментов мультикластеров, они недостаточны для получения выводов о динамике процессов формирования и развития мультикластерных образований. Учитывая, что в отличие от территориально-производственных комплексов кластеры характеризуются как локализацией производства, так и его организационной деконцентрацией, была выдвинута гипотеза о допустимости применения коэффициента концентрации экономической активности, традиционно используемого для оценки степени монополизации производства

в рамках определенной отрасли. Коэффициент концентрации экономической активности (*concentration ratio* – *CR*) рассчитывается как сумма долей рынка трех (для ряда отраслей четырех) наиболее крупных экономических агентов территории по следующей формуле:

$$CR_{3i} = \sum_{j=1}^3 S_{ij},$$

где CR_{3i} – индекс концентрации на территории экономической активности в рамках определенного вида деятельности;

S_{ij} – доля занятых в *i*-м секторе экономики в *j*-м экономическом агенте территории, одном из трех, имеющих наибольшие доли рынка.

Таким образом, на основании значений коэффициента концентрации автором выделяются три типа территориальных экономических систем:

I тип – территориальные экономические системы с высокой концентрацией производства ($70\% < CR < 100\%$). Значение *CR* в данном диапазоне ставит приоритетную задачу идентификации территориально-производственных комплексов, обладающих потенциалом как отраслевые сегменты мультикластера (третий эшелон кластеров).

II тип – территориальные экономические системы с умеренной концентрацией производства ($50\% < CR < 70\%$). Значение *CR* в данном диапазоне ставит приоритетную задачу идентификации региональных промышленных кластеров (второй эшелон кластеров), обладающих четко выраженным «ядром».

III тип – территориальные экономические системы с высокой концентрацией производства ($25\% < CR < 50\%$). Значение *CR* в данном диапазоне ставит приоритетную задачу идентификации инновационного кластера рассредоточенного типа (к данному типу инновационных кластеров относятся инновационные промышленные зоны и территориальные инновационные сети).

Практическая значимость выделения указанных выше типов территориальных экономических систем заключается в возможности оптимизации государственной политики по поддержке кластерных инициатив исходя из экономического профиля территории.

Заключение. В рамках проведенного исследования осуществлена систематизация комплекса экономических показателей, формирующих методический инструментарий моделирования процессов кластеризации региональных экономических систем. Уточнены коэффициенты душевого производства и вывоза продукции с точки зрения теории кластера. Обоснована необходимость дополнения рассмотренных показателей коэффициентом концентрации экономической активности для выводов о динамике формирования и развития структуры мультикластерных образований.

Основным научным результатом проведенного исследования является предложенный автором подход для дифференциации трех типов территориальных экономических систем, обладающих различным потенциалом и вектором развития процессов кластеризации экономики, на основании значений коэффициента концентрации экономической активности. Данный подход основывается на том, что в отличие от территориально-производственных комплексов кластеры характеризуются как локализацией производства, так и его организационной концентрацией. Следовательно, доля крупнейших предприятий в определенном секторе экономики позволяет сделать вывод о том, какую нишу в рамках территориальной агломерации занимают предприятия, владеющие малыми долями рынка.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-36-00126 мол_а «Разработка математических методов оценки эффективности формирования инновационных мультикластеров на субфедеральном уровне».
2. Ахенбах Ю.А. Моделирование механизма взаимодействия субъектов региональной экономики на основе концепции формирования и развития научно-производственных кластеров // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2012. № 11 (62). С. 17–23 ; Solvell O., Ketels C., Lindqvist G. Industrial specialization and regional clusters in the ten new EU member states // Competitiveness Review: an International Business Journal. 2008. Vol. 18. P. 104–130.
3. Колесникова Ю.Ф. Уточненная классификация экономических кластеров «особых экономических зон» // Глобальный научный потенциал. 2014. № 7 (40). С. 68–70.
4. Коновалова К.Ю., Данченко Н.В. Генерирование условий и источников экономического оживления и подъема региональной социально-экономической политики // Бизнес в законе. 2014. № 3. С. 18–21.
5. Ларионова Н.И., Загайнова Н.Л. Концептуальные основы структурной диверсификации экономики // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 17–29.

УДК 349.2:331.46

Сапфинова Аполлинария Александровна

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой земельного,
трудового и экологического права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Sapfirova Apollinaria Aleksandrovna

LLD, Professor,
Head of Land, Labour
and Environmental Law Department,
Kuban State University of Agriculture

Масленникова Людмила Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного частного
и предпринимательского права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna

PhD in Law,
Assistant Professor, International,
Private and Business Law Department,
Kuban State University of Agriculture

ВИКТИМНОСТЬ ПОСТРАДАВШЕГО ПРИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЯХ НА ПРОИЗВОДСТВЕ: УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НЕСУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ [1]

VICTIMHOOD OF A PERSON INJURED IN WORK-RELATED ACCIDENTS: TERMS OF RESPONSIBILITY, NON-JUDICIAL PROTECTION OF LABOUR RIGHTS [1]

Аннотация:

В статье исследуются малоизученные в трудовом праве проблемы виктимности пострадавшего и их влияние на ответственность работодателя. Авторы предлагают разграничить степень ответственности должностных лиц работодателя при наступлении несчастного случая на производстве, ввести обязательное юридическое образование для членов комиссии по расследованию несчастных случаев на производстве и конкретизировать в ТК РФ обязанность членов комиссии в несудебном порядке устанавливать лицо, действительно виновное в наступлении несчастного случая на производстве (которым в том числе может быть пострадавший в результате своих виктимных действий), которое, возможно, в судебном порядке будет нести уголовную ответственность за наступление несчастного случая на производстве.

Ключевые слова:

несчастный случай на производстве, несудебная защита трудовых прав, комиссия по расследованию несчастных случаев на производстве, виктимность поведения пострадавшего работника.

Summary:

The article deals with insufficiently explored in the labour law problems of victimhood of an injured person and their influence on employer's responsibility. The authors suggest to differentiate degrees of responsibility of employer' officials in case of work-related accidents, to introduce compulsory legal training for members of the committee on investigation of workplace accidents, and to specify in the Labor Code of the Russian Federation the committee members' duty to identify non-judicially a person who actually caused the accident (including the injured person as a result of their victimized actions) and who may possibly be judicially a subject to criminal sanctions for causing the workplace accident.

Keywords:

work-related accident, non-judicial protection of labour rights, committee on investigation of workplace accidents, victim behavior of injured employee.

В период активного роста экономики Российской Федерации особенно актуальными являются вопросы расследования причин несчастных случаев на производстве. Российское законодательство, создавая новые механизмы для защиты прав пострадавших (потерпевших) на производстве, не в полной мере и нечетко регулирует многие виды правоотношений, касающиеся вопросов виктимности поведения пострадавших [2], их виновности и виновности иных лиц, которые реализуют свои профессиональные знания и навыки в строительстве и являются ответственными за результаты правильной организации трудового процесса, за охрану труда. Подобные проблемы по-прежнему остаются нерешенными. Речь в данном случае идет о тех лицах, которые могут быть признаны виновными в ненадлежащем выполнении своих профессиональных обязанностей, что приводит к их привлечению к уголовной ответственности.

В научных исследованиях часто поднимаются вопросы виктимности поведения пострадавших. Так, Л.В. Франк предлагает следующую трактовку виктимности: это предрасположенность, способность при определенных обстоятельствах быть жертвой преступления. Это своего рода тяга быть пострадавшим, невозможность избежать опасности, когда она может быть предотвращена [3]. В данном случае можно сделать существенный вывод о том, что справедливость и

объективность при расследовании несчастных случаев на производстве может иметь место тогда, когда поведение и действия пострадавшего будут самостоятельным предметом исследования.

В.И. Полубинский справедливо считает, что степень виктимности четче проявляется, если рассматривать жертву преступления в связи с ее поведением, внутренними и внешними факторами, влияющими на ее виктимность. Потерпевшие становятся жертвами преступных посягательств не потому, что являются просто индивидами, а в силу своего особого должностного, служебного или общественного положения и общественно полезного поведения [4]. Полагаем, что к этому перечню можно отнести противоправные, неумышленные и неосторожные действия пострадавших на производстве.

В юридической науке и в практической деятельности ученые, исследующие причины допущенных правонарушений и совершенных преступлений, убеждались в необходимости более тщательного изучения личности потерпевшего и его роли в причинении вреда [5]. Вред мог начинаться собственному здоровью потерпевшего и даже его жизни, поэтому многие исследователи положений законодательства также осознавали необходимость научного анализа виктимных качеств пострадавшего (потерпевшего) и их влияние на результаты как собственных действий, так и действий иных лиц, которые, как правило, привлекаются в последующем к различным видам юридической ответственности.

К сожалению, виктимность поведения пострадавших от несчастных случаев на производстве не отражается в ТК РФ. Нормы ТК РФ не регламентируют действий (бездействия) пострадавшего, если его виновное поведение привело к наступлению несчастного случая. Считается, что работодатель виноват во всех несчастных случаях независимо от вины пострадавшего. Разница лишь в степени этой вины. Насколько такая позиция законодателя является оправданной?

ТК РФ наделяет непосредственно комиссию по расследованию несчастных случаев на производстве достаточно широким объемом прав, в том числе на совершение конкретных действий, к которым относятся:

- выявление лиц, допустивших нарушения требований охраны труда, и опрос очевидцев несчастного случая на производстве;
- непосредственный сбор материалов о произошедшем несчастном случае, то есть расследование несчастного случая на производстве;
- установление обстоятельств и причин несчастного случая на производстве;
- отнесение (не отнесение) произошедшего несчастного случая на производстве к страховым случаям.

В результате исследования указанных выше положений ТК РФ, а также Федерального закона от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (в действующей редакции) [6] представляется важным обозначить выводы и внести следующие предложения, предварительно оговорив, что содержание наших предложений охватывает только несудебную защиту трудовых прав работников и работодателей при расследовании несчастных случаев на производстве.

1. Неправильное, юридически непрофессиональное заключение комиссии о причинах несчастного случая на производстве может привести (и на практике приводит) к тому, что несчастный случай, происшедший при совершении пострадавшим виктимных действий (бездействия), квалифицируется как уголовно наказуемое деяние, ответственность за которое несут не *те* лица, виктимность действий которых способствует совершению преступления, а *те* лица, которые подпадают под действие ст. 143 УК РФ, и они (лица) могут не совпадать. К сожалению, пострадавший, действовавший виктимно, никакой ответственности не несет. Такая позиция законодателя не представляется обоснованной, ответственность должно нести виновное лицо, независимо от того, является ли оно пострадавшим. Главным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ должна признаваться виновность лица. Степень его вины влияет на тяжесть наказания. И если это лицо действовало (или, наоборот, бездействовало) виктимно, оно также должно отвечать за свои действия (бездействие). В противном случае нарушаются принципы справедливости и неотвратимости ответственности.

Таким образом, одним из условий привлечения к ответственности при несчастном случае на производстве должна признаваться вина не только полномочного должностного лица, отвечающего за безопасность условий труда на производстве, но и самого пострадавшего (при ее наличии), в том числе и при виктимном поведении потерпевшего.

2. Игнорирование законодателем обязательности наличия специального образования членов комиссии по расследованию несчастных случаев на производстве нередко приводит к привлечению к уголовной ответственности невиновных лиц, неправильной квалификации состава преступления или незаконному игнорированию членами комиссии по расследованию несчастных случаев виновных действий самих пострадавших (лиц, признанных потерпевшими),

то есть к отсутствию учета их виктимного поведения. Представляется важным предусмотреть обязательность наличия юридической профессиональной подготовки у таких лиц (обучения, квалификации, юридических и практических знаний в различных отраслях экономики).

Так, в соответствии со ст. 230 ТК РФ, в акте о несчастном случае на производстве, который является результатом работы комиссии, должны быть подробно изложены обстоятельства и причины несчастного случая, а также указаны лица, допустившие нарушения требований охраны труда, и только в случае установления факта грубой неосторожности застрахованного, содействовавшей возникновению или увеличению вреда, причиненного его здоровью, в акте указывается степень вины застрахованного в процентах, установленная по результатам расследования несчастного случая на производстве. Представляется, что лица, не имеющие юридического образования, не всегда могут установить наличие факта грубой неосторожности пострадавшего, могут не понимать, что допускают несоблюдение требований законодательства РФ, часто не отражают в акте степень вины пострадавшего. В отношении виктимности действий (поведения) пострадавшего исследование может не проводиться вообще. В результате комиссией практически не привлекаются к работе эксперты [7].

В последующем, в случае возбуждения уголовных дел в отношении лиц, ответственных за охрану труда в строительных организациях, следователи и суды, не учитывая ошибочные выводы комиссии, отказывают в удовлетворении ходатайств адвокатов о назначении соответствующих экспертиз, определяющих наличие виктимных действий пострадавшего (потерпевшего – при расследовании уголовного дела).

3. Отсутствие в нормах ТК РФ императивного требования об ответственности членов комиссии, допустивших халатное отношение к своим обязанностям по расследованию несчастных случаев на производстве, приводит к поиску лица, которое *должно быть* привлечено к ответственности за происшедший несчастный случай на производстве, а не лица, действительно виновного в происшедшем несчастном случае на производстве. На практике уже давно сложилось так, что образованная в соответствии с нормами трудового законодательства комиссия по расследованию несчастных случаев на производстве *в редчайших случаях* расследует виктимность поведения пострадавших.

Может быть, в целях сбалансирования интересов пострадавшего работника, работодателя и государства настало время пересмотреть подходы к деятельности таких комиссий? Для этого важно сместить акценты в деятельности комиссий по расследованию несчастных случаев на производстве: с установления **лица, которое должно быть привлечено к ответственности** за происшедший несчастный случай на производстве, на установление **лица, виновного в наступлении несчастного случая** на производстве.

Так, в случае причинения вреда здоровью работника или его гибели необходимо установить, во-первых, лицо, которое является ответственным за соблюдение правил охраны труда, во-вторых, лицо, которое может быть привлечено к уголовной ответственности, и, в-третьих, должностное лицо, с которого может быть полностью снята ответственность за причинение вреда здоровью работника или гибель, если будет установлено, что пострадавший работник действовал виктимно.

Тем не менее на практике происходит полное игнорирование доказательств, подтверждающих вину потерпевшего. Например, 04.03.2013 г. Тракторозаводским районным судом города Волгограда (дело № 2-719/2013) было принято решение о взыскании с общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) в пользу работника компенсации морального вреда в размере 1 000 000 р., убытков в сумме 8 854 р. 42 к., судебных расходов в размере 15 900 р., всего – 1 024 754 (один миллион двадцать четыре тысячи семьсот пятьдесят четыре) р. 42 к. При этом не учтены осуществленные в пользу работника выплаты ООО, произведенные для восстановления его здоровья, в сумме около 500 000 р. и данные экспертизы о наличии вины работника в причинении вреда своему здоровью и отсутствии вины лица, ответственного за безопасность труда в этой организации.

Таким образом, виктимность пострадавшего и ее влияние на ответственность работодателя являются малоисследованными явлениями в трудовом праве. С одной стороны, нормы ТК РФ в части возложения на работодателя ответственности за несчастные случаи на производстве являются гарантией трудовых прав работников, пострадавших в результате этих несчастных случаев. Защита трудовых прав потерпевшего при наступлении несчастных случаев на производстве осуществляется в полном объеме. С другой стороны, невозможно обвинять должностных лиц работодателя в наступлении всех несчастных случаев на производстве, если сам пострадавший работник поступает виктимно. Это значит, что в ТК РФ следует разграничить степень ответственности работодателя при наступлении несчастного случая на производстве, ввести обязательное юридическое образование для членов комиссии по расследованию несчастных случаев

на производстве и закрепить в ТК РФ обязанность членов комиссии в несудебном порядке устанавливать лицо, *действительно* виновное в наступлении несчастного случая на производстве (которым может быть в том числе и пострадавший в результате своих виктимных действий), которое, возможно, в судебном порядке будет нести уголовную ответственность за наступление несчастного случая на производстве.

Ссылки и примечания:

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00037.
2. Виктимность – это состояние, факт или свойство быть жертвой. См.: Mendelsohn B. The origin of the doctrine of victimology // *Excerpta Criminologica*. 1963. No. 3. P. 239–244 ; Turvey B.E. Victimity: Entering the criminal justice system // *Forensic victimology: Examining violent crime victims in investigative and legal contexts* / ed. by B.E. Turvey, W. Petherick. Amsterdam, 2014. P. 33–71.
3. Франк Л.В.: 1) Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972. С. 22 ; 2) Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 77.
4. Полубинский В.И. Криминальная виктимология. Что это такое? М., 1977. С. 13.
5. Гаптелганиев Р. Криминальная виктимология: понятие, виды и степень виктимности // *Мировой судья*. 2009. № 7.
6. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : федер. закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ // *СЗ РФ*. 1998. № 31. Ст. 3803.
7. Масленникова Л.В. Виктимность действий пострадавшего в процессе осуществления строительно-монтажных работ как критерий определения вида юридической ответственности лиц при расследовании несчастных случаев на производстве // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2013. № 87. С. 780–785.

УДК 349.2

Сапфинова Аполлиния Александровна

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой земельного,
трудового и экологического права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Петрушкина Анна Васильевна

старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала Российского
государственного университета правосудия

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ, РЕАЛИЗУЮЩИХ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАРУШЕНИЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ [1]

Аннотация:

В статье исследуется деятельность таких субъектов предупреждения нарушений трудовых прав работников, как федеральная инспекция труда, органы прокуратуры, профсоюзы, работодатели и работники. Сделан вывод о том, что предупреждение нарушений трудовых прав прежде всего зависит от работника и работодателя. Профилактика нарушений трудовых прав работников, осуществляемая органами государства или общественными организациями, – это последующие меры предупреждения, никак не заменяющие действий работника и работодателя.

Ключевые слова:

субъекты предупреждения нарушений, федеральная инспекция труда, органы прокуратуры, профсоюзы, работник, работодатель, трудовые права работников.

Sapfirova Apollinaria Aleksandrovna

LLD, Professor,
Head of Land, Labour
and Environmental Law Department,
Kuban State University of Agriculture

Petrushkina Anna Vasilievna

Senior Lecturer,
State and Legal Subjects Department,
North Caucasian branch of
Russian University of Justice

CONCERNING ORGANIZATIONS ENGAGED IN PREVENTION OF VIOLATIONS OF EMPLOYEES' LABOUR RIGHTS [1]

Summary:

The article deals with the activities of such entities preventing violations of employees' labour rights as the Federal Labour Inspectorate, Public Prosecutor's Office, trade unions, employers and employees. It is concluded that the prevention of labour rights violations depends, first of all, on an employee and an employer. Prevention of labour rights violations implemented by state or non-governmental organizations is the subsequent preventive measures, not substituting actions of the employee and the employer.

Keywords:

organizations preventing violations, Federal Labour Inspectorate, Public Prosecutor's Office, trade unions, employer, employee, labour rights of employees.

Предупреждение нарушений трудовых прав и защита нарушенных трудовых прав – взаимосвязанные способы, эффективность применения которых зависит от деятельности соответствующих субъектов, права и обязанности которых направлены на реализацию этих способов. Причем предупреждение нарушений трудовых прав во временном промежутке является первичным способом, в то время как защита трудовых прав всегда должна осуществляться после предупреждения. Если же применять меры предупреждения после нарушений трудовых прав и их восстановления, то избежать этих нарушений в последующем будет невозможно. Профилактика должна предшествовать защите, в противном случае так и будет сохраняться значительное количество обращений работников в надзорные органы за защитой. Подчеркнем, что если меры предупреждения будут действенными, то необходимость в защите трудовых прав отпадет.

Наука трудового права, как правило, рассматривает предупреждение нарушений трудовых прав как их охрану, но одновременно не употребляет словосочетание «охрана трудовых прав» отдельно от «защиты трудовых прав», поскольку охрана трудовых прав в чистом виде воплощается в нормах института охраны труда. Исходя из этого, позволим себе предположить схожесть субъектов профилактики нарушений трудовых прав и их защиты и выделим такие субъекты предупреждения нарушений трудовых прав, как федеральная инспекция труда, профсоюзы, работодатели и сами работники.

Сразу отметим, что комиссия по трудовым спорам и суд являются субъектами защиты трудовых прав как работников, так и работодателей. О них можно говорить как о субъектах профилактики нарушений трудовых прав в том контексте, что они своими решениями способствуют предупреждению в дальнейшем нарушений в сфере труда, в том числе и при привлечении рабо-

тодателя в судебном порядке к административной ответственности (ст. 3.1, 5.27 КоАП РФ). Однако вопросы производства по делам об административных правонарушениях выходят за рамки настоящей статьи и их необходимо рассматривать в отдельном исследовании.

Деятельность первого субъекта – федеральной инспекции труда как наиболее значимого и эффективного органа в системе субъектов профилактики нарушений трудовых прав – трудно переоценить. К сожалению, отдельной нормы, содержащей меры по предупреждению нарушений трудовых прав работников, осуществляемые федеральной инспекцией труда, Трудовой кодекс РФ не содержит. Однако на наличие в компетенции данного органа мер по предупреждению нарушений трудовых прав указывает содержание ст. 355–357 ТК РФ.

Эффективная реализация полномочий государственных инспекторов труда по профилактике нарушений в сфере труда состоит в том, чтобы информировать работодателей и работников о наиболее действенных мерах соблюдения трудового законодательства посредством не только размещения материалов в помещениях государственных инспекций труда в субъектах РФ или в многофункциональных центрах, но и вывешивания информации в помещениях работодателей на стендах, организации встреч с работниками, представления интервью в газетах или на телевидении и т. д. Думается, что следует достаточно четко в ст. 356 ТК РФ обозначить отдельным полномочием федеральной инспекции труда предупреждение нарушений трудовых прав работников, охватывая все необходимые меры для его реализации, а в отчетах о деятельности федеральной инспекции труда отдельной таблицей показать цифры осуществляемых федеральной инспекцией труда профилактических мер.

Вторым, не менее значимым субъектом предупреждения нарушений трудовых прав обозначим органы прокуратуры. В федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» среди функций прокуроров обозначено принятие ими мер по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба (ст. 27). Кроме того, если у прокурора или его заместителя появятся сведения о готовящихся противоправных деяниях, в том числе нарушениях трудовых прав работников, например при их увольнении, то он (прокурор) направляет письменное предостережение о недопустимости нарушения закона. Это производится с тем, чтобы предупредить правонарушения в сфере труда (ст. 25.1) [2]. В противном случае работодатель будет привлечен к ответственности: прокурор вынесет постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, а государственный инспектор труда – постановление о привлечении к административной ответственности (постановление о назначении административного наказания).

Третьим субъектом предупреждения нарушений трудовых прав работников можно назвать профсоюз. В частности, профсоюзу предоставлено право предъявлять работодателям требования о приостановке работ в случаях непосредственной угрозы жизни и здоровью работников (ст. 370 ТК РФ). Стало быть, для предотвращения угрозы жизни и здоровью работников можно использовать приостановку работ в качестве меры предупреждения нарушений трудовых прав как членов профсоюза, так и лиц, уполномоченных профсоюзом на защиту своих трудовых прав.

Считаем, что участие профсоюзов в разработке и (или) обсуждении проектов законодательных и иных нормативных правовых актов, программ социально-экономического развития, иных актов в сфере труда на основании ст. 35.1 ТК РФ также является мерой предупреждения нарушений трудовых прав, поскольку с помощью опыта профсоюзов можно предотвратить случаи несоблюдения трудового законодательства работодателем.

Думается, что мониторинг профсоюзами действующего законодательства и внесение ими предложений по устранению потенциальных нарушений трудовых прав работников, которые заложены в актах, также возможно признать отдельной мерой предупреждения нарушений трудовых прав.

Так, Центральным комитетом Профсоюза работников народного образования и науки РФ 14.05.2008 г. было опубликовано письмо, в котором содержалось предупреждение о нарушении трудовых прав научно-педагогических работников [3]. В этом письме профсоюз обращал внимание на несоответствие действующему законодательству письма Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 23.04.2008 г. № 2273-Пр, разъясняющего порядок индексации фиксированных выплат за ученую степень и ученое звание научно-педагогических работников бюджетной сферы. Согласно официальным разъяснениям государственного органа, увеличение оплаты труда бюджетных учреждений, в которых не были введены новые системы оплаты труда, не охватывало доплаты и надбавки за должности доцента и профессора и за ученые степени кандидата наук и доктора наук без взаимосвязи с изменением федерального бюджета [4]. Это значит, что пока в бюджете не будет предусмотрена статья расходов на эти цели, то и финансирования доплат и надбавок тоже не будет. Профсоюзы обоснованно считали, что это разъяснение противоречит действующему законодательству (ст. 129, 134, 135 ТК РФ), и обратили внимание государственного органа на то, что речь идет о включении этих доплат

и надбавок в состав заработной платы, из которой исчислялась стимулирующая надбавка к заработной плате работника. Полагая необоснованным ограничением трудовых прав невключение доплат и надбавок в состав заработной платы работника, что, несомненно, является прямым нарушением ст. 129 ТК РФ, профсоюз потребовал принятия необходимых мер прокурорского реагирования, что и было сделано, поскольку заработная плата научно-педагогических работников в настоящее время исчисляется с учетом действующего законодательства. Кроме того, профсоюз подчеркнул, что ограничение прав, в том числе и трудовых прав работников, возможно исключительно федеральным законом в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Вопрос о том, почему ограничение прав допускается только федеральным законом, не ставился в литературе. Так, В.В. Лапаева считает, что если основные права закреплены в Конституции РФ, то их ограничение также должно быть задано самой Конституцией РФ [5]. Соответственно, если «неосновные» трудовые права нашли свое отражение в нормах ТК РФ, то и ограничению они подлежат только в ТК РФ.

Е.А. Лукашева справедливо указывает на два условия применения ограничений, а именно: права могут быть ограничены только федеральным законом и в той мере, в какой это необходимо [6]. Однако, как следует из дальнейших рассуждений Е.А. Лукашевой, оба условия достаточно сомнительны. Соглашаясь с Е.А. Лукашевой, М.В. Баглай также отмечает небесспорность этих условий [7].

Поддерживая позицию о правомерности ограничения прав актом аналогичной юридической силы, подчеркнем ее соответствие единству и иерархии нормативных правовых актов. И если права закреплены Конституцией РФ, федеральным конституционным законом РФ, федеральным законом, то и ограничение прав должно быть установлено соответственно Конституцией РФ, федеральным конституционным законом РФ или федеральным законом.

Однако вернемся к субъектам предупреждения нарушений трудовых прав работников. В качестве таких субъектов дополнительно можно выделить непосредственно работодателя и работника, между которыми возникло разногласие. Они сами могут предупредить нарушение прав в сфере труда, если, проведя переговоры, договорятся о дальнейших своих действиях. Норм, прямо закрепляющих необходимость ведения таких переговоров для предотвращения любых нарушений трудовых прав, Трудовой кодекс РФ не устанавливает, но он также не содержит и запрета. В рекомендации Международной организации труда № 130 [8], ст. 235, 381, 385 ТК РФ обозначается необходимость ведения переговоров в целях предотвращения возникновения трудового спора, а значит, и возможного нарушения трудовых прав работников. Думается, что если у сторон есть шанс, не прибегая к нарушению трудовых прав, соблюдать Трудовой кодекс РФ, то можно использовать переговоры как способ превенции нарушений трудовых прав работников.

Одновременно обратим внимание на то, что Трудовой кодекс РФ содержит массу норм, направленных на профилактику самими сторонами трудовых отношений нарушений их трудовых прав. В частности, институт охраны труда содержит нормы, способствующие предупреждению нарушений в сфере труда. Так, в соответствии со ст. 213 ТК РФ, для определенных категорий работников, например занятых на работах с вредными условиями труда, на работах, связанных с движением транспорта, предусматриваются медицинские осмотры. На основании ст. 221 ТК РФ работодатель должен выдать работникам спецодежду, специальную обувь и другие средства индивидуальной защиты, а также обеспечить их хранение, стирку, сушку, ремонт и замену, что, несомненно, способствует профилактике нарушений трудовых прав работников в области охраны труда.

Эти и другие профилактические меры, которые должны приниматься самим работодателем, позволяют предупреждать нарушения трудовых прав работников. Вместе с тем и работнику, в свою очередь, также необходимо правильно применять средства индивидуальной и коллективной защиты, проходить инструктаж по технике безопасности, обязательные предварительные (при поступлении на работу) и периодические (в течение трудовой деятельности) медицинские осмотры и т. д. (ст. 214 ТК РФ).

Анализируя деятельность всех перечисленных выше субъектов профилактики нарушений трудовых прав, можно сделать определенные выводы.

Во-первых, важна скоординированная деятельность всех означенных субъектов. Без слаженной системы применения превентивных мер трудно предотвратить нарушение трудовых прав.

Во-вторых, предупреждение нарушений трудовых прав зависит от работника и работодателя, от их взаимоотношений в рамках правового поля.

В-третьих, профилактика нарушений трудовых прав работников, осуществляемая органами государства или общественными организациями, – это последующие меры предупреждения, никак не заменяющие профилактических мер, которые должны быть осуществлены в силу ТК РФ работником и работодателем. Эффективность их деятельности напрямую зависит от реализации этих мер работником и работодателем.

Ссылки и примечания:

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00037.
2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. О предупреждении нарушения трудовых прав научно-педагогических работников : письмо Центрального комитета Профсоюза работников народного образования и науки РФ от 14 мая 2008 г. № 42 // Официальные документы в образовании. 2008. № 18.
4. Об утверждении разъяснения об увеличении с 1 сентября 2007 года оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений, в которых не введены новые системы оплаты труда : приказ Минздравсоцразвития России от 19 окт. 2007 г. № 660 (в ред. приказа Минздравсоцразвития России от 31 марта 2008 г. № 148н) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 46. (Утратил силу).
5. Лапаева В.В. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: подходы к выработке правовой позиции // Право, политика, экономика. 2005. № 6. С. 9.
6. Лукашева Е.А. Правовой статус человека и гражданина. М., 1999. С. 102.
7. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов. М., 2005. С. 180.
8. О рассмотрении жалоб на предприятия с целью их разрешения : рекомендация Международной организации труда от 29 июня 1967 г. № 130 // Библиотечка Российской газеты. 1999. Вып. № 22-23.

УДК 347.65

Григорьева Анна Германовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Кубанского социально-экономического института

Grigorieva Anna Germanovna

PhD in History, Assistant Professor,
Civil Law and Procedure Department,
Kuban Institute for Social and Economic Studies

Сушкова Ирина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Кубанского социально-экономического института

Sushkova Irina Aleksandrovna

PhD in Law, Assistant Professor,
Head of Civil Law and Procedure Department,
Kuban Institute for Social and Economic Studies

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ

TRUST MANAGEMENT OF INHERITED PROPERTY

Аннотация:

В статье рассмотрены особенности правового регулирования доверительного управления наследственным имуществом, проводится сравнительный анализ норм гл. 53 ГК РФ о доверительном управлении имуществом и норм наследственного права, регламентирующего данные отношения. Особое внимание уделено характеристике субъектного состава договора доверительного управления наследственным имуществом, с определением которого возникают трудности в нотариальной практике.

Ключевые слова:

наследственное имущество, наследник, нотариус, договор, доверительное управление, учредитель управления, управляющий, исполнитель завещания, выгодоприобретатель.

Summary:

The article deals with the legal regulation of the trust management of inherited property. The authors carry out comparative analysis of the regulations of the Chapter 53 of the Russian Civil Code concerning the trust management of property and the regulations of the inheritance law governing such relations. Particular attention is paid to the description of the subject composition of the estate trust management contract, definition of which causes difficulties in the notarial practice.

Keywords:

inherited property, heir, notary, contract, trust management, settlor, managing director, testamentary executor, beneficiary.

После открытия наследства в большинстве случаев для обеспечения сохранности наследственного имущества достаточно совершения таких действий, как опись и принятие его на хранение. Но на практике возникают ситуации, когда в состав наследства входит определенное имущество (предприятие, доля в уставном капитале юридического лица, ценные бумаги, исключительные права и т. д.), которое требует управления им, поскольку несовершение юридических действий с подобным имуществом повлечет его уменьшение или утрату. При этом перечень имущества, указанный в п. 1 ст. 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], является открытым. В этих случаях нотариус, в соответствии со ст. 1026 ГК РФ, заключает договор доверительного управления наследственным имуществом. Подобное решение вопроса представляется достаточно обоснованным, поскольку нотариусы являются профессиональными юристами, деятельность которых четко урегулирована законом, они несут личную имущественную ответственность, обладают определенным объемом полномочий [2, с. 31]. Иное разрешение проблемы может вызвать неблагоприятные последствия в правоприменительной практике [3, с. 317].

Исследуемый договор представляет собой разновидность договора доверительного управления имуществом, который урегулирован нормами гл. 53 ГК РФ [4]. Данные нормы применяются в отношении управления наследственным имуществом в случаях, когда не противоречат нормам о наследовании либо существу таких отношений (п. 2 ст. 1026 ГК РФ). При этом правила, регулирующие отношения с участием нотариуса в роли учредителя доверительного управления, являются исключением из положения о том, что учредитель должен быть собственником имущества, которое передается в управление (ст. 1014 ГК РФ). В нотариальной практике существуют определенные сложности с толкованием норм гражданского законодательства, регулирующих доверительное управление наследственным имуществом. В формате данной статьи будут рассмотрены некоторые из них.

Договор доверительного управления имуществом – это договор, по которому одна сторона (учредитель управления) передает второй стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а последняя обязуется управлять этим имуществом в интересах контрагента или указанного им лица (выгодоприобретателя). Договор

доверительного управления имуществом является реальным, взаимным, возмездным, но в случаях, предусмотренных законом или договором, может быть безвозмездным. Достаточно дискуссионным является вопрос о фидуциарности данного договора. Многие авторы отрицают доверительный характер договора и считают его название достаточно условным. О доверительности можно говорить лишь в том смысле, что и к договору поручения: она имеет основное значение при установлении отношений, а не при их осуществлении [5, с. 532].

Доверительное управление учреждается в различных целях, но, как правило, с целью получения доходов от подобной деятельности, поскольку доверительный управляющий получает вознаграждение в результате полученных доходов от использования имущества (ст. 1023 ГК РФ). Целью доверительного управления наследственным имуществом является не его приумножение, а сохранение (п. 2 ст. 1171 ГК РФ).

Участниками договора доверительного управления имуществом являются учредитель управления, доверительный управляющий, выгодоприобретатель (п. 1 ст. 1012 ГК РФ). В первую очередь учредителем управления наследственным имуществом выступает нотариус. Но в качестве такой стороны может выступать также исполнитель завещания, если он указан в завещании (п. 2 ст. 1173 ГК РФ). В последнем случае нотариус имеет возможность выступить учредителем доверительного управления лишь в случае освобождения исполнителя завещания от соответствующей обязанности (п. 2 ст. 1134 ГК РФ).

В п. 2 ст. 1171 ГК РФ закреплено, что нотариус принимает меры к учреждению управления наследственным имуществом по инициативе лиц, «действующих в интересах сохранения этого имущества». В ст. 64 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [6] указано, что нотариус принимает такие меры «по сообщениям граждан, юридических лиц либо по своей инициативе..., когда это необходимо в интересах наследников, отказополучателей, кредиторов или государства». Из этого следует, что нотариус учреждает доверительное управление наследственным имуществом после получения любой информации, которая свидетельствует о том, что эти меры необходимы. Сравнительный анализ ст. 1171 ГК РФ и ст. 64 Основ позволяет считать, что интерес в сохранении наследственного имущества, о котором законодатель упоминает в ГК РФ, есть только у участников, чьи субъективные гражданские права зависят от сохранности наследственного имущества (наследники, кредиторы и т. п.). Нотариальная практика по данному вопросу неоднозначна, требуется официальное толкование п. 4 ст. 1171 ГК РФ [7, с. 167].

Являясь стороной договора (учредителем управления), нотариус заключает его от собственного имени, а это противоречит положению ст. 47 Основ законодательства о нотариате.

Нельзя не отметить, что к существенным условиям договора доверительного управления относится наименование юридического лица либо имя гражданина, в интересах которых производится управление имуществом (учредителя управления или выгодоприобретателя). Исследуемый договор отличается от других видов договоров доверительного имущества отсутствием выбора выгодоприобретателя, так как всегда заключается в интересах наследников, даже если в момент заключения договора они неизвестны. Однако на момент заключения договора доверительного управления наследственным имуществом невозможно точно и поименно установить наследников, которые являются выгодоприобретателями. Конкретно определимы могут быть наследники, принявшие наследство. При этом в самом договоре нет необходимости указывать их индивидуальные данные (фамилию, имя, отчество, место жительства и т. д.) [8, с. 346]. В цивилистике достаточно часто избирается альтернатива между определенным и определенным, в частности в страховании издавна применяются полисы «за счет кого следует» и т. д.

Для устранения законодательного противоречия предлагается считать выгодоприобретателем по договору доверительного управления наследственным имуществом нотариуса-учредителя. О. Шиловский объясняет это тем, что у нотариуса существует интерес публичного лица, которое выполняет возложенную на него законом обязанность по сохранению имущества [9, с. 8].

Полагаем, что учредитель-нотариус не имеет собственного гражданско-правового интереса в отношении по доверительному управлению наследственным имуществом, а потому не может являться выгодоприобретателем. Представляется правильным законодательно закрепить возможность наследника, обладающего дееспособностью в полном объеме, быть доверительным управляющим, поскольку он заинтересован в сохранности и приумножении имущества.

В качестве доверительного управляющего может выступать индивидуальный предприниматель либо коммерческая организация, исключение составляет унитарное предприятие. Законодатель также предусматривает отдельные ограничения к кандидатуре доверительного управляющего – физического лица. В соответствии с п. 3 ст. 1015 ГК РФ, доверительным управляющим не может являться выгодоприобретатель по договору. В наследственных правоотношениях в качестве выгодоприобретателя выступает наследник.

Существенными условиями договора служат размер и форма вознаграждения управляющему, если такая выплата установлена договором. Исследуемый нами договор является возмездным. Размер платы за хранение и управление наследственным имуществом не может превышать 3 % оценочной стоимости наследственного имущества [10]. Поэтому заключению договора должна предшествовать оценка имущества. Исходя из специфики договора и субъектного состава (нотариус как учредитель управления) форма оплаты является денежной.

Специфичен и срок договора доверительного управления наследственным имуществом, поскольку он может составлять не более 9 месяцев.

По общим правилам о договоре доверительного управления существенным условием является состав имущества, которое передается в доверительное управление. Как уже указывалось, для договора доверительного управления наследственным имуществом законодатель конкретизирует, что в управление может передаваться то имущество, которое связано с коммерческой деятельностью (предприятие, доля в уставном капитале юридического лица, ценные бумаги, исключительные права и т. д.) (ст. 1173 ГК РФ).

Таким образом, договор доверительного управления наследственным имуществом – это договор, по которому одна сторона (учредитель управления – нотариус, исполнитель завещания) передает в доверительное управление второй стороне (доверительному управляющему) отдельные объекты, входящие в состав наследственного имущества, а последняя обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах выгодоприобретателей (наследников).

Целесообразно в гражданском законодательстве закрепить возможность наследника, принявшего наследство, выступать в качестве выгодоприобретателя по договору доверительного управления наследственным имуществом. Для этого необходимо пункт 3 ст. 1015 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Доверительный управляющий не может быть выгодоприобретателем по договору доверительного управления имуществом, за исключением случаев, предусмотренных законом». Абзац 1 ст. 1173 ГК РФ следует дополнить фразой: «В качестве доверительного управляющего может быть назначен наследник, принявший наследство».

Ссылки:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ, № 333-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552 ; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4160 ; № 27 (ч. 2). Ст. 4266.
2. Лазаренкова О.Г. Тенденция расширения участия нотариуса при совершении сделок с недвижимостью // Нотариус. 2016. № 4. С. 28–31.
3. Леус М.В. Новеллы гражданского законодательства РФ о представительстве и доверенности // Уголовная политика в сфере обеспечения здоровья населения, обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2014. С. 312–317.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 23 мая 2016 г. № 146-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410 ; 2016. № 22. Ст. 3094.
5. Дозорцев В.А. Доверительное управление имуществом. М., 1966. С. 532.
6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февр. 1993 г. № 4462-1 (ред. от 3 июля 2016 г. № 360-ФЗ) // Российская газета. 1993. № 49. 13 марта ; Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4293.
7. Рассказова Н.Ю. Доверительное управление наследственным имуществом, учреждаемое нотариусом // Закон. 2007. № 2. С. 166–176.
8. Казанцев И.А. Особенности договора доверительного управления наследственным имуществом // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52), т. 1. С. 346.
9. Шиловост О. Особенности доверительного управления наследственным имуществом // ЭЖ-Юрист. 2006. № 7. С. 8.
10. Об утверждении предельного размера вознаграждения по договору хранения наследственного имущества и договору доверительного управления наследственным имуществом : постановление Правительства РФ от 27 мая 2002 г. № 350 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2096.

УДК 347.65

Леус Марианна Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры общетеоретических
и государственно-правовых дисциплин
Кубанского социально-экономического института

**ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПРАВ,
СВЯЗАННЫХ С УЧАСТИЕМ
В ОТДЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ
ФОРМАХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Аннотация:

В статье рассмотрены основные теоретические и практические проблемы наследования доли (пая) в уставном (складочном) капитале хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов. Автор предлагает дополнить ст. 1176 ГК РФ пунктом, регулирующим момент, с которого наследник становится участником юридического лица.

Ключевые слова:

наследование, наследник, доля, пай, права наследников умершего, полное товарищество, товарищество на вере, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, производственный кооператив.

Leus Marianna Vladimirovna

PhD in History, Assistant Professor,
General Theoretic and State Legal
Disciplines Department,
Kuban Institute for Social and Economic Studies

**INHERITANCE OF
RIGHTS RELATED
TO PARTICIPATION
IN PARTICULAR TYPES OF
BUSINESS ENTITY**

Summary:

The article discusses the basic theoretical and practical problems of inheritance of a share (equity unit) in the charter (pooled) capital of economic partnerships and companies, production cooperatives. The author proposes to expand on the Art. 1176 of the Civil Code of the Russian Federation with the clause regulating the moment when a heir becomes a sharer of the legal entity.

Keywords:

inheritance, heir, share, equity unit, rights of heirs, general partnership, limited partnership, trust partnership, limited liability company, joint stock company, production cooperative.

В современном мире граждане активно участвуют в учреждении и деятельности коммерческих юридических лиц, что, соответственно, влечет за собой возникновение у них определенных имущественных прав, которые могут переходить по наследству. В связи с этим в настоящее время особо актуальными являются вопросы правового регулирования наследственного правопреемства участников хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов. Эффективное регулирование данных отношений позволяет обеспечить непрерывное функционирование юридического лица, защиту прав наследников умершего и остальных участников хозяйственного товарищества и общества, производственного кооператива.

Действующее законодательство РФ устанавливает, что при наследовании имущество наследодателя переходит к наследникам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде в качестве единого целого, в один и тот же момент (п. 1 ст. 1110 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) [1]. Универсальность правопреемства подразумевает переход к наследникам вещей (движимого и недвижимого имущества) [2, с. 75], имущественных прав и обязанностей наследодателя, не связанных с его личностью.

Общие положения о наследовании прав, которые связаны с участием субъектов в хозяйственных товариществах и обществах, производственных кооперативах, закреплены в ст. 1176 ГК РФ. Правовой режим наследования этих прав также определен нормами о конкретных организационно-правовых формах юридических лиц. Вместе с тем неоднозначно в доктрине и правоприменительной практике рассматриваются вопросы определения объекта наследования участников таких организаций. Одна из позиций основана на том, что объектом наследования является стоимость доли (пая) [3, с. 39], с точки зрения другой позиции к наследственным относятся права, связанные с участием в хозяйственных товариществах, обществах [4, с. 269]. Следует учитывать, что объем таких прав прежде всего зависит от конкретной организационно-правовой формы организации, поскольку в некоторых ситуациях наследники могут наследовать долю (вклад, пай) и, соответственно, становятся участниками хозяйственных товариществ и обществ, а в других они получают только стоимость такой доли [5, с. 325].

Здесь нельзя не упомянуть постановление Президиума ВАС РФ от 09.02.2010 г. № 13944/09, в котором признается возможность использования аналогии права (правил ст. 301–302 ГК РФ) к доле в праве на имущество, т. е. допустима виндикация имущества, которое не относится в строгом смысле к вещам [6]. Исходя из этого, к доле в уставном капитале необходимо

применять правовой режим вещей. При этом понятие «вещь» включает в себя не только движимые, но и недвижимые вещи [7, с. 17].

Общие положения ст. 1176 ГК РФ предусматривают, что в состав наследства полного товарища или полного товарища в командитном товариществе, участника ООО, члена производственного кооператива входят доля (пай) данного участника (члена) в складочном (уставном) капитале (имуществе) товарищества, общества, кооператива.

Отдельными нормами ГК РФ, иными законами либо учредительными документами юридического лица может предусматриваться, что переход доли (пая) в складочном (уставном) капитале зависит от согласия остальных участников юридического лица. При отсутствии такого согласия наследник может получить стоимость наследуемой доли (пая) либо часть имущества, которая соответствует этой доле (паю). Так, в случае смерти полного товарища его правопреемник вправе вступить в полное товарищество лишь с согласия иных участников (п. 2 ст. 78 ГК РФ [8]). В состав наследства входят доля полного товарищества в складочном капитале, которая принадлежала наследодателю, и связанные с ней права. При этом в состав наследства могут входить также имущественные обязанности. В силу закона полные товарищи солидарно несут субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам товарищества (п. 1 ст. 75 ГК РФ). Таким образом, на наследника полного товарища возлагается ответственность в пределах перешедшей к нему доли по обязательствам наследодателя перед третьими лицами. К сожалению, законодатель не урегулировал ситуацию, когда на долю умершего полного товарища претендуют несколько наследников. Целесообразно в этом случае предусмотреть возможность передачи наследникам доли по частям с согласия остальных полных товарищей [9, с. 264].

Существуют другие правила при наследовании имущества вкладчика командитного товарищества. Согласно п. 2 ст. 1176 ГК РФ, состав наследства вкладчика представляет его долю в складочном капитале юридического лица. При этом, для того чтобы наследник стал вкладчиком такого товарищества, согласия иных участников не требуется.

После смерти наследодателя, который являлся участником общества с ограниченной ответственностью, наследник может получить свою долю при соблюдении всех условий, предусмотренных уставом общества. Так, уставом общества может быть зафиксировано согласие участников на переход доли по наследству (п. 6 ст. 93 ГК РФ, п. 8 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [10]). Согласие считается полученным в следующих случаях: 1) всеми участниками общества в течение 30 дней с момента обращения к ним наследника либо иного определенного уставом срока сделаны в письменной форме заявления о согласии; 2) если не представлены письменные заявления об отказе от дачи согласия на переход доли.

Безусловно, механизм, при котором не требуется согласия участников общества с ограниченной ответственностью для вступления в общество, является наиболее простым. Однако вопрос о моменте, с которого наследник становится участником общества, в этом случае является дискуссионным и неоднозначно разрешается в судебной практике. Отдельные судебные инстанции таким моментом считают день открытия наследства [11], другие связывают приобретение соответствующего статуса участника общества с моментом внесения сведений о нем в Единый государственный реестр юридических лиц [12]. Полагаем, что законодательный пробел должен быть устранен.

Наиболее простой порядок приема участников свойствен акционерному обществу, поскольку оно учреждается не с целью непосредственного участия акционеров в деятельности юридического лица, а для объединения имущественных вкладов. Права участников акционерного общества отражаются в ценных бумагах – акциях. Поэтому в случаях, когда в составе наследства фигурируют акции, наследники, к которым они перешли, становятся участниками акционерного общества (п. 3 ст. 1176 ГК РФ). Законом или уставом акционерного общества, не являющегося публичным, могут быть предусмотрены ограничения числа либо суммарной номинальной стоимости акций, а также максимального числа голосов, которые принадлежат одному акционеру (п. 5 ст. 99 ГК РФ).

В производственном кооперативе по наследству переходит пай. Наследники могут быть приняты в члены кооператива, если иное не предусмотрено уставом. В противном случае, как сказано в п. 4 ст. 106.5 ГК РФ, кооператив выплачивает наследникам стоимость пая умершего. Аналогичные правила закреплены в ст. 7 Закона о производственных кооперативах [13]. Эти правила объясняются тем, что в производственном кооперативе граждане объединяются для совместной хозяйственной деятельности, основанной на их личном трудовом либо ином участии. Учитывая, что членами кооператива могут быть граждане, достигшие 16 лет (п. 1 ст. 7 Закона о производственных кооперативах), наследнику, который не может быть членом кооператива по возрасту, выплачивается стоимость пая, перешедшего по наследству.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что наиболее общие правила наследования прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах, производственных кооперативах, предусмотрены ст. 1176 ГК РФ, но в силу особенностей указанных юридических лиц наследование таких прав определяется в каждом конкретном случае индивидуально, с учетом организационно-правовой формы и положений учредительных документов таких организаций.

Учитывая, что законодатель не регулирует момент, с которого наследник становится участником юридического лица, целесообразно ст. 1176 ГК РФ дополнить пунктом 4 следующего содержания: «Наследник доли (пая) в уставном (складочном) капитале хозяйственного товарищества или общества, производственного кооператива признается участником юридического лица со дня открытия наследства, а если для перехода к наследнику доли (пая) в уставном (складочном) капитале требуется согласие остальных участников товарищества или общества либо членов кооператива – с момента получения такого согласия».

Ссылки:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ, № 333-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552 ; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4160 ; № 27 (ч. 2). Ст. 4266.
2. Лазаренкова О.Г. Удержание недвижимого имущества: теория и практика // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 34. С. 74–82.
3. Телюкина М.В. Наследование отдельных видов имущества // Законодательство и экономика. 2002. № 11. С. 38–40.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / отв. ред. Л.П. Ануфриева. М., 2004. С. 269–270.
5. Черемных Г.Г. Наследственное право России : учеб. для магистров. М., 2014. С. 324–340.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 9 февр. 2010 г. № 13944/09 по делу № А56-31225/2008 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 5.
7. Григорьева А.Г., Денисенко Ю.С. Право удержания в гражданском праве России // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2015. № 2-3 (66-67). С. 16–20.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4169.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : в 3 т. Т. 3 / под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова. М., 2007. С. 264.
10. Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г. № 360-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785 ; 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4293.
11. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27 марта 2012 г. № Ф03-509/2012 по делу № А73-1640/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 18 нояб. 2010 г. по делу № А39-765/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О производственных кооперативах : федер. закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ (ред. от 30 нояб. 2011 г. № 362-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 20. Ст. 2321 ; 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7040.

УДК 343.222.7

Сильченко Елена Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

**К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ
ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА
(ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ),
СОЗДАВАЕМОГО В ЦЕЛЯХ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОГО
НАРКОБИЗНЕСА**

Аннотация:

В статье проанализированы признаки преступного сообщества (сплоченность, устойчивость, совершение тяжких и особо тяжких преступлений, вхождение в его состав нескольких организованных групп). Выявлены некоторые проблемы в регламентации ответственности членов преступного сообщества, созданного в целях осуществления нелегального наркобизнеса. Названы признаки преступного сообщества в сфере наркобизнеса (совместность совершения преступной деятельности, высокий уровень знаний и навыков участников, наличие структурной и функциональной иерархичности и др.). В целях совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом автор предлагает дополнить УК РФ статьей «Организация преступного сообщества (преступной организации) в целях осуществления наркобизнеса».

Ключевые слова:

наркобизнес, преступное сообщество, преступная организация, незаконный оборот наркотиков, общественная опасность.

Silchenko Elena Vladimirovna

PhD in Law, Assistant Professor,
Criminal Law Department,
Kuban State Agrarian University

**CONCERNING THE ESSENCE OF
CRIMINAL NETWORK
(CRIMINAL ORGANIZATION)
ENGAGED IN ILLEGAL
DRUG TRAFFICKING**

Summary:

The article reviews such signs of criminal network as solidarity, sustainability, committing of grave and most serious crimes, inclusion of several organized groups in its structure. The author has found some problems in the regulation of the liability of members of the criminal organization engaged in the illegal drug trafficking. The paper discusses the signs of drug trafficking criminal organization (joint crime, high knowledge and skills of the members, structural and functional hierarchy, etc.). In order to improve the criminal law in the field of fight against organized crime and drug trafficking the author proposes to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with the article "Organization of Criminal Network (Criminal Organization) Engaged in Illegal Drug Trafficking".

Keywords:

drug industry, criminal network, criminal organization, illegal drug trafficking, public danger.

Структурным подразделением наркобизнеса является преступное сообщество. В законе и теории уголовного права преступное сообщество (преступная организация) рассматривается как одна из наиболее опасных форм соучастия. Соответственно, ему свойственны все признаки, присущие соучастию. Наиболее опасные преступления зачастую совершаются путем объединения усилий нескольких лиц. Такое преступное деяние, как организация преступного сообщества, может совершаться только несколькими объединившимися лицами. Их противозаконная деятельность обладает наибольшей общественной опасностью, оказывает значительное психологическое воздействие на общество в целом.

На основе анализа уголовного законодательства и специальной литературы, посвященной исследованию теории соучастия, можно выделить следующие его формы в зависимости от характера участия субъекта в преступлении: сложное соучастие (ст. 33 УК РФ), соисполнительство (ч. 2 ст. 33 УК РФ), преступная группа (ч. 1–3 ст. 35 УК РФ), преступное сообщество (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Каждая форма соучастия наделена персонифицированным набором объективных и субъективных характеристик общественной опасности, которые находят свое отражение в признаках состава преступления, а также основывается на взаимосвязи объективных и субъективных показателей, которые характеризуют дифференцированную общественную опасность различных форм соучастия.

В рамках проводимого нами исследования нелегального наркобизнеса наибольший интерес представляет такая самостоятельная и наиболее общественно опасная форма соучастия, как преступное сообщество, которое выступает структурной основой формирования рассматриваемого негативного явления [1, с. 87–88].

Преступление признается совершённым преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданных в тех же целях (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Далее проанализируем признаки преступного сообщества.

Во-первых, преступное сообщество характеризуется сплоченностью организованной группы. Таким образом, в первую очередь необходимо установить показатели организованной группы (организации). Под организацией следует понимать устойчивое формирование людей, созданное с целью осуществления преступной деятельности. Используя признак сплоченности в качестве самостоятельного признака преступного сообщества, законодатель пытается разграничить указанные разновидности группового преступления. Сплоченность – это социально-психологическая характеристика преступного сообщества. Она отражает общность участников в реализации преступных целей.

С.И. Ожегов дает следующее определение рассматриваемому признаку: сплоченный – дружный, единомысленный, организованный [2, с. 722].

Сплоченность подразумевает целостность, объединение людей в связи с реализацией конкретных преступных задач на протяжении длительного промежутка времени. Участникам присущи единомыслие, общность субъективной связи и психологическое объединение.

Во-вторых, преступное сообщество обладает устойчивостью. Вывод о наличии указанного признака можно сделать на основе содержания ч. 3 ст. 35 УК РФ, упоминающей об организованной группе, обязательным признаком которой является устойчивость.

По В. Далю, «устойчивый – стойкий, крепкий, твердый, не шаткий, упорный...» [3, с. 515]. Об устойчивости преступного сообщества говорит и весьма продолжительный характер преступной деятельности, свидетельствующий о долгосрочной перспективе его существования. Показатель устойчивости прослеживается на достаточно раннем этапе совместного совершения преступлений членами сообщества. В рамках преступного сообщества действия каждого его участника сопряжены с причинением фактического или предполагаемого вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Об устойчивости преступного сообщества свидетельствует и общая преступная цель.

В-третьих, преступное сообщество создается для совершения только тяжких и особо тяжких преступлений (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Отсутствие указания на данный признак дает основание для отнесения объединения участников к организованной группе. Выделение законодателем вышеозначенного признака преступного сообщества весьма дискуссионно. Заметим, что в действующем уголовном законодательстве не все преступления, связанные с нелегальным оборотом наркотиков, относятся к категории тяжких и особо тяжких. Следовательно, квалифицировать указанные деяния, совершаемые в соучастии, как осуществленные преступным сообществом (преступной организацией) невозможно. Это, несомненно, сужает возможности уголовно-правовой борьбы с таким проявлением организованной преступности, как нелегальный наркобизнес. Учитывая данную коллизию действующего уголовного законодательства, предлагаем в авторской редакции статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение деяний, связанных с нелегальным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, ввести квалифицирующий либо особо квалифицирующий признак «для совершения преступлений в сфере нелегального наркобизнеса». Размер санкции в данном случае будет значительно увеличен, что позволит причислить указанную группу преступлений к категории тяжких или особо тяжких.

В-четвертых, преступное сообщество может состоять из объединения организованных групп, созданных для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Данная форма соучастия присуща структурированным объединениям. Так, для преступлений в сфере нелегального наркобизнеса характерно нахождение под контролем конкретного субъекта отдельной сферы преступной деятельности, каждую из которых осуществляют отдельные организованные группы. Преступное сообщество включает в себя несколько организованных групп. Это обусловлено тем, что лишь на начальной стадии создания преступного сообщества лишь одна преступная группа способна совершить особо тяжкое преступление. Объединение нескольких организованных преступных групп способствует переходу организованной преступности на более высокий уровень развития. При этом преследуется цель защиты определенного вида преступной деятельности от посягательств иных преступных формирований.

Рассмотреть преступное сообщество (преступную организацию) можно и с точки зрения структурированности, под которой следует понимать не только четкое разделение ролей при совершении преступных деяний, но и разграничение функций организованных групп, входящих в структуру преступного сообщества, обеспечивающих их устойчивость и существование.

Организованная преступность в России – это массовое явление, ставящее под угрозу основы общественной безопасности. В России наблюдается значительный рост числа преступных группировок, что свидетельствует о тенденции усиления российской организованной преступности. Увеличение количества преступных группировок сопровождается отделением от них мелких групп и объединений, что является показателем процесса деления криминала и его экспансии.

В современной России преступные сообщества существуют практически во всех субъектах государства, и значительная их часть занимается совершением преступлений, входящих в систему наркобизнеса. Можно сказать, что преступное сообщество является особым субъектом организованной преступности, своеобразным системообразующим явлением, которое ставит перед собой определенные цели и стремится к их достижению. В число данных целей входят совершение преступлений в сфере наркобизнеса, получение в результате этого масштабных прибылей, последующая легализация преступных доходов, полученных в результате совершения противоправных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами, удовлетворение иных потребностей.

Преступное сообщество, осуществляющее свою деятельность в сфере наркобизнеса, характеризуется, наряду с рассмотренными выше уголовно-правовыми признаками, свойственными преступному сообществу (преступной организации), общностью и совместностью совершения преступной деятельности, высоким уровнем навыков и знаний их участников, владением ими различными методиками и способами добывания материальных средств, наличием структурной и функциональной иерархичности, а также коррумпированными связями с правоохранительными органами, органами государственной власти и иными коммерческими и общественными структурами.

Учитывая повышенную степень общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере наркобизнеса, очевидность и неоспоримость глобальности угрозы наркотизации российского общества и вреда общественным отношениям в сфере защиты здоровья населения, в целях совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом считаем необходимым дополнить УК РФ статьей 210.1 «Организация преступного сообщества (преступной организации) в целях осуществления наркобизнеса».

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, отметим, что под преступным сообществом (преступной организацией), образованным для совершения преступлений в сфере нелегального наркобизнеса, следует понимать создание такового, а равно руководство им или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединений организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения преступлений в сфере нелегального наркобизнеса.

Ссылки:

1. Сильченко Е.В. Уголовно-правовые средства борьбы с наркобизнесом : монография. Пятигорск, 2009. С. 87–88.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 722.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 515.

УДК 343.26

Хараев Азамат Арсенович

кандидат юридических наук, старший преподаватель
Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиала)
Краснодарского университета МВД России,
член-корреспондент Академии менеджмента
в образовании и культуре

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Аннотация:

Статья посвящена проблемам, возникающим в процессе определения и назначения наказания в виде лишения свободы. Лишение свободы на определенный срок является самым часто назначаемым и применяемым видом уголовного наказания. С учетом проблем, связанных с переполненностью пенитенциарных учреждений, а также направленностью уголовно-правовой политики на смягчение, важно правильно подходить к выбору и назначению данного вида наказания.

Ключевые слова:

государственное принуждение, уголовное наказание, преступление, преступник, преступность, уголовная ответственность, лишение свободы, цели наказания.

Kharaev Azamat Arsenovich

PhD in Law, Senior Lecture,
North Caucasus Institute for Advanced Professional
Training (branch) of Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Corresponding Member of Academy of
Management in Education and Culture

SOME PROBLEMS OF THE PURPOSES OF PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT FOR A CERTAIN PERIOD

Summary:

The article deals with the problems arising in the process of imposition of imprisonment sentence. Imprisonment on a certain term of time is the most commonly assigned and used type of the criminal penalty. Given the overcrowding of penitentiary institutions, as well as orientation of the penal policy on mitigation, it is important to approach wisely selection and imposition of this kind of punishment.

Keywords:

government coercion, criminal penalty, crime, criminal, felony, criminal liability, imprisonment, purpose of punishment.

Меры государственного принуждения достаточно разнообразны. Одной из самых значительных мер государственного принуждения является уголовное наказание. Это есть сегодня, и это было всегда. Так, Чезаре Беккариа в трактате «О преступлениях и наказаниях» писал, что «только законы могут устанавливать наказания за преступления, и власть их издания может принадлежать только законодателю... Никакой судья не может, не нарушая справедливости, устанавливать наказания для других членов общества. Несправедливо наказание, выходящее за пределы закона, так как оно явилось бы другим наказанием, не установленным законом» [1].

Законодатель, формулируя понятие наказания в уголовном законе, видит в нем правовое средство борьбы с преступностью, меры ответственности за конкретное преступление, а применение его к осужденному расценивает как правоприменительный акт, который ориентирован на определенный социальный результат (конкретные цели). Проблема цели наказания в уголовном праве имеет большое значение и является одной из наиболее дискуссионных. Формулирование целей наказания – это один из важнейших вопросов уголовной политики.

Социальный прогресс постепенно привел к изменению взглядов человека на общество в целом, на человека как субъекта определенных общественных отношений, на содержание и смысл преступления и наказания, а также на роль государства в общественных отношениях. Это позволило видеть в уголовном наказании не только кару, но и средства принудительного воспитательного воздействия.

Государство, наказывая преступника за совершенное деяние, выражает в уголовном наказании оценку преступника и его общественно опасного деяния. Через наказание осужденный получает правовую ориентацию со стороны государства. Государство же в лице органов, исполняющих наказание, реализует такие социально востребованные и объективно необходимые цели, как: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение преступлений.

Цивилизованный мир и Российская Федерация концепцию цели уголовного наказания рассматривают именно в таком аспекте. И все же проблемы цели и наказания науки уголовного права не решены исчерпывающе и вполне фундаментально.

Пик обострения спорности в науке уголовного права по вопросу целей наказания пришелся на 70-е годы XX в. И.С. Ной сформулировал приемлемое для того времени понятие уголовно-правовой кары. Однако он не согласился с признанием некоторыми авторами кары в качестве

одной из целей наказания [2, с. 9, 10]. Вместе с тем в некоторых теоретических источниках по проблемам уголовного наказания уголовно-правовое принуждение связывают с целью причинения осужденному страданий, что ни в коей мере не согласуется с принципом гуманизма, изложенным в ст. 7 УК РФ.

Цели наказания установлены в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Любое наказание должно соответствовать принципам российского уголовного права, и в первую очередь принципам справедливости и гуманизма. Согласно ст. 5 Всеобщей декларации прав человека, ст. 7, 10 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 7 УК РФ, устанавливается, что целью наказания не является унижение человеческого достоинства либо причинение виновному физических страданий. В Конвенции против пыток и других жестких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания понятие «пытка» раскрывается как «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется любая боль или страдание, физическое или нравственное... чтобы наказать его за действие, которое совершило оно...».

В России на современном этапе лишения свободы на определенный срок является наиболее часто применяемым видом наказания в судебной практике. Его составляющая от общего числа осужденных достигла своего пика в 1985 г. – 45,2 %, в последующие годы колебалась в диапазоне 36–39 %, к 1996 г. (моменту принятия нового УК РФ) упала до 33,9 %, а в 2012 г. до 28,0 %. Но в последние годы начала снова расти (2013 г. – 28,7 %; 2014 г. – 29,4 %, 2015 г. – 33,0 %), постепенно возвращаясь к показателям второй половины 80-х – первой половины 90-х гг. прошлого века.

Общее количество осужденных к лишению свободы на определенный срок в 1990–1996 гг. постоянно росло (с 203 359 до 373 519). Впрочем, в последние годы показатель общего количества лишенных свободы на определенный срок вернулся к примерно уровню конца 1980-х – начала 1990-х гг. (2012 г. – 206 254; 2013 г. – 209 709; 2014 г. – 209 448; 2015 г. – 211 170).

Уровень применения лишения свободы как отдельного вида наказания за совершение преступлений, наиболее часто встречающихся в судебной и следственной практике, ранее был еще выше, но к настоящему времени приближается к среднестатистическим показателям. Так, к указанному наказанию за преступления, связанные с наркотиками и сильнодействующими веществами (ст. 228–234 УК РФ), в 1996 г. было приговорено 38,2 % осужденных, в 2015 г. – 42,7 %; за «лакмусовые» преступления против собственности (ст. 158, 160–162 УК РФ) в 1996 г. – 65 %, в 2015 г. – 32,7 %. Отдельно по кражам (ст. 158 УК РФ): в 1996 г. – 50 %, в 2015 г. – 29,2 % [3].

Совершенно очевидно, что общие цели лишения свободы не могут быть иными, нежели те, которые вообще выдвигаются перед наказанием российским уголовным правом. Такими целями являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами.

Необходимость лишения свободы как средства достижения этих целей наказания вызывается тем, что реализация их иными видами наказания на данном этапе развития нашего общества не может быть достигнута в отношении лиц, совершающих значительные по степени опасности преступления или совершающих их повторно. Лишение свободы в этом смысле необходимо потому, что оно предоставляет возможность оказывать более или менее систематическое воспитательное влияние на личность осужденного и является в известной мере более эффективным устрашающим средством воздействия на осужденного и иных неустойчивых членов общества.

Касательно обеспечения специальной превенции посредством изоляции преступника от общества лишение свободы является наиболее надежным средством. Это не гарантирует безусловной полезности этого наказания. Напротив, лишению свободы присущи и некоторые весьма отрицательные атрибуты, которые, возможно, могут и препятствовать достижению целей наказания и борьбе с преступностью в целом. Для реализации поставленных перед лишением свободы целей требуется наиболее разумная организация этого процесса. Для этого необходимо обратить внимание не только на цели лишения свободы, но и на средства их достижения. Таким образом, надо постараться прежде всего определить, в каком соотношении находятся цели лишения свободы и уже затем – как наиболее целесообразно следует организовать исполнение лишения свободы, чтобы все его цели были достигнуты с наивысшей эффективностью.

Ряд авторов видят в наказании в виде лишения свободы главную цель – устрашающее воздействие этого вида наказания. Для реализации этой цели предлагается лишать осужденных одних прав, притеснять другие и возлагать исключительные обязанности в сочетании с жесткими режимными нормами. Приверженцы такого подхода главную цель лишения свободы видят в том, чтобы обеспечить нежелание осужденного вновь подвергнуться наказанию, вместо нежелания вновь совершить преступление. А.Л. Ременсон считает, что ни труд, ни политико-воспитательная работа не должны рассматриваться составными элементами лишения свободы. Он пишет: «Поскольку же применение наказания должно обеспечить в качестве одной из важнейших задач неже-

ление осужденного вновь подвергнуться наказанию, а также удержание от совершения преступления неустойчивого элемента, постольку его составными элементами не могут быть ни труд, ни политико-воспитательная работа. Преступник должен бояться наказания. Это аксиома» [4, с. 17].

Несомненно, устрашение лиц, совершивших преступление, является важным средством для достижения специального и общего предупреждения. Спорность вопроса заключается в другом. Правильно ли задачу юридического исправления осужденного рассматривать важнейшей, отводя второстепенное место задаче его морального исправления, и какими средствами в условиях развивающегося Российского государства следует пользоваться для достижения юридического исправления лица, лишённого свободы, и для достижения целей специальной и общей превенции? Анализируя сущность лишения свободы, следует исходить из необходимости морального исправления осужденного как важнейшей задачи наказания в условиях развития молодой российской государственности. Выдвижение на первый план цели исправления необходимо главным образом потому, что в места лишения свободы попадают лица морально изуродованные, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления. Эти люди представляют опасность для общества не потому, что обладают какой-то злой волей или врожденной склонностью к совершению преступлений, а потому, что те или иные взгляды или установки вырабатываются у них в процессе общественной адаптации под влиянием окружающей их действительности и конкретных условий, в которых проходил процесс формирования личности. Большинству лиц, содержащихся в заключении, пришлось столкнуться в жизни с теми или иными неблагоприятными условиями. В этом отношении представляет определенный интерес изучение личности осужденного, проведенное в исправительных учреждениях.

Отмеченные у преступников серьезные дефекты в воспитании и образовании не только проявляются в их индивидуалистических взглядах и настроениях, в отсталости их идеологии, но и отражаются на их психике. Темперамент, характер, сила воли и некоторые другие психические свойства личности играют известную роль в реализации антиобщественных взглядов и установок в конкретном преступном поведении. Но даже человек с передовым сознанием способен нарушить правила нормального, допустимого с точки зрения уголовного закона поведения, если он, например, не научился контролировать свои поступки посредством размышления над их последствиями. Так как характер формируется в сложном процессе взаимодействия человека с окружающей средой, то, следовательно, общество посредством воздействия на личность имеет возможность целенаправленно формировать характер, то есть пытаться создавать предпосылки последующего правомерного поведения.

Но в то же время человек не является пассивным объектом внешних условий и обстоятельств. Он сам участвует в выработке своего характера, так как характер связывается в зависимости от мировоззрения, от дел и поступков, им совершаемых. В своем труде С.Л. Рубинштейн пишет, что характер человека, конечно же, обусловлен объективными обстоятельствами его жизненного пути, но сами эти обстоятельства создаются и изменяются в результате его поступков, так что поступки человека и жизненные обстоятельства, их обуславливающие, постоянно переходят друг от друга. Поэтому нет ничего нелепее и фальшивее, как оправдание дурных поступков человека со ссылкой на то, что такой уж у него характер, как если бы характер был чем-то изначально данным и фатально predetermined. Человек сам участвует в выработке своего характера и сам несет за него ответственность [5, с. 123, 226–227].

На основе вышеизложенного напрашивается вывод, что перед лишением свободы как мерой уголовного наказания стоит первостепенная задача морального исправления и перевоспитания преступника, а в случае невозможности его исправления и (или) перевоспитания хотя бы его устрашения. На современном этапе эволюционного развития психологический уровень любой человеческой общности не достиг уровня критического осознания своих ошибок. Поэтому на данный момент перед лишением свободы стоит задача хотя бы юридического исправления, если не получается моральное исправление. Это могло бы удовлетворить потому, что хоть как-то ограживало бы общество от рецидива опасного преступления со стороны отбывшего лишение свободы и связанного с этим дурного влияния. Устрашение преступника существенно менее эффективно в предупреждении с его стороны новых преступлений, нежели достижение специальной превенции путем его морального исправления, не говоря уже о том, что гораздо легче преодолеть чувство страха, чем изменить своим моральным убеждениям. Относительно малая эффективность страха как сдерживающего мотива в несвершении преступления объясняется тем, что недостаточный в интеллектуальном отношении человек, каким обычно является преступник, не так уж долго способен сохранить это чувство, забывая о тех лишениях, с которыми ему пришлось столкнуться в заключении, и что далеко не всегда такое лицо вообще задумывается о наказании перед совершением преступления. Такое отношение к угрозе наказания следует объяснить тем,

что деяния совершают преимущественно люди невежественные, которые не в состоянии здраво смотреть на вещи, правильно рассчитывать выгоды и невыгоды совершаемого поступка.

Все вышеизложенное, разумеется, вовсе не означает, что устрашение лишением свободы теряет всяческий смысл и им не следует пользоваться в проведении уголовной политики. Уголовное наказание является легитимной ответной мерой на преступное поведение. Другая сторона этого аспекта – субъективное восприятие правового воздействия самим осужденным.

В своих исследованиях А.Л. Ременсон установил ряд закономерностей, характерных для определенных групп осужденных, которые оценивают приговор суда как справедливый с точки зрения закона и общепринятой человеческой морали, но в то же время не принимают его с точки зрения своих внутренних убеждений, так называемой «своей морали». В связи с этим они воспринимают наказание как морально безосновательное. В данной ситуации наказание, и в особенности лишение свободы, воспринимается осужденным как временное и обременительное явление. При этом процесс исполнения наказания нередко сопровождается нарушением режима его отбывания. Лица, считающие себя несправедливо наказанными или наказанными слишком сурово, чаще всего конфликтны и не восприимчивы к мерам убеждения [6].

Сущность понятия кары соответствует понятию наказания, которое изложено в ст. 43 УК РФ. Правовой механизм реализации кары через нормы демонстрирует силу потенциала государственного принуждения. Тем самым кару даже в статике нельзя признать целью наказания.

Эффект кары проявляется в способности наказания воздействовать через систему ценностей на интересы личности: на материальное, социальное, семейное положение, репутацию личности, возможность в рамках закона беспрепятственно пользоваться своими правами, использовать фактор свободы на личное благо, а через них на выбор того или иного поведения. Государство, признавая общечеловеческие приоритеты, стимулируя их, через систему уголовно-правовых запретов, систему наказаний, систему принуждений воздействует на сознание и волю своих граждан, ориентируя их на законопослушное поведение.

В динамике кара – это своего рода процесс правореализации, правовой механизм восстановления нарушенных правонарушением правовых отношений. Поэтому при исполнении наказания в виде лишения свободы важна ориентация на характер и степень вреда, причиненного объекту, общественным интересам, охраняемым уголовным законом. Несомненно, при исполнении наказания в виде лишения свободы важна ориентация также и на цели наказания, но при этом особое внимание должно уделяться средствам их достижения, формам и методам работы с осужденными. Изоляция осужденного в исправительном учреждении – это комплекс мер, направленных на исправление осужденного и коррекцию его поведения. Ряд авторов высказывали сомнения по поводу необходимости проведения воспитательной работы в отношении лиц, злостно нарушающих режим, и лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния при особо опасном рецидиве. Думается, что этот подход не совсем правильный. Во всех видах исправительных учреждений обязательно должна проводиться воспитательная работа со всеми категориями осужденных. В противном случае применение кары как фактора принуждения и убеждения теряет свой социальный смысл.

Преступление нарушает социально-психологический и индивидуально-психологический порядок, а также является отрицательным примером морально неустойчивым лицам. А наказание в виде лишения свободы восстанавливает и тот, и другой порядок; оно же нейтрализует действие дурного примера. В результате применения наказания в виде лишения свободы совершенное преступление как бы погашается в общественном сознании в социальной жизни. Наказание в виде лишения свободы погашает также и в индивидуальном сознании чувства тревоги и обиды, вызванные преступлением.

Также нужно учесть воспитательный характер лишения свободы на определенный срок, посредством которого достигаются цели морального и юридического исправления, и учесть экономическую целесообразность исполнения наказания в виде лишения свободы к каждой конкретной группе схожих случаев.

В настоящее время в институте наказания реализованы такие идеи, которые позволяют идти по пути уменьшения числа деяний, относимых законом к преступлению (декриминализация), снижения мер наказания за преступления (депенализация) и замены уголовного наказания административными мерами (деинституализация), что вполне себя оправдывает.

Проблему установления соразмерности в альтернативных санкциях можно решить таким путем: размер штрафа должен увязываться с размером лишения свободы. Наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и ареста не имеют перспективы существования в государстве с рыночными отношениями, о чем и говорит мировая практика.

Конечно, в данной работе рассмотрены далеко не все вопросы, связанные с назначением лишения свободы на определенный срок, а лишь некоторые наиболее проблематичные, а также

те, при решении которых наиболее часто допускаются ошибки. Между тем следует сделать вывод о том, что в ряде случаев ошибки вызваны недостаточным законодательным урегулированием вопросов назначения такого наказания, как лишение свободы на определенный срок, отсутствием наиболее новых, подходящих современным реалиям в Российском государстве периода экономического кризиса способов обобщения судебной практики по рассматриваемым вопросам и оформления их на уровне Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации. Поэтому решение поднятых проблем в законодательстве и разработка соответствующего постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации во многом способствовали бы единообразному и правильному применению законодательства, регулирующего вопросы назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

Ссылки и примечания:

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. 124 с.
2. Ной И.С. Личность и уголовная ответственность. Саратов, 1979.
3. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации (Основные статистические показатели состояния преступности за 2006–2010 и за 2011–2015 гг.).
4. Ременсон А.Л. Вопросы лишения свободы и общее учение о наказании // Материалы научной конференции, посвященной проблемам исправительно-трудового права. Томск, 1961.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2009.
6. Ременсон А.Л. Указ. соч.

УДК 343.131.8

Семенов Григорий Сергеевич

адъюнкт кафедры уголовной политики
Академии управления
МВД России

**ДИНАМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
ОРУЖИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРУЖИЯ,
НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВ –
УЧАСТНИКОВ СНГ С 2006 ПО 2015 Г.**

Аннотация:

В статье приведены данные о динамике преступлений в сфере незаконного оборота оружия, и преступлений, совершенных с использованием оружия, в целом по СНГ и по каждому из государств-участников в отдельности за период 2006–2015 гг. Проанализированы два возможных сценария динамики исследуемых преступлений (оптимистический и пессимистический), утверждается, что использование данных сценариев в деятельности государств – участников СНГ позволит объективно подойти к разработке мер по противодействию незаконному обороту оружия.

Ключевые слова:

государства – участники СНГ, оружие, незаконный оборот, преступления, совершенные с использованием оружия, динамика преступлений.

Semyonov Grigory Sergeyeovich

Postgraduate student, Criminal Policy Department,
Academy of Management,
Ministry of Internal Affairs of Russia

**THE DYNAMICS OF ILLICIT ARMS
TRAFFICKING CRIMES
AND CRIMES COMMITTED
WITH THE USE OF WEAPONS
IN THE TERRITORY OF
THE CIS COUNTRIES
DURING THE PERIOD OF 2006–2015**

Summary:

The article reviews the data on the dynamics of illicit arms trafficking crimes and crimes committed with the use of weapons in the territory of the CIS in general and in each of the member-states during the period of 2006 – 2015. The author has analysed two possible scenarios of the dynamics of the crimes under study (optimistic and pessimistic). It is argued that the use of the scenarios in the activities of the CIS countries will help to approach objectively development of the measures aimed to combat the illicit arms trafficking.

Keywords:

CIS countries, weapon, illicit trafficking, crimes committed with the use of weapons, dynamics of crime.

На заседаниях ООН в ходе обсуждения борьбы с организованной преступностью неоднократно поднималась проблема незаконного оборота оружия [1]. Это подтверждает научную позицию о существенном влиянии общественно опасных деяний в рассматриваемой сфере на общий уровень преступности как в России, так и во всем мире [2, с. 103; 3, с. 123]. При этом на первый план выдвигалась необходимость совместной деятельности государств в борьбе с незаконным оборотом оружия на региональном уровне [4].

На территории постсоветского пространства наиболее тесное сотрудничество по противодействию преступности осуществляется в рамках Содружества Независимых Государств. Оценить эффективность данной борьбы и определить дальнейшие возможные тенденции развития преступности позволит анализ динамики преступлений.

По официальным данным правоохранительных органов государств – участников СНГ, количество выявленных преступлений в сфере незаконного оборота оружия в период с 2006 по 2015 г. снизилось на 29,31 % [5; 6]. Наибольшее снижение показателя зафиксировано с 2014 по 2015 г., однако это обусловлено не уменьшением количества преступлений, а отсутствием данных, предоставляемых Украиной в органы СНГ, ввиду осложнившейся политической обстановки. Без учета показателей Украины с 2006 по 2015 г. в остальных странах СНГ количество зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота оружия снизилось на 9,7 %. Тенденция роста наблюдалась в период с 2006 по 2009 г., когда был достигнут максимальный показатель: выявлено 44 871 преступление, составляющее незаконный оборот оружия. Количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием оружия, с 2006 по 2015 г. в целом снизилось на 36,1 %. Однако более детальный анализ статистики показывает, что тенденция к снижению наблюдалась в период с 2006 по 2010 г., а за последние пять лет уровень преступлений, совершенных с использованием оружия, на территории СНГ вырос на 20,1 %: с 5 925 в 2010 г. до 7 417 в 2015 г.

Таким образом, в анализируемый период при уменьшении количества выявленных преступлений в сфере незаконного оборота оружия наблюдается тенденция к быстрому росту числа преступлений, совершенных с его использованием. Учитывая латентность преступлений в сфере

незаконного оборота оружия и функцию превенции по отношению к преступлениям, совершенным с его использованием, актуальным является установление динамики преступлений в каждой из стран СНГ отдельно с целью определения положительных результатов, которых смогли достичь правоохранительные органы данных государств.

С учетом территориальных, демографических и других различий между государствами, оптимальным методом сравнения с целью выявления положительного опыта является анализ коэффициентов определенных групп преступлений (далее – КП), а также выявленных лиц, совершивших указанные преступления (далее – КЛ), на 100 000 чел. населения каждой из стран в отдельности.

Анализ количества выявленных преступлений в сфере незаконного оборота оружия за последние десять лет показал рост данного показателя во всех странах – участниках СНГ за исключением Российской Федерации и Украины. При этом стабильная динамика роста наблюдалась только в Азербайджанской Республике и Республике Армения. Наиболее высокий уровень КП в сфере незаконного оборота оружия наблюдался в 2009 г. в Российской Федерации и составлял 24,13, а также в Украине за 2008 г. – 25,7. Наименьший показатель в данной группе преступлений наблюдался в Республике Таджикистан в 2009 г. – 0,7.

В исследуемый период КП, совершивших преступления, относящиеся к незаконному обороту оружия, снизился в Республике Казахстан, Российской Федерации, Республике Таджикистан и Украине. При этом стабильная динамика роста наблюдалась только в Республике Армения. Наиболее высокий уровень КП в сфере незаконного оборота оружия наблюдался в 2011 г. на Украине и составлял 21,02, наименьший – в 2006 г. в Республике Молдова.

Увеличение КП с использованием оружия наблюдается в Азербайджанской Республике, Республике Армения, Кыргызской Республике, Республике Узбекистан и на Украине. Наиболее высокие показатели преступлений с использованием оружия зарегистрированы в период с января по декабрь 2006 г. в Республике Беларусь и Республике Казахстан и составляют 9,04 и 12,71 соответственно. Максимальная динамика по снижению зарегистрированных преступлений с использованием оружия наблюдается в Республике Беларусь, где показатель уменьшился в 5,5 раза, а максимальный рост данной группы преступлений (в 9,25 раза) произошел в Республике Армения. Следовательно, увеличение количества установленных лиц, совершивших незаконный оборот оружия, обусловлено скорее не деятельностью правоохранительных органов Армении, а количеством зарегистрированных преступлений с использованием оружия, что нельзя отнести к положительным результатам.

В 2015 г. наиболее высокие показатели по данной категории преступлений зафиксированы в Республике Казахстан (КП – 8,26) и Российской Федерации (КП – 3,69), наименьшие показатели – в Республике Узбекистан (от 0,01 до 0,41). Стоит обратить внимание, что среди государств – участников СНГ наиболее строгие санкции за незаконный оборот оружия установлены именно в Республике Узбекистан. Так, сбыт огнестрельного оружия карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет, в то время как в остальных странах максимальная санкция за сбыт огнестрельного оружия при отсутствии квалифицирующих признаков колеблется от 3 до 7 лет лишения свободы, что, безусловно, влияет на количество совершенных преступлений.

В заключение стоит отметить, что при прогнозировании необходимо учитывать два возможных сценария динамики преступлений в сфере незаконного оборота оружия и преступлений, совершенных с его использованием: пессимистический и оптимистический.

Пессимистический сценарий основывается на ухудшении оперативной обстановки, обострении вооруженных конфликтов в регионе и, как следствие, попадании в незаконный оборот все большего количества оружия, а с учетом развития современных технологий, слабого контроля сети TOR «глубокий интернет» возможно также распространение оружия бесконтактными способами сбыта [7, с. 11–16]. Экстраполирование и структурный анализ позволяют сделать вывод, что к 2020 г. на территории государств – участников СНГ следует ожидать снижения числа выявленных преступлений в сфере незаконного оборота оружия до 31 000 или меньше, а количество зарегистрированных преступлений, совершенных с его использованием, возрастет не менее чем до 8 900.

Оптимистический сценарий базируется на цикличности общественных отношений, усилении контроля за оборотом оружия и каналами его распространения, совместной деятельности государств – участников СНГ по противодействию незаконному обороту оружия, в том числе и в правовой сфере, а также использованию опыта Республики Беларусь и Республики Казахстан, где в анализируемый период наблюдалась тенденция к сокращению преступлений с использованием оружия при росте выявленных преступлений в сфере незаконного оборота оружия. Согласно данному сценарию, к 2020 г. следует ожидать возвращения к показателям 2009 г. по выявленным преступлениям в сфере незаконного оборота оружия и преступлениям с его использованием.

Использование в деятельности государств – участников СНГ двух сценариев динамики исследуемых преступлений позволит объективно подойти к разработке мер по противодействию

незаконному обороту оружия как в рамках международного сотрудничества, так и на уровне каждого из государств в отдельности.

Ссылки и примечания:

1. Стрелковое оружие и легкие вооружения [Электронный ресурс] : докл. Генерального секретаря ООН S/2015/289 от 27 апр. 2015 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/108/22/PDF/N1510822.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.10.2016).
2. Живаев Д.В. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных силах. 2014. № 1.
3. Бычков В.В. Декларативный, административный и криминальный обороты оружия и боеприпасов // Проблемы права. 2015. № 3 (51).
4. Выступление Председателя Исполнительного комитета – Исполнительного секретаря СНГ В.Б. Рушайло на Конференции ООН для обзора прогресса, достигнутого в осуществлении Программы действий по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах и борьбе с ней [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/events/smallarms2006/commonwealth.pdf> (дата обращения: 25.10.2016).
5. По данным Бюро по координации борьбы с организованной преступностью (БКБОП) СНГ («О состоянии преступности и результатах расследования преступлений на территории государств – участников СНГ»).
6. Туркменистан является наблюдателем в БКБОП СНГ и не предоставляет данные о показателях преступности ни в СНГ, ни в ООН.
7. Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3.

УДК 347.214.2

Гучмазова Ольга Гивиевна

аспирант кафедры гражданского
и предпринимательского права
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА НЕЗАКЛЮЧЕННЫМ В СФЕРЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Аннотация:

Статья посвящена анализу современных проблем признания договора незаключенным, которые ярче всего выражаются в сфере сделок с недвижимым имуществом. Выявлены существенные различия между нормами действующего законодательства и сложившейся судебной практикой в части признания договоров незаключенными.

Ключевые слова:

незаключенный договор, недействительный договор, существенные условия договора, сделки с недвижимостью, принцип стабильности гражданского оборота.

Guchmazova Olga Givievna

PhD student,
Civil and Business Law Department,
Russian State Academy of
Intellectual Property

THE PROBLEMS OF DECLARING A CONTRACT VOID IN THE FIELD OF REAL ESTATE TRANSACTIONS

Summary:

The article analyses the contemporary challenges of declaring the contract void, which are most often faced in the field of real estate transactions. The author examines the key differences between the current legislation and the established judicial practice of declaring a contract void.

Keywords:

void contract, invalid contract, essential terms of contract, real estate transactions, principle of civil turnover stability.

Одним из интересных вопросов в современном отечественном гражданском праве, требующих тщательного рассмотрения, является категория незаключенного договора. Наиболее ярко этот аспект отражается в его рассмотрении при именно через призму сделок с недвижимостью.

По мнению автора, институт незаключенного договора является актуальной и до конца не изученной темой. Так как закон не содержит четкого разъяснения связанных с ней положений, приходится пользоваться судебной практикой. Зачастую специалисты путают понятия незаключенного и недействительного договора, а также не понимают разницу в последствиях.

В отличие от российского права, в западных правовых системах не проводится различие между недействительным и незаключенным договорами. Такая позиция обусловлена тем, что и недействительный, и незаключенный договор имеют следствием нуллификацию отношений и переводят стороны в первоначальное состояние.

Таким образом, можно сказать, что результат этих договоров один – прекращение правоотношений, однако достигается он разными путями. Так, для недействительного договора последствием является двусторонняя реституция по смыслу ст. 167 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), а для незаключенного договора – неосновательное обогащение (ст. 1102–1109). Кроме того, не следует забывать, что недействительным договор считается с момента признания его таковым судом и последствия возникнут с этого момента. Вместе с тем в отношении незаключенного договора все указанные в нем последствия: переход прав, оплата, передача имущества и т. д. – будут недействительными, так как договор не заключался вообще.

Следует согласиться с мнением М. Церковникова, который отмечает, что «разница между этими понятиями в следующем: если в договоре не согласованы существенные условия, то договор не заключен. Двусторонней сделки не получилось. В доктрине это называется фактическое несуществование договора (фактическое – потому что стороны не договорились о важнейших условиях, без которых договор не считается заключенным). А если стороны согласовали существенные условия, но договор нарушает требования закона, то он недействителен. В доктрине это называют юридическим несуществованием договора» [1].

Институт незаключенного договора не так подробно регулируется ГК РФ, поэтому данному вопросу посвящено значительное количество разъяснений, данных высшими судебными органами, которые порой не в полной мере согласуются с ГК РФ.

Закон не содержит четкого определения понятия «незаключенный договор», однако упоминание о нем содержится во второй части ГК РФ, а именно в ст. 555 и 654, где сказано, что незаключенным считается договор купли-продажи недвижимости и договор аренды здания или сооружения, если стороны не согласовали цену или арендную плату.

В науке гражданского права выделяются три случая, когда договор считается незаключенным [2]: несогласование существенных условий договора; незарегистрированность договора, требующего государственной регистрации; подписание договора неуполномоченным лицом. Однако судебная практика, полагающаяся на новые принципы частного права, более серьезно относится к восприятию признания договора незаключенным.

Новый подход был сформулирован в Концепции развития гражданского законодательства: «Обеспечению стабильности гражданского оборота и исключению защиты недобросовестных участников оборота могло бы служить последовательное проведение на уровне законодательной политики принципа сохранения однажды заключенного договора. Для этого в общие положения о договоре предлагается ввести ряд законодательных ограничений, в частности предусмотреть следующие специальные правила оспаривания договоров: расширить круг возможных последствий несоответствия договора (сделки) требованиям закона при условии, что применение этих последствий не нарушает общественные интересы и права третьих лиц».

Исходя из указанной позиции видно, что нет смысла признавать договор незаключенным лишь на том основании, что он формально не соответствует закону, но сторонами исполнен, претензий у сторон к друг другу нет, а общественных интересов договор не нарушает.

Следует отметить, что подход Концепции не был реализован в законодательстве в полном объеме, но нашел отражение в судебной практике.

По общим правилам ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если согласован предмет договора. В самом деле, если одна сторона передала другой недвижимость, в случае несогласованности предмета остается непонятным: недвижимость была передана в собственность, в залог или произошло дарение? Аналогичными являются правила, если стороны не согласовали существенные условия, представленные законом, для конкретных видов договоров.

Также договор считается незаключенным, если, к примеру, не согласованы условия, прямо названные в законе для данных видов договоров. К примеру, в п. 3 ст. 607 ГК РФ означено: «В договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды. При отсутствии этих данных в договоре условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не считается заключенным». Руководствуясь формальным подходом Кодекса, такой договор признается незаключенным.

Указанный подход противоречит позиции, изложенной в Концепции развития ГК РФ, а также, по мнению автора, в некотором роде и здравому смыслу. Если договор не причиняет ущерба третьим лицам, не нарушает их интерес, зачем разрушать отношения сторон, признавая такой договор незаключенным?

Логичный выход из этой ситуации содержится, по мнению автора, в информационном письме Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 г. № 165 и основан на принципах стабильности гражданского оборота. В случае наличия спора о заключенности договора суд должен оценивать обстоятельства дела в их взаимосвязи в пользу сохранения, а не аннулирования обязательств, а также исходя из презумпции разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, закрепленной ст. 10 ГК РФ [3].

Далее судьи отметили, что если стороны не согласовали какое-либо условие договора, относящееся к существенным, но затем совместными действиями по исполнению договора и его принятию устранили необходимость согласования такого условия, то договор считается заключенным. Автор считает такой подход справедливым, поскольку если стороны начали исполнять договор, признают его и исполняют, не следует признавать его незаключенным и разрушать отношения сторон из-за формальности.

Таким образом, ВАС применил новый подход, который соответствует позиции, изложенной в концепции ГК РФ.

Сегодня благодаря правовой позиции, сформулированной ВАС, происходит конвалидация («исцеление») сделки. Если стороны согласовали существенные условия договора не в письменной форме, а фактическими действиями, то сделка «исцелена» и такой договор не может быть признан судом незаключенным, что является принципом стабильности гражданского оборота [4]. Такой судебный подход укладывается в логику Концепции развития гражданского законодательства, где сформулирован принцип стабильности гражданского оборота.

Кроме того, по смыслу ГК РФ незарегистрированный договор является незаключенным, что подтверждается п. 3 ст. 433 ГК РФ, согласно которому договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации. Отсюда можно предположить, что если отсутствует государственная регистрация договора, то договор не заключен.

Данная концепция не вписывается в общую модель заключения договора, которая сформулирована ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 433 ГК РФ, договор считается заключенным в момент получения акцепта на оферту. Вместе с тем, согласно ст. 165 ГК РФ, существует возможность

предъявления исковых требований по заключенному, но незарегистрированному договору. К примеру, продавец и покупатель заключили договор купли-продажи недвижимости, но не зарегистрировали его. В таком случае покупатель имеет право подать иск о признании права собственности и обязанности Росреестра зарегистрировать переход права собственности.

Так, в постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 сказано, что сегодня фактические действия имеют приоритет в сделках. По мнению автора, отсутствие регистрации само не влечет за собой незаключенность договора для его сторон, но такой договор не может порождать правовые последствия для третьих лиц.

В п. 14 постановления Пленума ВАС РФ № 13 сказано: «Если судами будет установлено, что собственник передал имущество в пользование, а другое лицо приняло его без каких-либо замечаний, соглашение о размере платы за пользование имуществом и по иным условиям пользования было достигнуто сторонами и исполнялось ими, то в таком случае следует иметь в виду, что оно связало их обязательством, которое не может быть произвольно изменено одной из сторон» [5]. Данная позиция ВАС показывает, что, несмотря на незарегистрированность, для сторон обязательны все условия договора, а именно: взаимные обязательства, сроки, ответственность и т. д.

По мнению автора, суды заняли правильную позицию, состоящую в том, что формальные требования закона о государственной регистрации сделок с недвижимостью не должны превалировать над отношениями сторон, если в отсутствие государственной регистрации такой договор сторонами признан и исполняется.

Таким образом, приходим к выводу, что по сравнению с действующим гражданским законодательством судебно-арбитражная практика последних лет сделала большой шаг вперед, ориентируясь на принцип стабильности гражданского оборота, изложенный в Концепции развития гражданского законодательства. Действительно, полагаем нецелесообразным разрушать отношения сторон по формальным признакам несоответствия Кодексу, если стороны признают и исполняют сделку и к тому же такая сделка не нарушает права третьих лиц. В связи с этим считаем необходимым распространить подобную практику и на иные виды договоров и сделок в рамках гражданского права.

Ссылки:

1. Церковников М. Признание договора незаключенным. Отличия от недействительности и основания по версии ВАС РФ // Юрист компании. 2014. № 5. Май.
2. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. II, полутом 1 / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 105.
3. Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными : информ. письмо Президиума ВАС РФ от 25 февр. 2014 г. № 165 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009.
5. О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 17 нояб. 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» : постановление Пленума ВАС РФ от 25 янв. 2013 г. № 13.

УДК 343

Честнов Николай Евгеньевичсоискатель кафедры уголовного права
Военного университета Минобороны России**ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗА НАРУШЕНИЕ
ПРАВИЛ КОРАБЛЕВОЖДЕНИЯ****Аннотация:***В статье дана общая характеристика порядка кораблевождения и определены подходы к его правовому регулированию, рассматриваются становление и развитие военно-уголовного законодательства об ответственности за нарушение правил кораблевождения.***Ключевые слова:***правила кораблевождения, правовое регулирование, вождение и эксплуатация кораблей, безопасные условия кораблевождения.***Chestnov Nicholay Evgenievich**PhD applicant, Criminal Law Department,
Military University of the Defense Ministry of Russia**LEGAL GROUNDS OF SERVICEMEN'S
CRIMINAL LIABILITY
FOR VIOLATION OF THE RULES OF
MARINE NAVIGATION****Summary:***The article provides general description of the order of marine navigation and defines approaches to its legal regulation. The author discusses development of the military criminal law concerning liability for violations of the navigation rules.***Keywords:***rules of navigation, legal regulation, navigation and maintenance of ships, safe conditions of navigation.*

Правовое регулирование кораблевождения осуществляется как международным, так и российским законодательством, а также ведомственными нормативными правовыми актами.

Рассматривая историю института уголовной ответственности за нарушение правил кораблевождения в непосредственной связи с историей развития уставных требований к военно-морской службе, используя признак историко-правового подхода и политико-правового устройства государства, выделим несколько этапов становления и развития военно-уголовного законодательства об ответственности за нарушение правил кораблевождения:

Первый этап (1606–1720) характеризуется разработкой законодательства о военно-морской службе и применением его в созданном Петром Великим российском флоте.

Первое упоминание о подобных нормативных требованиях встречается в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», написанным Онисимом Михайловым в 1606–1621 гг. [1].

В 1699 г. капитаном корабля «Орел» голландцем Д. Бутлером в Посольский приказ было представлено «Корабельного строя письмо», содержащее фактически правила корабельной службы, известные также как «Артикульные статьи». «Корабельного строя письмо» основывалось на статьях/нормах голландского Морского устава. Большая часть статей этого документа была направлена на поддержание корабля в боевой готовности и определение задач экипажа в бою.

Позднее в России появился новый документ, получивший название «Пять морских регламентов». Его доподлинное содержание неизвестно, как и сведения о дате издания этого, по существу, первого морского устава. Известно, что он был написан на основе сборника морского права под названием «Олеронские свитки», или «Олеронские законы», но значительно дополнен и переосмыслен. В дальнейшем требования к военно-морской службе нашли отражение в инструкции «О порядке морской службы» (1696), «Правилах службы на судах» (1698), «Корабельного строя письме» («Артикульные статьи») (1699), «Инструкциях и артикулах военных Российскому флоту» (1710) и др. [2].

Второй этап (1720–1797) характеризуется принятием Устава морского и применением во флоте Российской империи.

Морской устав стал основой для повседневной и боевой службы моряков тогдашнего регулярного ВМФ России, флота героической эпохи Петра Великого. Некоторые положения первого Морского устава оказались настолько жизненными, что на протяжении всей истории русского и советского ВМФ они остались почти без изменения.

Третий этап (1797–1917) характеризуется совершенствованием и принятием новых уставных документов, регламентирующих деятельность ВМФ, их применением во флоте Российской империи. В 1797 г. был опубликован новый Устав военного флота, существенным образом отличавшийся от петровского. Основные изменения коснулись тактики ведения боя и отражали специфику

британской военно-морской мысли. В 1851 г. был отдельно издан Свод морских уголовных постановлений, состоящий из двух книг: «О преступлениях и наказаниях» и «О военном суде» [3].

В 1867 г. вводится Военно-морской судебный устав, который заменил кн. 2 Свода морских уголовных постановлений (1851). В 1868 г. вводится Военно-морской устав о наказаниях взамен кн. 1 Свода морских уголовных постановлений (1851). В целом же кодификация была полностью окончена лишь в 1886 г.

Нормы наказания за нарушение кораблевождения в Военно-морском уставе о наказаниях (1868) были связаны с нарушением правил военно-корабельной службы чинами, служащими на флоте. Всего Военно-морской устав о наказаниях состоял из 326 статей, содержащих составы воинских преступлений, адаптированных применительно к военно-морской службе, а также дополнительно около 39 специальных составов военно-морских преступлений.

Четвертый этап (1917–1991) характеризуется разработкой и принятием уставных документов, регламентирующих деятельность ВМФ в период после революции 1917 г. и в советский период, а также их правоприменением. В течение 1917–1918 гг. в ВМФ действовали уставные документы, принятые ранее в Российской империи. Первые уставы Советской армии и ВМФ были введены в действие в 1918–1919 гг. В 1921 г. был введен Морской дисциплинарный устав, в большей части сохранивший неизменными общие положения Дисциплинарного устава Красной армии (введенного с января 1919 г.) и учитывающий лишь специфику военно-морской службы.

Первый корабельный устав Советского ВМФ, утвержденный наркомом по военным и морским делам М.В. Фрунзе, был введен в действие 25 мая 1925 г. и назывался «Устав корабельной службы РККФ». В нем нашли отражение идеи о защите страны и повышении боеспособности армии и флота. Устав соответствовал положениям первой Конституции РСФСР (1918). До Великой Отечественной войны, в связи с развитием оружия и технических средств ВМФ, он дважды перерабатывался и переиздавался – в 1932 и 1940 гг.

Содержание каждой новой версии устава, его дух отражали фактическое состояние ВМФ, а также новые условия вооруженной борьбы на море. В их основе лежал опыт, полученный в ходе боевых действий в период Великой Отечественной войны, появление новых классов кораблей, видов оружия и средств вооруженной борьбы на море, выход кораблей ВМФ в Мировой океан, изменения в тактике и оперативном искусстве, организационно-штатной структуре соединений и кораблей и многое другое.

В конце 1980-х гг. вновь назрела необходимость в принципиальном пересмотре некоторых положений действующего Корабельного устава. В 1986 г. появилось второе издание Корабельного устава (1978). Однако быстро меняющаяся обстановка требовала включения в него большого количества новых дополнений и изменений.

Пятый этап (1991 – по настоящее время) характеризуется принятием уставных документов, регламентирующих деятельность ВМФ в период новейшей истории России.

Важно отметить, что фактически в течение 10 лет после распада СССР и изменения политического устройства нашей страны действовали уставные документы ВМФ, относящиеся к советскому периоду. Только лишь 1 сентября 2001 г. приказом ГК ВМФ № 350 был введен в действие новый Корабельный устав, действующий в настоящее время. В ходе изменений подверглись коррекции многие разделы и отдельные статьи Корабельного устава (1978), некоторые из них были даны совершенно в новой трактовке. Однако общая преемственность по отношению еще к первому – петровскому уставу, безусловно, сохранилась.

В настоящее время Корабельный устав ВМФ России не только регулирует внутреннюю жизнь и порядок службы на кораблях и судах ВМФ, других войск, воинских формирований и органов, но, по существу, является сводом кодифицированных морских обычаев и традиций [4].

В соответствии с требованиями ст. 18 Закона СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» (1958) и ст. 254 УК РСФСР (1960) нарушение правил кораблевождения наказывалось лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Указанные нормы действовали до 1 января 1997 г. – момента начала вступления в юридическую силу УК РФ (1996). Согласно УК РФ за нарушение правил кораблевождения была установлена уголовная ответственность по ст. 352, которая предусматривает максимальную санкцию наказания – до 7 лет лишения свободы.

Согласно ст. 254 УК СССР (1960) предусматривалась только ответственность за нарушение правил кораблевождения, повлекшее гибель или серьезные повреждения корабля, человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. Санкция этой статьи предусматривала такое же уголовное наказание, как и санкция ст. 352 УК РФ (1996), – лишение свободы на срок от трех до десяти лет. Отсутствие ответственности за нарушение правил эксплуатации корабля в УК СССР (1960), по мнению автора, являлось правовым пробелом рассматриваемой нормы. Согласно законодательным изменениям от 8 декабря 2003 г., санкция ст. 352 УК РФ была изменена – максимальный срок лишения свободы был уменьшен до семи лет.

Проведенный анализ исторических изменений свидетельствует, что на всем протяжении становления ВМФ в России его развитие непосредственно сопровождалось совершенствованием норм, как обеспечивающих безопасные условия кораблевождения, так и регламентирующих уголовную ответственность за их нарушение. В новейшей истории России ответственность за нарушение правил кораблевождения отражена в ст. 352 УК РФ (1996) [5].

Ссылки:

1. Устав Морской от 13 апреля 1720 года [Электронный ресурс]. URL: http://flot.com/law/ustav_korabelny/1720 (дата обращения: 15.06.2016).
2. Свод морских уголовных постановлений : в 2 кн. СПб., 1851.
3. Там же.
4. Корабельный устав ВМФ. Ст. 133.
5. О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 15 февр. 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

УДК 347.440

Богатырева Аминат Тамерлановна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ставропольского института кооперации (филиала) Белгородского университета кооперации, экономики и права

О РОЛИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос значимости использования системного подхода при изучении природы гражданско-правовых договоров и сущности договорного регулирования. Автор высказывает мнение, что классификация договоров, основанная на использовании системных признаков, способствует решению проблемных вопросов договорного регулирования, облегчает выбор субъектами вида договора, обеспечивает соответствие условий договора содержанию регулируемой деятельности. Таким образом, появляется возможность на научной основе систематизировать законодательство о договорах, повысить согласованность нормативных актов, решить проблемы правоприменительного характера.

Ключевые слова:

системный подход, систематизация, классификация, система, договор, гражданско-правовой договор, системообразующие признаки, тип договора, видовые признаки.

Bogatyreva Aminat Tamerlanovna

Senior Lecturer, Theory and History of State and Law Department, Stavropol Institute of Cooperation (branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

CONCERNING THE ROLE OF THE SYSTEM APPROACH IN THE STUDY OF CIVIL LAW CONTRACTS

Summary:

The article discusses the importance of using the system approach when studying the nature of civil law contracts and the essence of contractual regulation. The author advances an opinion that the classification of contracts based on the system signs helps to solve the problem issues of contractual regulation, facilitates selection of a contract type by subjects, provides compliance of contract terms with the content of regulated activities. Thus, there is an opportunity to systematize the contract legislation on the scientific basis, to increase coherence of regulations, to solve problems of law-enforcement character.

Keywords:

system approach, systematization, classification, system, contract civil law contract, backbone signs, contract type, specific signs.

Накопление законодательного материала и формирование практики его применения побуждают юридическую науку к систематизации имеющихся знаний. Системность знания выступает в качестве существенного признака науки, определяющего довольно жесткую организованность по определенным правилам. Аккумуляция и фиксация знаний, получаемых с использованием системных принципов, способствуют лучшему усвоению сущности исследуемых объектов. Грамотно выстроенная система открывает практически значимые сходства и различия ее элементов и потому позволяет получить истинное представление о содержании явления.

Получаемые системные знания способствуют осмыслению объективно существующей системы права, познанию механизма правового регулирования общественных отношений, созданию оптимальных условий для совершенствования законодательства, в том числе в сфере договорного регулирования [1, с. 63]. Таким образом, системный анализ представляется перспективным направлением в методологии научных исследований [2, с. 232].

В основе системности права находится существование разных по природе, характеру и назначению систем, которые объективны, носят универсальный характер и взаимосвязаны между собой. Это означает, что изучению подлежат сами системы, внутренние, свойственные праву системные связи, а также связь права с другими явлениями.

Понятие «система» может более-менее точно определяться исходя из контекста, области знаний и целей исследования. Главный критерий, определяющий различия в имеющихся определениях исследуемого понятия, видится в его неоднозначности. Его можно использовать как для обозначения объективно существующих феноменов, так и в качестве метода исследования и получения представления об этих самых феноменах, как субъективную модель существующей реальности.

Сказанное выше полностью применимо к системе гражданско-правовых договоров.

Как любая правовая система, система гражданско-правовых договоров формируется объективно и предполагает изучение с целью совершенствования. Изучение системы гражданско-правовых договоров состоит в познании обусловленности возникновения разных договорно-правовых форм объективными факторами развития экономического оборота, существующей системой самих экономических отношений.

Система договоров базируется на разных классификационных признаках, обуславливающих основные характеристики правового регулирования. К таким характеристикам относятся: особенности предмета договора, специфика субъектного состава его участников и т. п. Формирование оптимальной системы договорного регулирования (как системы определенной группы обязательственных правоотношений) способствует решению ряда фундаментальных и прикладных, в частности правотворческих, задач и в конечном итоге позволяет выстроить эффективную систему договорного права, опирающуюся на специфику частноправового регулирования.

Качество договорно-правового регулирования напрямую зависит от правильной квалификации признаков обязательственного правоотношения, возникающего из того или иного договора, определяющих использование конкретных методов регулирования, и от четкости и корректности отражения этих признаков в нормах договорного права.

Представляется, что учет признаков, образующих систему гражданско-правовых договоров, позволяет, с одной стороны, создавать отдельные группы договоров с различной правовой регламентацией и, с другой, объединять договоры, имеющие общие признаки и регламентируемые единообразно. Таких признаков [3, с. 561] множество, и они могут дополнять друг друга. На законодательном уровне требуется решить задачу оптимального сочетания договорно-правового регулирования при наличии в договорных правоотношениях различных системных признаков и с учетом принципов формирования системы договоров.

Очевидно, что построенная на основе системного подхода подотрасль обязательственного (договорного) права существенно облегчает восприятие буквы закона и оказывает реальную помощь в формулировании правовых суждений, касающихся сущности самого закона, способствует уяснению основ того правопорядка, который является целью законодателя.

Полагаем, что научно обоснованная система договоров необходима прежде всего для выявления специфики отдельных договорных отношений и выработки критериев правовой регламентации, адекватной регулируемым отношениям.

Формирование системы договоров значимо для правотворчества еще и с точки зрения облегчения процесса кодификации законодательства. Кодификация, проведенная на основе системного подхода, способствует не только оптимизации, но и унификации правового регулирования. Системный подход к исследованию правового материала указывает границы действия элементов системы (каждой правовой нормы), определяет взаимодействие и взаимозависимость отдельных норм. Только такая систематизация может считаться кодификацией в истинном значении термина [4, с. 264]. Кодификация законодательства – это внешнее выражение и отражение в нормативно-правовом акте объективно существующей системы права.

Качество законодательства во многом зависит от ясности языка, которым излагаются законы, от четкости и однозначности используемой терминологии, от соответствия терминов и понятий тому, что они означают. Качественная система гарантирует правильное формулирование понятий и использование терминов, не допускает двусмысленности и неоднозначности в научном языке.

Законодательство, сформированное на базе научно обоснованной системы, будет эффективным лишь при условии его адекватного применения, поскольку сведение договоров в качественную систему направлено в первую очередь на оптимизацию правоприменительного процесса.

Применение права должно отвечать духу и букве закона. Правовые нормы важно применять исключительно к тем отношениям, для урегулирования которых они созданы. Следовательно, в процессе применения права наши представления о системе договоров должны в полной мере соответствовать той системе, которая смоделирована в законодательстве.

Правоприменительная квалификация реальных правоотношений обязательно должна соответствовать системным признакам, взятым за основу при создании правовых норм. Иными словами, на основе выделения в этих отношениях системных признаков нужно применить к ним те конкретные правовые нормы, которые создавались для регулирования именно этих договорных отношений. При этом важно учитывать правило, в соответствии с которым правоприменительная квалификация достигает цели лишь в случае ее совпадения с квалификацией правотворческой. Соответственно, первостепенная задача правоприменителя состоит в определении тех общественных отношений, которые, по замыслу законодателя, должны регулироваться конкретными правовыми нормами, и выработке на этой основе практических критериев для выделения возникающих правоотношений в точном соответствии с критериями, предложенными законодателем.

Практика показывает, что договоры в рыночных условиях чрезвычайно разнообразны по своему назначению и содержанию. Раздел IV Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «Отдельные виды обязательств» содержит традиционную для гражданского права систему договоров, различающихся в основном по целевому назначению [5]. Заметно, что ведущую роль в этой системе законодатель отводит наиболее значимым для оборота и распростра-

ненным договорам, имеющим целью отчуждение и приобретение имущества (договор купли-продажи и его виды), затем следуют договоры с целью временного пользования чужим имуществом (договор аренды и его виды, договор безвозмездного пользования), договоры о выполнении работ и оказании услуг (договор подряда, перевозки, хранения, страхования, транспортной экспедиции), договоры в сфере совершения денежных операций, договоры о представительстве и т. п. Отдельные нормы о договорах можно найти в разделах общей части ГК РФ (например, главой 23 «Обеспечение исполнения обязательств» регламентируются договоры залога (§ 3) и поручительства (§ 5)). Систематизация договоров по типам является общепринятой и базовой для дальнейшей классификации договоров по видам в зависимости от их юридических особенностей.

Видовые признаки договоров прописаны в нормах ГК РФ и могут быть характерны для всех типов договоров либо присущи отдельным из них. Видовая специфика положена в основу деления гражданско-правовых договоров на возмездные и безвозмездные, реальные и консенсуальные, используется для выделения договоров в пользу третьего лица и предварительного договора. Более детальное дробление видовых особенностей позволяет выделять договоры, связанные, к примеру, с формой заключения (письменные и устные), сроком исполнения (длительные и разовые).

Анализ нормативного закрепления видовых характеристик различных договоров показывает значительное их влияние на содержание и правовую регламентацию гражданско-правовых договоров. Так, заключаемые на безвозмездной основе договоры отличаются от возмездных договоров упрощенной регламентацией и меньшей строгостью ответственности. В отдельных случаях признак безвозмездности договора позволяет законодателю квалифицировать его как договор особого типа (например, к таковым отнесен договор безвозмездного пользования имуществом (нормы гл. 36 ГК РФ)).

Выделение на законодательном уровне возмездных и безвозмездных договоров производится в рамках общей видовой классификации и закреплено в норме ст. 423 ГК РФ. В возмездном договоре каждая сторона получает определенное имущественное предоставление, в безвозмездном договоре одна из сторон такое встречное предоставление не получает. Большинство договоров являются возмездными, и, согласно п. 3 ст. 423 ГК РФ, договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное.

Другим устоявшимся видовым признаком считают момент, определяющий начало действия договора, выделяя при этом три вида договоров: консенсуальные, реальные, формальные (ст. 433 ГК РФ).

Наличие соглашения при вступлении сторон в договорные отношения является по общему правилу тем необходимым правовым минимумом, который позволяет получить требуемый юридический результат, определяемый как основание (causa) договора [6, с. 194], так как все последующие действия контрагентов по исполнению уже заключенного договора направлены именно на это. Консенсуальные договоры характеризуются тем, что считаются заключенными в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта (п. 1 ст. 433 ГК РФ). Поэтому большинство договоров относятся к категории консенсуальных, что отвечает природе договорных отношений и облегчает их установление.

Вместе с тем существуют отдельные договорные отношения, содержание которых требует дополнительного обеспечения интересов их участников на стадии возникновения обязательства. В таких случаях одного соглашения недостаточно. В соответствии с нормой п. 2 ст. 433 ГК РФ, для заключения реального договора требуется передача имущества (совершение юридически значимых действий, «активирующих» договорное правоотношение). Состав такого правоотношения относится к категории сложных, поскольку входящие в него юридические факты выстраиваются в определенной последовательности: сначала достигается соглашение между сторонами, после чего совершаются действия, например, по передаче имущества. Реальными являются договоры, для которых законом прямо определена необходимость передачи вещи в качестве условия его вступления в силу. Примерами таких договоров являются договоры займа (ст. 807 ГК РФ), хранения (п. 1 ст. 886 ГК РФ), перевозки груза (п. 1 ст. 785 ГК РФ).

Однако деление договоров на консенсуальные и реальные не всегда оказывается достаточным для определения начала действия договора. Речь о тех случаях, когда цель договора является его составным элементом. В таких договорах цель приобретает особую значимость, и невозможность ее достижения либо отступление от нее служат достаточным основанием для признания договора незаключенным. Примерами, иллюстрирующими такие ситуации, могут служить случаи оспаривания договора займа по безденежности (ст. 812 ГК РФ), наличия обстоятельств, с очевидностью свидетельствующих о невозможности возвращения предоставленной заемщику суммы в установленный срок или невозможности достижения цели, указанной в договоре, в силу нарушения заемщиком обязанности целевого использования кредита (ст. 821 ГК РФ). В таких ситуациях результатом станет признание договора незаключенным.

К формальным договорам относят такие сделки, которые приобретают юридическое значение после государственной регистрации (п. 3 ст. 433 ГК РФ). Пунктом 3 ст. 433 ГК РФ определено, что такие договоры считаются заключенными не с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям (консенсуальный договор) и не с момента передачи вещи (реальный договор), а после государственной регистрации. Это немногочисленная группа договоров, включающая в основном договоры, направленные на установление прав на недвижимость (ст. 131 ГК РФ), а также договоры, требующие оформления у нотариуса (например, договоры аренды).

Значительной спецификой обладают договоры, заключаемые в пользу третьего лица. Основной видообразующий признак таких договоров усматривается в особой обязанности должника исполнить договор не в отношении кредитора, а третьему лицу. Таким образом, именно третье лицо приобретает право требовать от должника исполнения обязательства по такому договору (ст. 430 ГК РФ). При этом должник приобретает право выдвигать против требований третьего лица те возражения, которые он бы выдвинул против кредитора, а в случае отказа третьего лица от предоставленного ему по договору права этим правом может воспользоваться сам кредитор. Некоторые договоры являются таковыми в силу прямого указания закона (договор перевозки груза), другие становятся договорами в пользу третьего лица в силу включения в заключаемое соглашение соответствующего условия (договор страхования).

Определенной новеллой действующего ГК РФ является подробная регламентация предварительного договора (ст. 429 ГК РФ), получившего в условиях рынка широкое применение. В силу такого договора стороны принимают на себя обязательство заключить в будущем основной договор на тех условиях, которые содержит предварительный договор. Предварительный договор заключается в письменной форме под страхом его недействительности при несоблюдении этого требования. В предварительном договоре большое значение приобретает условие о сроке заключения основного договора. Если срок в предварительном договоре не определен, основной договор подлежит заключению в течение года с момента заключения предварительного договора.

Закон содержит указания на последствия уклонения стороны предварительного договора от заключения основного договора. В таких случаях заинтересованная сторона приобретает право на обращение в суд для понуждения уклоняющейся стороны к заключению основного договора и возмещения убытков, понесенных в связи с необоснованным уклонением контрагента от заключения основного договора (п. 5 ст. 429, п. 4 ст. 445 ГК РФ).

Обновленный ГК РФ предусматривает для некоторых часто применяемых договоров важные видовые свойства, позволяющие выделять в системе договорных отношений публичный договор (ст. 426 ГК РФ) и договор присоединения (ст. 428 ГК РФ). Нормы, регламентирующие эти договоры, по существу обеспечивают ограничение принципа свободы договора и приносят отдельные отступления в начала юридического равенства субъектов частного права, преследуя цель защиты слабой стороны правоотношения.

Предприниматель как более сильная сторона публичного договора обременяется следующими обязанностями и запретами: заключить договор с любым обратившимся к нему для этого лицом; установить одинаковые цену и иные условия для всех потребителей (за некоторыми исключениями, касающимися льготников); не понуждать потребителя к заключению соответствующего договора.

В соответствии с п. 3 ст. 426 ГК РФ, потребитель имеет возможность в судебном порядке заставить предпринимателя заключить такой договор. Соответственно, здесь для предпринимателя исключается действие принципа свободы договора относительно возможности выбора контрагента и определения условий договора. Это могут быть договоры различных типов, соответствующие признакам, установленным указанными нормами ГК РФ.

Договор присоединения, являясь по сути специфическим способом заключения договора, не отождествляется с понятием публичного договора. Смысл договора присоединения видится в желании законодателя предоставить потребителю большую, по сравнению с обычной, возможность его изменения или расторжения. Присоединившаяся к договору сторона приобретает возможность добиваться изменения или расторжения такого договора, несмотря на формальную законность его содержания, в ряде случаев: если она при этом лишается прав, обычно предоставляемых по аналогичным договорам; если другая сторона исключает или ограничивает свою ответственность по договору; если в договоре содержатся иные, явно обременительные для присоединившейся стороны условия (п. 2 ст. 428 ГК РФ). Такое законодательное решение призвано служить защите интересов массовых потребителей, прежде всего граждан, обычно находящихся по отношению к профессиональным предпринимателям в заведомо более слабом положении.

Обобщая сказанное, считаем возможным отметить следующее:

– Систематизация накапливаемых научных знаний и практического опыта правоприменительной деятельности обусловлена стремлением к усвоению глубинной сущности исследуемого объекта и получению более точного представления о возможностях его использования и правовой регламентации.

– Основу системности права в целом и договорного права в частности составляют различные по природе, характеру и назначению системы (включая подсистемы), которые объективны, носят универсальный характер и взаимосвязаны между собой. Это означает, что изучению подлежат сами системы, внутренние, свойственные праву системные связи, а также связь права с другими явлениями.

– Объективность формирования системы гражданско-правовых договоров видится прежде всего в обусловленности возникновения разных договорно-правовых форм факторами развития экономического оборота, существующей системой самих экономических отношений.

– В основе построения системы гражданско-правовых договоров лежат системные (системообразующие) признаки, обуславливающие главные характеристики объекта и особенности правового регулирования. При этом происходит формирование оптимальной системы договорного регулирования (как системы определенной группы обязательственных правоотношений), что способствует решению ряда фундаментальных и прикладных, в частности правотворческих, задач и в конечном итоге позволяет эффективно использовать механизм договорного права, опирающийся на специфику частноправового регулирования.

Ссылки:

1. Берус В.В., Григоров Е.В., Ушаков П.В. Категории и принципы философского осмысления мира : учеб. пособие. Барнаул, 2004.
2. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2011.
4. Гражданское право : учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 1996. Ч. I.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 23 мая 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Кориков А.М., Павлов С.Н. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие. Томск, 2007.

УДК 347:004

Инюшкин Андрей Алексеевич

ассистент кафедры социальных систем и права
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева

**ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ,
БАЗЫ ДАННЫХ И САЙТЫ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В СИСТЕМЕ
ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

Аннотация:

Работа посвящена комплексному исследованию высокотехнологичных объектов авторского права. Проводится системный анализ регулирования IT-продуктов, выявляются основные методы работы с высокотехнологичными произведениями в гражданском обороте. Устанавливаются основные критерии допустимости участия программных продуктов в условиях хозяйственного оборота.

Ключевые слова:

IT-продукт, базы данных, программы для ЭВМ, сайт в сети Интернет, составные произведения, авторское право, интеллектуальные права, интеллектуальная собственность.

Inyushkin Andrey Alexeyevich

Assistant,
Social Systems and Law Department,
Samara National Research University

**COMPUTER SOFTWARE,
DATABASES
AND INTERNET SITES
IN THE SYSTEM OF
INTELLECTUAL PROPERTY LAW**

Summary:

The article deals with the complex research of high-tech objects of copyright. The author carries out a system analysis of IT products regulation and identifies the main ways of working with the high-tech products for civilian purposes. The paper establishes the basic eligibility criteria for software products participation in the conditions of economic turnover.

Keywords:

IT product, database, computer software, Internet site, composite works, copyright, intellectual property rights, intellectual property.

Развитие современного хозяйственного оборота активно влияет на различные сектора экономики. При этом наибольший прогресс в развитии демонстрирует рынок информационных услуг. С точки зрения правового регулирования хозяйственного оборота в этой сфере следует выделять три основных объекта авторского права.

Хронологически первым законодательно закрепленным высокотехнологичным объектом авторских прав стали компьютерные программы, которые в отечественной системе права получили наименование «программы для ЭВМ». Они охраняются как произведения литературы, и подобный подход отечественного законодателя соответствует основным мировым практикам регулирования в IT-сфере.

Основное внимание при анализе данного высокотехнологичного произведения следует обратить на спорные моменты в законодательстве, связанные с определением компьютерных программ в системе отечественного права интеллектуальной собственности. Так, при создании компьютерных программ правовой охране подвергается творческий результат, обладающий новизной. Эти программы для ЭВМ существенно отличаются от объектов патентного права, к которым применяются другие критерии. В частности, при проверке на уникальность объектов патентного права законодатель предусмотрел критерий сравнения с существующим уровнем техники, то есть для проверки на уникальность не требуется устанавливать творческий аспект, достаточно сравнить с ранее созданными произведениями. Следует также заметить, что при наличии отдельных уникальных элементов компьютерной программы либо их уникальном сочетании программа в целом защищена авторским правом [1, с. 7].

Неизменно вызывающим научные дискуссии остается вопрос о терминологии существующего нормативного регулирования IT-продуктов. Особую актуальность в этих спорах вызывает отечественный легальный термин «программы для ЭВМ». Большинство стран мира до настоящего времени в своем правовом поле реализуют термин «компьютерная программа». Следует признать, что термин «программа для ЭВМ» шире, чем «компьютерная программа», что в условиях активного развития IT-сферы и разработки портативных средств вычислительной техники позитивно сказывается на отечественном правоприменении.

Вторым охраняемым законом объектом интеллектуальной собственности, включенным в отечественное законодательство, стали базы данных. В отличие от существующих мировых практик регулирования баз данных с помощью режима «права особого рода» или «специального права» (*sui generis*), внедренного в мировой гражданский оборот в Директиве 96/9/ЕС Европей-

ского парламента и совета от 11.03.1996 г. «О правовой охране баз данных», отечественное правовое регулирование закрепило за базами данных режим авторских и смежных прав. Следует признать, что реализованная в указанной Директиве модель правового регулирования ставила своей целью соблюдение интересов изготовителей баз данных, не вкладывающих творческого труда в процесс создания, однако инвестирующих в них. Комплексный анализ правовых норм Директивы и § 5 гл. 71 ГК РФ позволяет прийти к заключению о том, что они составлены по аналогии друг с другом. Таким образом, отечественный законодатель включением в часть четвертую ГК РФ прав изготовителя баз данных пытался решить те же задачи, что и страны ЕС.

Как и в случае с терминологией компьютерных программ, определение баз данных также вызывает научный интерес. Так, базы данных в отечественной правовой системе представляют собой составное произведение, имеющее законодательную взаимосвязь с другими ИТ-продуктами, прежде всего с ЭВМ [2, с. 135]. Определение баз данных, изложенное в законе, предусматривает обработку информации, содержащейся в базе, с помощью ЭВМ. Следовательно, правовая охрана предусматривается не только для материалов, включенных в базу данных, но и для разработанного программного продукта, обеспечивающего указанную взаимосвязь. Вероятно, под таким продуктом следует понимать систему управления базой данных, адаптированную под конечные потребности пользователя, однако прямых законодательных отсылок к такому толкованию нет. В связи с этим спорным остается соотношение интеллектуальных прав авторов-разработчиков, отвечающих за взаимосвязь с ЭВМ, и авторов-составителей.

Системный анализ высокотехнологичных объектов интеллектуальной собственности позволяет определить систему управления базами данных в качестве отдельного охраняемого авторского произведения. При этом, скорее всего, им будет являться программа для ЭВМ. Следовательно, база данных представляется составным произведением в контексте не только содержания, но и формы ее выражения. Значимым видится регулирование вопросов соотношения смежных прав изготовителя с авторскими правами на базу данных. Следует заметить, что специальных правовых норм законодатель в этой сфере не выделяет. Таким образом, могут возникнуть споры между обладателями исключительных авторских и смежных прав, связанные с их разграничением. Вероятно, в каждом случае они будут решаться индивидуально, исходя из объема ресурсов, затраченных на разработку каждым из субъектов.

При анализе баз данных в системе права интеллектуальной собственности необходимо также обратить внимание на взаимосвязь с интернет-пространством. До включения в хозяйственный оборот сайтов в сети Интернет их функцию внедрения в гражданский оборот выполняли базы данных. Судебная практика зачастую выделяла интернет-сайт в качестве базы данных, при этом с технической точки зрения база данных интернет-сайтом не является. С внесением недавних изменений в часть четвертую ГК РФ, вероятно, подобная практика постепенно завершится.

Третьим высокотехнологичным объектом авторских прав, включенным в современный гражданский оборот на территории России, стал сайт в сети Интернет. Данный объект интеллектуальной собственности был включен в статью, регламентирующую составные произведения, и тем самым стал объектом авторских прав наряду с базами данных. Научные дискуссии по поводу рассматриваемого результата интеллектуальной деятельности велись давно, и его включение в отечественный гражданский оборот не явилось для его участников чем-либо принципиально новым [3, с. 38–40; 4, с. 56–58; 5, с. 25].

Внедрение его в хозяйственный оборот, бесспорно, стало положительным моментом в отечественном регулировании интеллектуальной собственности. Следует заметить, что сайт в сети Интернет в отечественном праве был известен и до его включения в качестве составного произведения в систему высокотехнологичных произведений, однако он регламентировался Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – № 149-ФЗ). Специальный правовой акт в сфере оборота информации имеет ограничения по поводу его реализации в гражданских правовых отношениях, следовательно, эффективного регулирования отношений, связанных с использованием сайтов в сети Интернет, достичь не удавалось.

Следует констатировать, что законодательное определение термина «сайт в сети Интернет» осталось в сфере регулирования № 149-ФЗ. Несмотря на это, включение в часть четвертую ГК РФ данного объекта интеллектуальной собственности позволило решить базовые вопросы правовой классификации этого высокотехнологичного интеллектуального продукта в гражданских правовых отношениях. В частности, законодательно разграничены базы данных и интернет-сайт в системе права интеллектуальной собственности.

Проводя системный анализ сайта в сети Интернет, необходимо заметить, что, являясь составным произведением, подобно базам данных, указанный объект интеллектуальной собственности включает в себя программы для ЭВМ. Подобный вывод подтверждается также легальной

дефиницией, изложенной в № 149-ФЗ. Более того, определение, изложенное в данном нормативно-правовом акте, говорит о совокупности программ для электронных вычислительных машин и иной информации. Следовательно, в качестве произведений, включенных в сайт, должны выступать две или более компьютерные программы.

Спорным для эффективного включения интернет-сайта в гражданский оборот видится указанная в определении сайта «информация». Информация выведена законодателем из объектов гражданских прав, таким образом, ее участие в качестве неотъемлемого элемента объекта интеллектуальной собственности представляется весьма нестандартным. Вероятно, в данном случае критерий формирования составного произведения из иных объектов авторского права будет выполняться за счет программ для ЭВМ, уместно помещенных в определение сайта в сети Интернет.

Повсеместное распространение сети Интернет и ее доступность, несомненно, порождают новые гражданские правовые отношения. Следовательно, в скором времени можно ожидать наступления нового этапа в развитии правового регулирования объектов авторских прав, порождаемых IT-сферой.

Ссылки:

1. Гаврилов Э.П. Совершенствование законодательства об интеллектуальной собственности: есть проблемы // Патенты и лицензии. 2015. № 12. С. 2–8.
2. Инюшкин А.А. Особенности термина «база данных» в праве интеллектуальной собственности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 135–137.
3. Кондратьева Е.А. Интернет-сайт – «новый» объект авторских прав // Юрист. 2014. № 12. С. 38–40.
4. Инюшкин А.А. Соотношение сайта в сети Интернет и базы данных // Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества. М., 2015. С. 56–58.
5. Калятин В.О. Интернет-сайт как объект исключительных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2004. № 2. С. 25–28.

Порядок и условия публикации

Порядок публикации:

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
4. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью при отсутствии рецензии, не соответствующую профилю журнала или оформленную с нарушением порядка и условий публикации. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Никакие материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.
6. Публикация статьи происходит в соответствии с графиком выхода журнала, в котором определяются сроки приема материалов и их выход. График выхода журнала размещен на сайте www.dom-hors.ru.
7. Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Условия публикации:

1. Стоимость 1 страницы (оформленной в соответствии с Порядком и условиями публикации) – 1 100 руб. В стоимость публикации входят: рецензирование статьи редакционным советом журнала, редакторская обработка статьи, верстка печатного варианта журнала, размещение статьи на сайте журнала www.dom-hors.ru, работа по регистрации очередного номера журнала в ООО «Научная электронная библиотека» (РИНЦ), UlrichsWeb, EBSCO, Index Copernicus, Citefactor, InfoBase Index и других. О второй и последующей публикациях авторам необходимо сообщать при подаче новой статьи.
2. При оформлении отношений выставляется счет-договор, квитанция (для оплаты через Сбербанк России или другой удобный банк). Также возможна оплата через юридическое лицо.
3. Статьи принимаются в соответствии с Порядком и условиями публикации (<http://dom-hors.ru/poryadok-i-usloviya-publikacii/>):
 - через онлайн-заявку – <http://dom-hors.ru/onlayn-zayavka/>;
 - при наличии рецензии (скана) на статью (если нет возможности провести рецензирование статьи – редакция имеет возможность Вам в этом помочь);
 - при наличии результата проверки на недобросовестные заимствования через программу Advego Plagiatus (с результатом не менее 80 % уникальности);
 - объем статьи должен быть 6–15 страниц;
 - количество авторов статьи не должно превышать двух человек.
4. Оплата за публикацию статьи осуществляется только после сообщения редакцией о принятии рукописи к публикации и производится по присланному редакцией счету-договору и квитанции.
5. Почтовая доставка оплачивается дополнительно и составляет 500 руб. для авторов, проживающих в России, и 1 000 руб. – для авторов из стран ближнего зарубежья.

Оформление публикации:

1. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
2. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы. Заголовок следует помещать над таблицей без точки в конце. Таблицу необходимо располагать после текста, в котором она упоминается впервые, или на следующей странице. Ссылка на таблицу в тексте обязательна – она должна находиться до момента представления самой таблицы. Ссылка должна органически входить в текст, а не выделяться в самостоятельную фразу, повторяющую тематический заголовок таблицы. Нумерационный заголовок (таблица 1) и название таблицы располагаются слева, без абзацного отступа. Заголовки и подзаголовки граф должны быть подписаны.
3. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть не менее 6 страниц.
4. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 – код УДК;

- 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 3 – ученая степень, ученое звание;
 4 – должность, место работы (если таковое имеется). Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы и должность без каких-либо сокращений;
 5 – контактная информация (почтовый адрес, по которому можно выслать экземпляр журнала; e-mail, телефон – для оперативной связи с автором);
 6 – название статьи;
 7 – аннотация объемом 5–10 строк с краткой характеристикой содержания работы, изложением основных выводов и результатов;
 8 – ключевые слова по содержанию статьи (8–10 слов или словосочетаний). Каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой;
 9 – ссылки. Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются. Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.
 5. Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографический список, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках номер, под которым оно значится в библиографическом списке, и страницы, а в необходимых случаях – том (выпуск, часть и т. д.), например: [1, т. 2, с. 25]. Несколько подряд идущих ссылок отбиваются знаком «;», например: [1; 2; 3]. Примечания указываются в затекстовом списке источников. Пристатейный библиографический список литературы размещается после текста статьи, предваряется словом «Ссылки» и / или «Примечания», оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке), нумеруется. При ссылке на данные, полученные из сети Интернет, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: URL: <http://www.teoria-practica.ru/> (дата обращения: 22.01.2011). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же.» или «Ibid.» (для документов, применяющих латинскую графику). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или «Op. cit.» (для документов, применяющих латинскую графику). При этом указывается страница цитирования, например: «Там же. С. 250.» или «Иванов Г.П. Указ. соч. С. 13.».

6. Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

Примеры библиографических ссылок:

1. Proffer K. The Silver Age of Russian Culture. Michigan Un., 1975 ; Boulton G. The Silver Age: Russian Art of the Early 20th Century and the "World of Art Group". Calif. Un., 1979.
2. Кассу Ж. Энциклопедия символизма. М., 1998 ; Пайман А. История русского символизма. М., 1998.
3. История русской литературы. XX век: Серебряный век. М., 1995.
4. См.: Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х гг. М., 1988 ; Его же. Художественная жизнь России начала XX в. М., 1976 ; Неклюдова М.Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX в. М., 1991.
5. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 305. Л. 32–35.
6. См.: Руднев В.П. Словарь культуры XX в. М., 1997 ; Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997 ; Власов В.Г. Стили в искусстве: словарь: в 3 т. СПб., 1995 ; The Cambridge History of Russian Literature. Camb. Un. Press, 1992 и др.
7. Милюков П.Н. Живой Пушкин. М., 1997.
8. Оцуп Н.А. Современники: воспоминания. Париж, 1961.
9. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000.
10. Вести. 1909. № 1.
11. Там же.
12. Дирина А.И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право: сетевой журнал. 2007. URL: <http://www.voennoopravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).
13. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

Пример оформления статьи:

УДК 000.00

Фамилия Имя Отчество

соискатель кафедры экономики Государственного университета

тел.: (000) 000-00-00

1234567@mail.ru

350000, г. Краснодар, ул. Молодежная, 139

Название статьи

Аннотация: Текст объемом 5–10 строк об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах.

Ключевые слова: 8–10 слов или словосочетаний по выбранной теме.

Surname Name Patronymic

PhD applicant of the Economic Department, State University

tel.: (000) 000-00-00

1234567@mail.ru

The title of the article

Summary: The text of 5–10 lines on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects.

Keywords: 8–10 words or phrases on a selected topic.

Текст статьи [1, с. 111]. Текст статьи [2].

Ссылки и примечания:

1. Фамилия И.О. Название работы. М., 2000.

2. Примечание к тексту статьи.

Таблица 1 – Название таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст
Текст	Текст	Текст	Текст

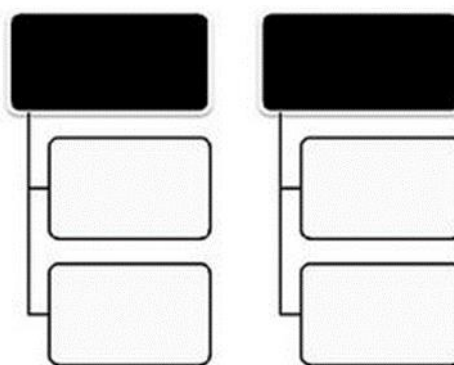

Рисунок 1 – Название рисунка

*Приложение № 2 к Приказу директора
ООО Издательский дом «ХОРС»
№ 12 от 28.10.2015 г.*

Порядок рецензирования публикации:

1. Статьи студентов, бакалавров, магистрантов, аспирантов, соискателей и кандидатов наук, а также докторов наук, публикующихся совместно с указанными категориями авторов, принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией научного руководителя или ведущего специалиста в соответствующей отрасли науки, заверенной подписью и печатью организации, в которой он работает. Рецензент несет ответственность за предоставляемую на рукопись рецензию.

2. Все поступающие в редакцию материалы, соответствующие тематике издания, направляются на научное рецензирование для экспертной оценки. Рецензирование проводится специалистами по тематике рецензируемых журналов – докторами или кандидатами наук с ученой степенью в соответствующей номенклатуре специальностей отрасли науки и / или группе специальностей научных работников. Все утвержденные редакцией рецензенты являются признанными специалистами в рецензируемой области и имеют публикации по тематике рецензируемого научного материала в течение последних трех лет. Все рецензии соответствуют общепризнанным в научной среде критериям и оформляются в установленном законом порядке.

3. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании внешней и внутренней оценок специалистов в соответствующей отрасли науки с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности. В случае, если рецензия содержит ряд замечаний, автору направляется сканированная копия рецензии. Автор должен учесть все замечания и внести изменения, указав место, в электронный вариант текста, после чего статья возвращается в редакцию, где повторно рецензируется. При несогласии с рецензентом автор должен кратко и четко обосновать свою позицию. Рукопись, получившая отрицательные отзывы, может быть опубликована по решению редакционного совета.

4. При положительном рецензировании рецензия направляется автору в сканированном виде по запросу. При отрицательном результате рецензирования автору направляется мотивированный отказ.

5. Все рецензии, поступающие от авторов и рецензентов, находятся на постоянном хранении в редакции с момента учреждения журнала.

6. При поступлении соответствующего запроса редакция направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

График выхода журналов и приема статей

2016

«Теория и практика общественного развития», «Общество: философия, история, культура»		
	прием статей	выход журнала
№ 12	до 30 ноября	15 декабря

«Общество: политика, экономика, право», «Общество: социология, психология, педагогика»		
	прием статей	выход журнала
№ 11	до 15 ноября	30 ноября
№ 12	до 15 декабря	30 декабря

2017

«Теория и практика общественного развития», «Общество: философия, история, культура»		
	прием статей	выход журнала
№ 1	до 29 декабря	15 января
№ 2	до 31 января	15 февраля
№ 3	до 28 февраля	15 марта
№ 4	до 31 марта	15 апреля
№ 5	до 27 апреля	15 мая
№ 6	до 31 мая	15 июня
№ 7	до 30 июня	15 июля
№ 8	до 31 июля	15 августа
№ 9	до 31 августа	15 сентября
№ 10	до 29 сентября	15 октября
№ 11	до 31 октября	15 ноября
№ 12	до 30 ноября	15 декабря

«Общество: политика, экономика, право», «Общество: социология, психология, педагогика»		
	прием статей	выход журнала
№ 1	до 16 января	30 января
№ 2	до 15 февраля	28 февраля
№ 3	до 15 марта	30 марта
№ 4	до 14 апреля	30 апреля
№ 5	до 15 мая	30 мая
№ 6	до 15 июня	30 июня
№ 7	до 14 июля	30 июля
№ 8	до 15 августа	30 августа
№ 9	до 15 сентября	30 сентября
№ 10	до 16 октября	30 октября
№ 11	до 15 ноября	30 ноября
№ 12	до 15 декабря	30 декабря

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Редакторы: Л.Н. Хорева,
К.С. Тальчук
Оригинал-макет: Я.А. Шаповалова,
М.П. Дюжева

Сдано в набор 28.10.2016
Подписано в печать 30.10.2016
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ № 370

г. Краснодар, ул. Гоголя, 46
тел./факс: 8 (861) 259-22-07

e-mail: mail@printterra.biz